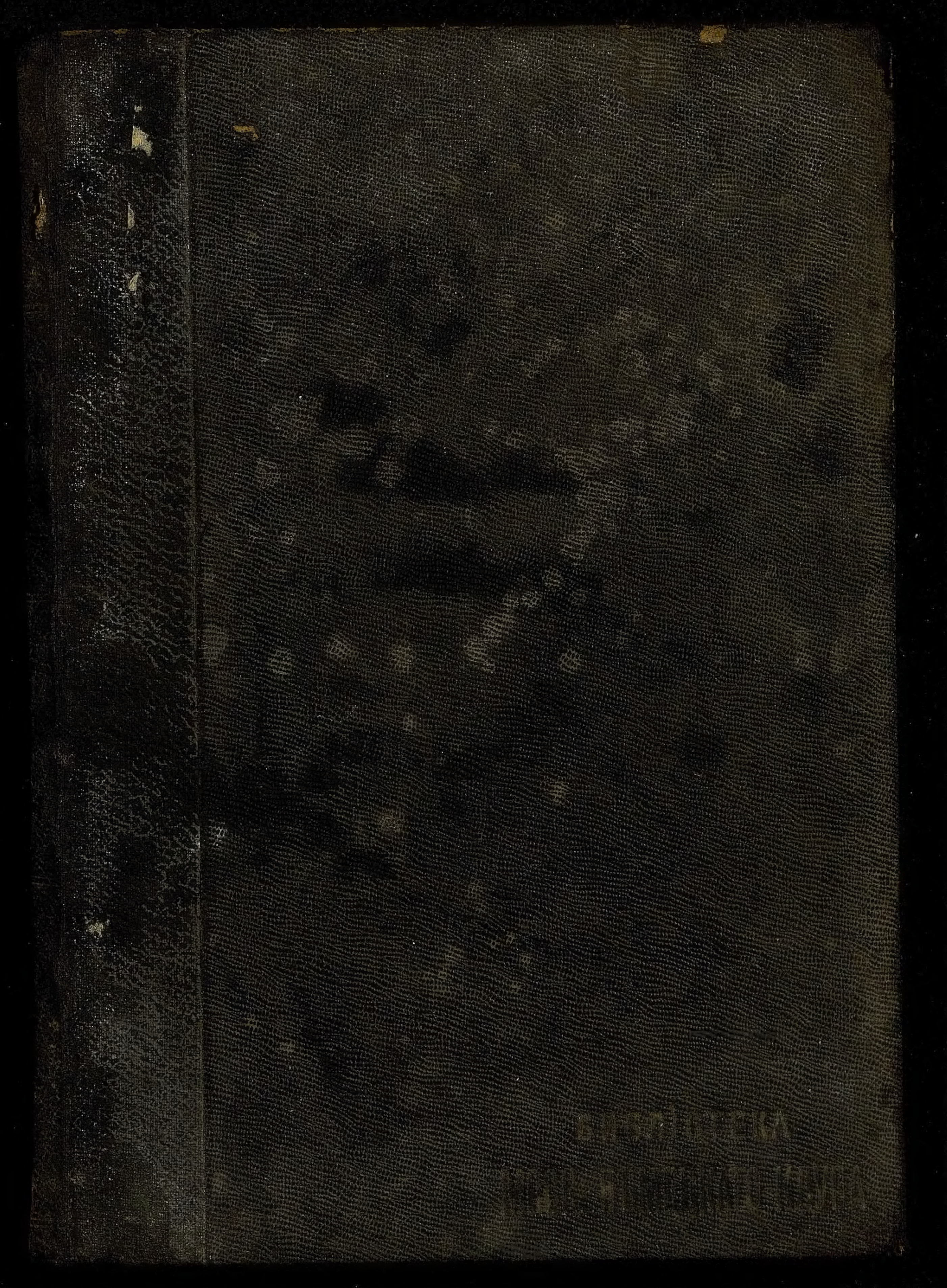
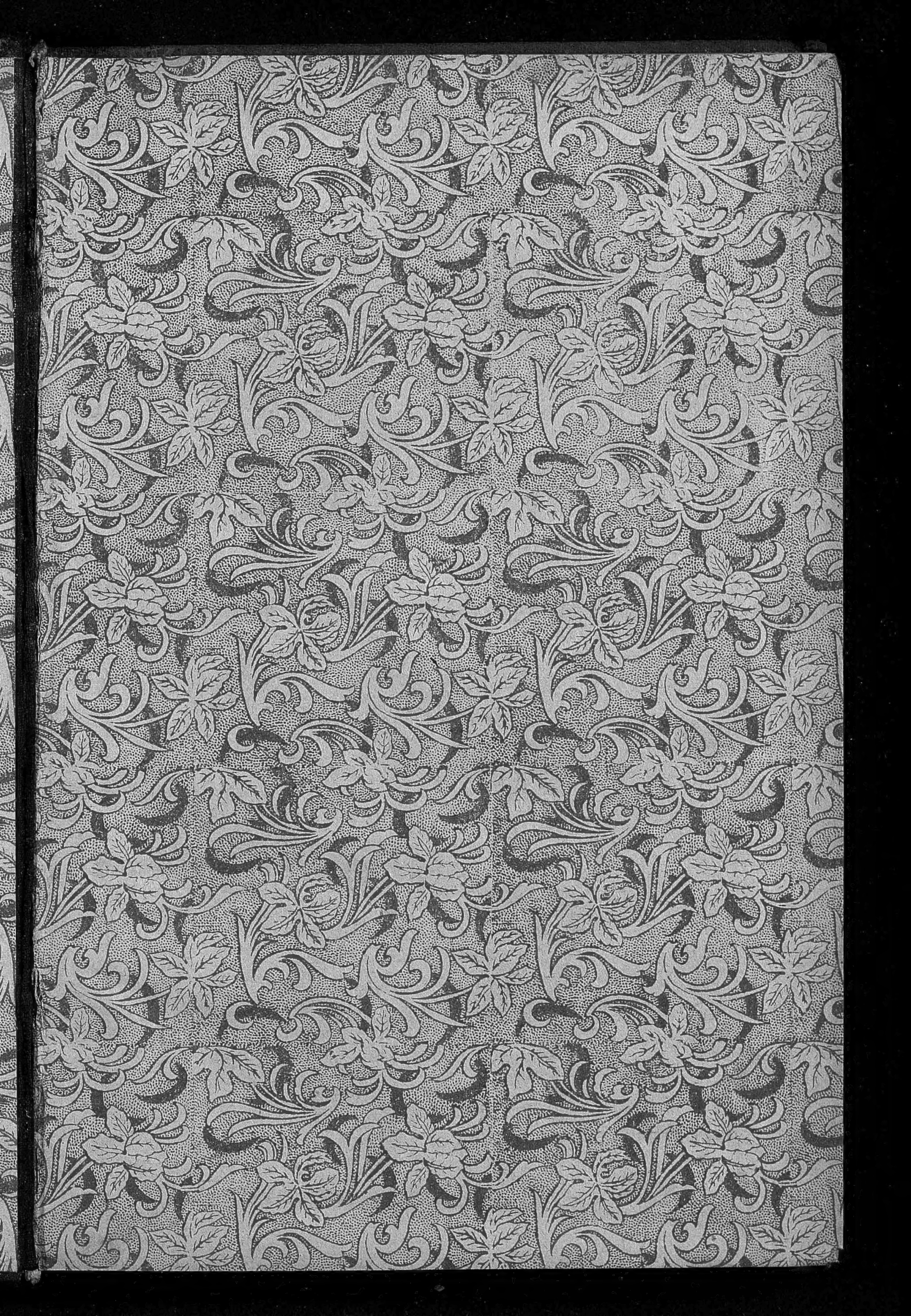

BIBLIOTEKA

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. **МАЙ.** 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портретъ Великаго Князя Владиміра Александровича и 3 рисунка къ статьѣ „Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ“. П. Козлова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1914 года.

Подписная цѣна на 1914 годъ 9 руб., за границу 11 руб.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Біографическій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго. С.-Петербургъ. 1914.

Въ краткомъ, но прекрасно составленномъ, потомками почившаго фельдмаршала, его біографическомъ очеркѣ отчетливо выяснены тѣ заслуги, которыя оказаны Россіи кн. П. М. Волконскимъ. Рельефно изображенъ его выдающійся подвигъ подъ Аустерлицемъ, награжденный Георгіемъ 3-го класса, созданіе имъ квартирмейстерской части (генеральнаго штаба) у насъ, его дѣятельность въ годину отечественной войны, его выдающаяся дѣятельность въ роли начальника главнаго штаба при Его Императорскомъ Величествѣ во время войны 1813 и 1814 годовъ. Роль эта была очень трудная, требующая особыхъ способностей, большого такта и характера. Она была выполнена княземъ Волконскимъ съ блестящимъ успѣхомъ. Особенно ярко выяснилась эта выдающаяся дѣятельность, когда князь первый призналъ необходимость для движенія союзныхъ войскъ въ Парижъ и настойчиво провелъ эту мысль въ исполненіе.

Съ 1815 по 1823 годъ князь былъ назначенъ постояннымъ начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, съ подчиненіемъ ему военнаго министра и сопровождалъ Императора Александра I во всѣхъ его путешествіяхъ. Какими тяжелыми испытаніями сопровождалась эта безсмѣнная служба при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, какой необычайной выдержки, способностей и самообладанія она требовала, —о томъ единогласно свидѣтельствуютъ современники.

Несмотря на всѣ эти заслуги во время заграничнаго отпуска князя Волконскаго, по интригамъ Аракчеева, князь былъ замѣненъ Дибичемъ.

Въ 1825 году князь Волконскій состоялъ при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и былъ свидѣтелемъ кончины Императора Александра I и Императрицы Елисаветы Алексѣевны. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ князь былъ министромъ Императорскаго Двора и скончался въ 1852 году. Изданіе этой біографіи дѣлаетъ честь потомкамъ почившаго князя, имѣвшимъ въ своихъ рукахъ и обнародовавшимъ интересные для исторіи документы. Многіе потомки замѣчательныхъ нашихъ людей имѣютъ въ своихъ рукахъ много интереснаго о своихъ предкахъ, но этого не дѣлаютъ.

Сочиненія и письма **П. Я. Чаадаева**. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Въ двухъ томахъ. Книгоизд—во „Путь". М. 1913, 1914.

Талантливый біографъ Чаадаева собравъ все вышедшее изъ-подъ его пера и сохранившееся до нашихъ дней. Не все ему удалось разыскать (не достаточно многихъ документовъ, бывшихъ въ рукахъ кн. И. С. Гагарина, перваго издателя сочиненій Чаадаева, и М. И. Жихарева, исчезли даже нѣкоторыя „Философическія письма"), но зато добыто много новаго,—нѣсколько писемъ Чаадаева, его мистическій дневникъ („Записки о духовѣдѣніи"), отрывки изъ недошедшихъ до насъ философическихъ писемъ, варіантъ „Апологіи сумашедшаго". Въ превосходно составленныхъ примѣчаніяхъ даны необходимыя объясненія и справки; тутъ же приведенъ рядъ писемъ корреспондентовъ Чаадаева. Такъ какъ большая часть текстовъ написана не по-русски, то весь второй томъ отведенъ переводамъ. Старательно редактированное и прекрасно изданное собраніе это, въ связи съ написанной г. Гершензономъ біографіей,—достойный памятникъ Чаадаеву и дорогой подарокъ русскому образованному обществу.

„Вадимъ Новгородскій". Трагедія **Я. Княжнина**. Съ предисловіемъ В. Саводника. М. 1914 г.

Текстъ знаменитой трагедіи, перепечатанной въ „Русс. Старинѣ" 1871 г. съ небольшимъ пропускомъ, въ настоящемъ изданіи данъ цѣликомъ и, кромѣ того, пересмотрѣнъ. Лишь недавно разысканіями г. Семенникова установлено, что „Вадимъ" былъ изданъ не Академіей, а книго-

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ, принимающихъ подписку.

Редакція журнала «Русская Старина» доводитъ до свѣдѣнія, что **съ 1-го января будущаго 1915 года, подписная цѣна на это изданіе будетъ увеличена на одинъ рубль.**

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи **вмѣсто 9-ти рублей—10 рублей; за границу, вмѣсто 11-ти рублей—12 рублей.**

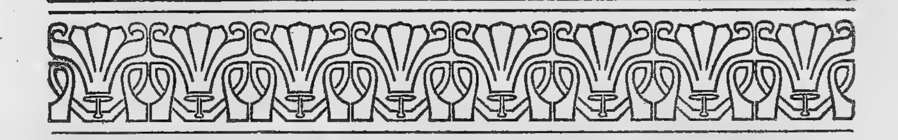
Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 18.

Великій князь

ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Сообщеніе въ память Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, сдѣланное въ засѣданіи 2 апрѣля 1910 года Императорскаго Русскаго Историческаго Общества [1]).

Наиболѣе тяжкую за истекшій промежутокъ времени потерю Общество понесло въ лицѣ своего старѣйшаго члена, Почетнаго Члена Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, почившаго 4 февраля 1909 года. Великій Князь Владиміръ Александровичъ родился 10 апрѣля 1847 года. Красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, баловень родителей, онъ съ раннихъ лѣтъ, благодаря своему благородному характеру, веселому нраву и впечатлительному сердцу, привлекалъ къ себѣ лицъ, его окружавшихъ, и самъ къ нимъ привязывался, а богатыя способности помогали ему въ удовлетвореніи природной его любознательности. Таковъ обликъ его, какъ мальчика, по отзыву одного изъ его воспитателей, Н. Г. Казнакова. Какъ онъ относился къ лицамъ, его окружавшимъ, можно судить по запискѣ, начертанной дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ, въ которой онъ обращается къ Милой Лизѣ (женѣ его воспитателя), прося ее прислать ему бѣлой пастилы. Относительно благородства его натуры, мнѣ пришлось слышать слѣдующій достовѣрный разсказъ лица, мнѣ [2]) лично извѣстнаго: однажды въ нѣжномъ дѣтствѣ Великаго Князя онъ встрѣчается съ толпой кадетъ въ Александріи; они становятся ему во фронтъ, онъ приглашаетъ ихъ играть въ войну и съ двумя изъ нихъ, на-

[1]) Предлагаемъ вниманію читателей интересную характеристику почившаго Великаго Князя Владиміра Александровича. *Ред.*

[2]) А. Н. Куломзину.

значивъ ихъ своими адъютантами, бросается на штурмъ игрушечнаго крѣпостного вала; при спускѣ въ слѣдующій за нимъ ровикъ, Великій Князь зацѣпляется за кустъ и на щекѣ оказывается царапина; бонна англичанка издали спрашиваетъ, что это такое; Великій Князь срываетъ съ куста листокъ, налѣпляетъ на щеку и кричитъ, что это первое его боевое отличіе, а кадетамъ шепчетъ: „теперь скорѣй бѣгите въ лагерь, а то на Васъ будетъ жалоба". Кадеты стремглавъ бросились бѣжать, поспѣли во-время и хотя дѣйствительно начальство спрашивало вечеромъ, не было ли отсталыхъ, но таковыхъ не оказалось.

Развитію любознательности Его Высочества несомнѣнно не мало содѣйствовали частыя совмѣстныя съ родителями поѣздки по Россіи и раннее участіе въ современныхъ торжествахъ. Конечно, не въ счетъ этихъ поѣздокъ слѣдуетъ отнести первыя изъ нихъ на пароходѣ „Грозящій" въ 1849 г. въ Ревель и въ 1852 г. въ Гапсаль. Но за симъ въ 1854 и 1855 годахъ онъ сопровождаетъ Ихъ Величества въ Москву, въ 1856 году присутствуетъ на торжественномъ въѣздѣ Императора и Императрицы въ Москву и на священномъ короновании; онъ вмѣстѣ съ родителями двукратно посѣщаетъ въ 1855 и 56 годахъ Троице-Сергіевскую Лавру. Засимъ образовательныя поѣздки слѣдуютъ въ 1858 году въ Нарву, Выборгъ, на Иматру и шхерами къ устью рѣки Кюмени.

* * *

Въ 1861 году были усмотрѣны недостаточные успѣхи въ наукахъ у воспитывавшихся совмѣстно Великихъ Князей Александра Александровича и Владиміра Александровича и воспитателемъ къ нимъ назначенъ графъ Перовскій. Человѣкъ чрезвычайно добрый и мягкій, графъ считалъ, однако, своимъ долгомъ принять на себя личину чрезвычайно суроваго воспитателя. Великіе Князья вводятся въ рамки строго размѣреннаго дня. Вставать полагалось лѣтомъ въ $5^1/_2$ часовъ утра; день былъ расписанъ по часамъ: прогулки чередовались съ занятіями. Въ преподаватели къ Великимъ Князьямъ приглашены были лучшія силы тогдашняго педагогическаго міра. Во главѣ ихъ духовникъ Ихъ Величествъ, протоіерей Рождественскій, не только въ качествѣ преподавателя, но и почти ежедневнаго собесѣдника. Самъ одухотворенный до глубины души живою вѣрою, онъ съумѣлъ развить и укрѣпить таковую въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ. За симъ слѣдуютъ: Стоюнинъ по русскому языку, Эвальдъ по математикѣ, Бестужевъ-Рюминъ по

исторіи, Чевилевъ по географіи и статистикѣ. Установлены были отмѣтки; учителя обязаны были не стѣсняясь ставить двойки, единицы, нули. За каждою дурною отмѣткою или по поводу невниманія во время урока, за каждою вспышкою юношескаго пылкаго темперамента, слѣдовали замѣчанія, выговоры и даже наказанія, въ родѣ отлученія отъ совмѣстныхъ игръ на болѣе или менѣе продолжительное время. Во время отсутствія Ихъ Величествамъ посылались ежедневныя, а когда Ихъ Величества были въ дальнемъ отсутствіи (въ Крыму) еженедѣльныя подробныя донесенія о поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ Великихъ Князей. Эти донесенія возвращались съ собственноручными отмѣтками Государя Императора, и въ высокой степени трогательнымъ представляется то близкое участіе, которое Императоръ Александръ II принималъ въ воспитательномъ дѣлѣ. Каждая мелкая подробность въ отмѣчаемыхъ склонностяхъ того или другого изъ сыновей, чертахъ ихъ характеровъ, ихъ успѣхахъ находили себѣ откликъ въ сердцѣ Его Величества, подвергались обсужденію и получали оцѣнку. И вотъ, несмотря на такую исключительную строгость режима, Великій Князь привязывается къ новому своему воспитателю, называя его въ своихъ письмахъ „дорогой".

Къ этому времени Великій Князь Владиміръ Александровичъ сталъ уже юношей, и о волновавшихъ его чувствахъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ въ одномъ изъ его писемъ къ графу Перовскому. „Когда народъ", — пишетъ онъ въ 1856 году изъ Старой Руссы, — „съ радостными криками „ура" встрѣчаетъ меня, я внутренно говорю себѣ: этотъ народъ „любитъ Твоего отца, онъ обожаетъ его, старайся и Ты быть „достойнымъ его любви. Не думайте, дорогой Борисъ Алексѣе-„вичъ, что это пустыя слова; нѣтъ—они самыя искреннія".

Вообще Великій Князь Владиміръ Александровичъ, а равно и Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ имѣли счастье попасть въ качествѣ воспитателей въ руки людей съ теплымъ сердцемъ и потому легко къ нимъ привязывались. Владиміръ Александровичъ во все послѣдующее время постоянно выражалъ семействамъ какъ Казнакова и Гогеля, такъ и графа Перовскаго свое вниманіе, часто ихъ посѣщалъ и всячески оказывалъ свою поддержку всѣмъ членамъ этихъ семействъ.

Въ послѣдующихъ годахъ, строгость режима нарушается, однако, лѣтними поѣздками въ Москву, Ригу, Либаву; на освященіе въ Новгородѣ памятника тысячелѣтія Россіи (въ 1862 году); въ лагерь подъ Тавастгусомъ и на открытіе Сейма въ Фин-

ляндіи (въ 1863 году); на Московскіе маневры и за границу въ Швейцарію и Дармштадтъ (въ 1864 году).

Во время продолжительныхъ отсутствій Ихъ Величествъ въ 1863 году въ Ливадію и въ 1864 году въ Ниццу, Великіе Князья часто посѣщали Петергофъ, мѣстопребываніе Великой Княгини Маріи Николаевны и Принцессы Евгеніи Максиміліановны. Къ этой эпохѣ и надлежитъ отнести починъ въ развитіи у Великаго Князя любви къ живописи и ваянію. Наклонность къ историческимъ изслѣдованіямъ могла возникнуть подъ вліяніемъ замѣчательнаго знатока исторіи, перваго воспитателя Великаго Князя, Казнакова, а талантливое преподаваніе и неподдѣльный патріотизмъ Бестужева-Рюмина должны были развить въ Великомъ Князѣ ту любовь къ русской исторіи, къ русской старинѣ во всѣхъ сферахъ ея вліянія, а черезъ это и ко всему русскому, т.-е. ту сторону его міровоззрѣнія, которая, благодаря постояннымъ занятіямъ и феноменальной памяти, превратилась у него въ настоящую страсть.

Въ 1865 году Великій Князь переживаетъ, вмѣстѣ со всею Императорскою фамиліею, глубокое постигшее ее горе, и очевидцы свидѣтельствуютъ, какъ сильно печаль эта запала въ душу юноши. Если и ранѣе совмѣстное съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ воспитаніе сблизило двухъ братьевъ, то перенесенная въ близкомъ общеніи общая семейная утрата еще болѣе укрѣпила эту дружбу. Глубокую привязанность къ Государю Императору Александру III Великій Князь сохраняетъ вплоть до кончины его старшаго брата и Государя.

Съ образованіемъ, 1866 году, Русскаго Историческаго Общества, согласно идеи Государя Наслѣдника и самого Великаго Князя, развитію склонности Великаго Князя къ историческимъ наукамъ былъ данъ новый толчекъ. Секретарь Общества А. А. Половцовъ посвящаетъ Его Высочество въ изученіе издаваемыхъ Обществомъ документовъ, и мы видимъ Великаго Князя дѣятельнымъ участникомъ въ занятіяхъ Общества во все остальное время. Нерѣдко Его Высочество дѣлаетъ сообщенія въ средѣ Общества и всегда съ живымъ интересомъ слѣдитъ за его работами.

* * *

Съ назначеніемъ Великаго Князя, 8 іюля 1866 года, ротнымъ командиромъ Преображенскаго полка и принесеніемъ имъ, 17 апрѣля слѣдующаго года, присяги, начинается, соб-

ственно говоря, его дѣйствительная служба. По совершеніи осенью 1866 года бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича, Великій Князь Владиміръ Александровичъ продолжаетъ сопровождать Его Величество на маневры, въ Москву, за границу и въ Ливадію; 20 декабря 1867 года онъ назначается командиромъ 1 баталіона того же полка и въ апрѣлѣ 1868 года сдаетъ баталіонъ для отправленія въ 3-хъ-мѣсячное путешествіе въ Западную Сибирь. Проѣздомъ онъ посѣщаетъ Нижній-Новгородъ, Симбирскъ и Самару и засимъ направляется на Уфу, Оренбургъ, Златоустовскій и Бѣлозерскій заводы, Петропавловскъ, Омскъ и Томскъ. Въ Западной Сибири крайнимъ на югъ пунктомъ является Бухтарминская станица и на Востокъ гор. Каинскъ. На обратномъ пути, Великій Князь Владиміръ Александровичъ посѣтилъ Екатеринбургъ, Уральскіе заводы, Пермь. Весь путь слѣдованія былъ не что иное, какъ рядъ въ высшей степени трогательныхъ проявленій любви народной къ сыну обожаемаго Царя Освободителя. Населеніе стекалось толпами до 15.000 человѣкъ изъ-за 100 верстъ и далѣе, чтобы привѣтствовать Августѣйшаго гостя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сказывалось и личное обаяніе Великаго Князя. Такъ, на пути между Омскомъ и Семипалатинскомъ въ станицѣ Желѣзнинской одна старуха влѣзла на помостъ посмотрѣть на дорогого гостя и вдругъ громко вскрикнула: *„Да какой онъ хорошенькій, мой Батюшка“*! Въ Семипалатинскѣ до 5.000 человѣкъ народу собралось издалека встрѣтить Великаго Князя; дамы и дѣвицы простирали ему подъ ноги свои бурнусы, шали и платки, чтобы онъ только прошелъ по нимъ. Кромѣ торжественныхъ встрѣчъ. посѣщеній соборовъ, обѣдовъ и вечеровъ, Великій Князь повсюду неукоснительно дѣлаетъ смотры мѣстнымъ войсковымъ частямъ, осматриваетъ музеи, тюрьмы, больницы, иногда, какъ въ Омскѣ, переполненные больными (250 человѣкъ), бесѣдуетъ съ мѣстными дѣятелями о нуждахъ края, разговариваетъ съ обывателями, интересуется всѣми деталями видѣннаго.

При объѣздѣ, 30 лѣтъ спустя, части мѣстностей, посѣщенныхъ Великимъ Княземъ, я неоднократно сталкивался съ воспоминаніями мѣстныхъ жителей о путешествіи Его Высочества.

* * *

Вслѣдъ за возвращеніемъ изъ этого путешествія, Великій Князь, 22 ноября того же года, получаетъ назначеніе Сенаторомъ 1-го Департамента Правительствующаго Сената, того учрежденія, въ коемъ сосредоточиваются всѣ нити нашего

государственнаго управленія. Живо заинтересовавшись этимъ практическимъ, такъ сказать, курсомъ нашего государственнаго права, Великій Князь, подъ руководствомъ бывшаго тогда оберъ-прокурора этого Департамента А. А. Половцова, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принималъ постоянное участіе въ засѣданіяхъ Правительствующаго Сената. По требованію Императора Александра II, Великій Князь прибывалъ въ Сенатъ ежедневно въ 11 часовъ утра, оставался до конца засѣданія, т. е. до 4 часовъ и позже, за тѣмъ ѣхалъ во Дворецъ отдавать Государю отчетъ въ томъ, что происходило въ засѣданіи.

Весною слѣдующаго 1869 года, Великій Князь отправляется, по Высочайшему повелѣнію, въ новую образовательную поѣздку за границу, въ теченіе коей посѣщаетъ Вѣну, Венецію, Флоренцію, Римъ, Неаполь и въ томъ же году, 30 ноября, назначается Товарищемъ Президента Императорской Академіи Художествъ. Въ послѣдующихъ годахъ Великій Князь постоянно сопровождаетъ Императора Александра II въ поѣздкахъ Его Величества по Россіи, каковы поѣздки въ 1871 году на Кавказъ, въ 1872 году въ Москву на политехническую выставку, въ Крымъ и Донскую Область, а также неоднократно за границу. Во время заграничныхъ поѣздокъ Его Высочество дополняетъ свое художественное образованіе изученіемъ галлерей въ Германіи, Голландіи и Бельгіи. За кончиной Великой Княгини Маріи Николаевны, Великій Князь назначается, 14 февраля 1876 года, Президентомъ Академіи. Его Высочество пробылъ въ этомъ званіи 34 года. Засѣданія Академіи онъ посѣщалъ сравнительно рѣдко, предпочитая предоставлять участвующимъ въ нихъ лицамъ полную свободу въ обсужденіи подлежащихъ вѣдѣнію Академіи дѣлъ, но выставки и классы Его Высочество посѣщалъ въ среднемъ около 6 разъ въ годъ, т. е. въ общей совокупности до 200 разъ. И въ этомъ званіи Великій Князь, по отзывамъ вполнѣ компетентныхъ лицъ, проявилъ свою особливую любовь къ русскому искусству, свою доступность всѣмъ возникающимъ талантамъ. Просвѣщенная же и глубоко вѣрная его оцѣнка произведеній искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ его щедрость выразились въ томъ замѣчательномъ собраніи произведеній русскихъ художниковъ, которымъ Великій Князь наполнилъ Свой Дворецъ.

* * *

Съ 10 января 1872 года, въ силу Особаго Высочайшаго повелѣнія, Великій Князь присутствовалъ въ засѣданіяхъ

Государственнаго Совѣта, не принимая участія въ рѣшеніи дѣлъ, а Высочайшимъ приказомъ 16 апрѣля того же года состоялось назначеніе Его Высочества членомъ этого Собранія. Съ этого дня по 26 апрѣля 1906 года, т. е. до преобразованія Государственнаго Совѣта, состоялось 889 засѣданій Общаго Собранія, изъ коихъ Великій Князь присутствовалъ въ 626 засѣданіяхъ. За все это время Его Высочество проявлялъ живой интересъ къ законодательнымъ вопросамъ.

Въ 1874 году Великій Князь, слѣдуя влеченію сердца, соединяется узами брака съ дочерью Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Маріею Павловною, и съ этого времени началась самостоятельная жизнь Его Высочества. Но едва прошло 3 года, какъ мирная семейная жизнь Его Высочества прерывается наступившими на Ближнемъ Востокѣ событіями.

* * *

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, Великій Князь получаетъ временное командованіе двѣнадцатымъ армейскимъ корпусомъ въ Рущукскомъ отрядѣ, состоявшемъ подъ общимъ командованіемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. Въ командованіе корпусомъ Великій Князь вступилъ 26 іюня. Для того, чтобы очертить участіе Великаго Князя въ военныхъ дѣйствіяхъ, мнѣ придется неизбѣжно, хотя бы кратко, коснуться положенія и всей дѣятельности Рущукскаго отряда.

Какъ извѣстно, отрядъ этотъ состоялъ изъ 49 баталіоновъ, 2 ротъ, 41 эскадрона и сотенъ, при 224 орудіяхъ, всего 55.847 человѣкъ въ строю. Общая оборонительная его линія простиралась по длинѣ на 50 безъ малаго верстъ, а линія кавалерійскаго наблюденія до 60—65 верстъ [1]).

---

[1]) Въ составъ Рущукскаго отряда входили слѣдующія войска:

12 корпусъ.

12-ая пѣх. дивизія, полки: Азовскій, Днѣпровскій, Украинскій и Одесскій.

33-я пѣх. дивизія, полки: Бессарабскій, Херсонскій, Тираспольскій и Бендерскій.

12-ая арт. бригада.

33-я арт. бригада.

12-ая кавалер. дивизія, полки: Стародубскій драгунскій, Бѣлогородскій уланскій, Ахтырскій гусарскій и Донск. казач. № 12.

Донской казачій полкъ № 37.

19-ая конная артиллер. батарея.

Съ турецкой стороны противъ Рущукскаго отряда стояла Восточно-Дунайская армія, численностью въ 99.000 человѣкъ, состоявшая изъ 147 баталіоновъ, 73 эскадроновъ и 36 батарей, при 216 орудіяхъ и нѣсколькихъ тысячахъ иррегулярныхъ всадниковъ.

Первоначально назначеніе Рущукскаго отряда состояло въ томъ, чтобы освободить все пространство между нашею переправою въ Систовѣ и Главною квартирою съ одной стороны и Рущукомъ и Разградомъ съ другой, отъ непріятельскихъ войскъ, оттѣснить ихъ къ Рущуку и обложить эту крѣпость. Но послѣ неудачнаго дѣла 8 іюля подъ Плевною, наступательныя дѣйствія были воспрещены отряду, котораго задача была ограничена тѣмъ, чтобы служить заслономъ Плевненской арміи противъ флангового наступленія Рущукскихъ войскъ. Въ теченіе послѣдующихъ 7 мѣсяцевъ Рущукскій отрядъ, какъ извѣстно, блистательно исполнилъ свою задачу. Три главнокомандующихъ, смѣнившіе другъ друга въ турецкой Рущукской арміи, Абдулъ-Керимъ паша, Мехметъ-Али паша и Сулейманъ паша, предпринимали наступленія въ различныхъ направленіяхъ, но не смогли разорвать нашу оборонительную линію, благодаря замѣчательной освѣдомленности нашихъ начальствующихъ лицъ, умѣлымъ стратегитескимъ и тактическимъ ихъ пріемамъ и беззавѣтной храбрости войсковыхъ частей. При чрезвычайной растянутости нашихъ позицій, турки при всѣхъ своихъ наступленіяхъ оказывались въ 4, 5 и болѣе разъ сильнѣе нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ и тѣмъ не менѣе нигдѣ окончательнаго успѣха не имѣли.

Донск. казач. батарея № 5.

13 корпусъ.

1-ая пѣх. дивизія, полки: Невскій, Софійскій, Нарвскій и Копорскій.

35-ая пѣх. дивизія, полки: Нѣжинскій, Болховскій, Моршанскій и Зарайскій.

1-ая артил. бригада.

35-ая артил. бригада.

8-ая кавал. дивизія, полки: Астраханскій драгунскій, Вознесенскій уланскій, Лубенскій гусарскій и Донск. казачій № 8.

Сотня казачьяго № 13 полка.

15-ая конно-артиллер. батарея.

Донская каз. № 9 батарея.

Кромѣ того:

7-ой сапер. баталіонъ.

2 роты 2-аго сапернаго баталіона.

Дивизіонъ Л. Г. Атаман. полка.

Скорострѣльная батарея.

Характерную общую черту всѣхъ этихъ стычекъ и сраженій составили слѣдующіе пріемы: турки наступали густыми колоннами, осыпая наши войска сперва артиллерійскимъ, а затѣмъ оружейнымъ огнемъ. Войска наши упорно отстрѣливались изъ временныхъ ложементовъ; за симъ отдѣльный наиболѣе храбрый начальникъ чаще всего небольшой части, баталіона, роты и даже полуроты, поднимаетъ людей для удара въ штыки; за этою частью бросаются въ атаку другія, и турки даютъ тылъ.

Въ этихъ бояхъ пало не мало такихъ храбрецовъ, во главѣ своихъ частей.

Боевое крещеніе Великій Князь получилъ 9 іюля, въ предпринятой имъ развѣдкѣ къ Рущуку. Отрядъ состоялъ изъ 3 сотенъ казачьяго № 37 полка, 2 казачьихъ конныхъ орудій и двухъ баталіоновъ Бендерскаго и Тираспольскаго пѣхотныхъ полковъ. По достиженіи цѣли развѣдки, заключавшейся главнымъ образомъ въ уничтоженіи телеграфа и порчѣ желѣзной дороги къ Шумлѣ, когда отрядъ возвращался къ рѣкѣ Ломъ, раздались въ тылу орудійные выстрѣлы и гранаты стали разрываться не вдалекѣ отъ Великаго Князя. Въ одной изъ ротъ Бендерцевъ, летѣвшія сзади гранаты произвели замѣшательство. Тогда къ ротному командиру подскакиваетъ находившійся въ свитѣ Великаго Князя адъютантъ его Васмундъ и совѣтуетъ ему обратить роту лицомъ къ врагу, что и было исполнено. Люди немедленно успокоились, и непріятное впечатлѣніе какъ рукой сняло. Около появившихся изъ Рущука орудій, обрисовалось значительное число всадниковъ, а орудія продолжали посылать на нашъ отрядъ свои гранаты; началась перестрѣлка. Чтобы слѣдить за нею, Великій Князь поднялся на одинъ изъ ближайшихъ къ передовой линіи холмовъ и оттуда распоряжался. Довольно значительная группа всадниковъ была хорошо видна туркамъ, которые стали посылать по ея направленію одну за другою гранаты, разрывавшіяся у подошвы холма. По свидѣтельству очевидцевъ, Великій Князь, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, спокойно отдавалъ приказанія. Когда Великій Князь удостовѣрился въ отступленіи турокъ, то возвратился на рѣку Ломъ.

Для исполненія возложенной на Рущукскій отрядъ задачи, необходимо было рядомъ рекогносцировокъ, всегда быть въ курсѣ расположенія и передвиженія турецкихъ войскъ. Рекогносцировки эти оканчивались стычками и цѣлыми сраженіями. Первая такая стычка разгорѣлась въ авангардѣ генерала Дризена у Пиргоса; засимъ сраженіе у деревни Бисанцы 11 іюля, у

Есерджи 14 іюля. Къ этой послѣдней стычкѣ привела рекогносцировка кавалеріи графа Воронцова-Дашкова. Далѣе развѣдки 9-го августа къ Папкіою, Хайдеркіою и Спахилеру, назначенныя по поводу слуховъ о движеніи въ сторону Рущукскаго отряда Сулеймана паши.

Въ свою очередь, турки произвели 9 августа атаку на 12-й корпусъ, въ отраженіи коей участвовалъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Одновременно было предпринято 9—11 августа наступленіе противъ нашихъ Аяслярскихъ позицій, выдвинутыхъ за рѣку Ломъ. Въ этомъ весьма серьезномъ бою наши войска уступили было наши позиціи, но, по распоряженію командовавшаго 13-мъ корпусомъ, вновь ихъ отвоевали ночью и вновь должны были отступить послѣ того, что Невскій и Софійскій полки, въ теченіе 18 часовъ, отразили атакъ.

На слѣдующее же утро, Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣзжалъ позиціи, благодарилъ войска и вселилъ въ сражавшихся новыя силы.

Въ тѣ самые дни, когда у Аяслара семь баталіоновъ нашихъ войскъ сражались противъ 16 баталіоновъ при 12 орудіяхъ турокъ—11 нашихъ баталіоновъ отражали на Шипкѣ, при одинаковыхъ условіяхъ жары и усталости, яростныя атаки 46 баталіоновъ Сулеймана паши.

Въ самый день второй нашей неудачи подъ Плевной 18 августа, произошелъ упорный бой подъ Карахасанкіоемъ, куда Мехметъ-Али направилъ 29 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и 48 орудій, съ массою черкесовъ и башибузуковъ, противъ нашихъ 3 баталіоновъ, 2 эскадроновъ, 1 сотни казаковъ и 10 орудій, во главѣ съ генералъ-маіоромъ Леоновымъ 2-мъ [1]). Вслѣдствіе численнаго превосходства непріятеля, наши части, отразивъ натискъ, тѣмъ не менѣе должны были отойти къ Гагову.

Вслѣдъ за этимъ боемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, 21-го августа, на разстояніи выстрѣла отъ непріятеля, вновь объѣхалъ всѣ наши позиціи между Гаговымъ и Папкіоемъ.

Между тѣмъ, 19 августа 17 баталіоновъ турецкихъ войскъ вышли изъ Рущука и произвели диверсію противъ нашего лѣваго фланга у Кадыкіоя, но были отброшены, при личномъ руководствѣ боемъ Великаго Князя Владиміра Александровича.

---

[1]) Степанъ Степановичъ Леоновъ 2-ой въ войну 1877—78 года командиръ 1-й бригады 8-ой кавалерійской дивизіи. Впослѣдствіи командиръ 17-го армейскаго корпуса и членъ Александровскаго Комитета о раненыхъ; скончался въ 1899 году.

Одновременно Мехметъ-Али надумалъ совершить общее наступленіе на наиболѣе слабое мѣсто, а именно на позиціи наши у деревень Кацлево и Аблаво—находившихся въ центрѣ нашего расположенія; позиціи эти были заняты 33-ею дивизіею, бывшею подъ начальствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича. Августѣйшій Начальникъ Рущукскаго отряда отлично зналъ, что ему неоткуда было ожидать помощи, и послалъ въ главную квартиру, сдѣлавшееся историческимъ по своей краткости, донесеніе: „Сколько можно судить по полученнымъ свѣдѣніямъ, гласитъ это донесеніе, главный пунктъ атаки турокъ есть Аблаво. Я послалъ, въ подкрѣпленіе 33 пѣхотной дивизіи, два полка 13 корпуса и казачій полкъ № 13“. Противъ этихъ позицій, занятыхъ всею 16.000 нашихъ войскъ, было сосредоточено 80.000 турецкихъ войскъ [1]).

Ничтожный Кацлевскій отрядъ, послѣ отчаяннаго боя, долженъ былъ, по распоряженію своего начальства, отступить, но Аблавскія войска опрокинули турокъ, которые бѣжали за рѣку Ломъ, преслѣдуемые нашими войсками; послѣднія къ ночи возвратились на свои позиціи и на нихъ ночевали. Въ этомъ геройскомъ бою особенно отличились: генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Дризенъ [2]), онъ подскакалъ къ баталіону отступавшихъ Копорцевъ, повернулъ ихъ кругомъ и лично довелъ ихъ, вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ резервомъ, до позиціи, и—начальникъ 33-ей дивизіи, генералъ-маіоръ Тимофѣевъ, успѣвшій остановить вытянувшіяся въ одну линію отступавшія части. Онъ взялъ въ руки ружье и, выйдя впередъ за цѣпь, одинъ, неторопливымъ шагомъ, направился въ сторону непріятеля; за нимъ пошло остальное начальство, войска ринулись въ новый бой, и турки не выдержали и дали тылъ.

Между тѣмъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ рѣшилъ исполнить давно задуманное имъ сосредоточеніе всего отряда къ рѣкѣ Янтрѣ. Рѣшено было начать это движеніе съ 25-го числа, при

---

[1]) У Кацлева было нашихъ 4 баталіона, 3 эскадрона и 8 орудій, а у Аблава $5^1/_2$ баталіоновъ, 3 эскадрона и 42 орудія, къ коимъ утромъ 24 августа прибыли изъ 13-го корпуса 6 баталіоновъ и 16 орудій, а всего 16 тысячъ человѣкъ. На Кацлево наступало 36 баталіоновъ, 24 эскадрона и 45 орудій, а противъ Аблава турецкія войска дошли до 60 таборовъ, при 60 орудіяхъ.

[2]) Генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Дризенъ въ кампанію 1877 года начальникъ 12 кавалерійской дивизіи. Впослѣдствіи командовалъ корпусомъ въ Виленскомъ воен. окр. Генералъ-маіоръ Тимофѣевъ—въ войну 1877—78 года командовалъ 33-ею дивизіей. Скончался въ 1889 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

чемъ громадное затрудненіе состояло въ томъ, какъ совершить его въ виду непріятеля. Помогъ этому дѣлу самъ Мехметъ-Али. Въ это утро къ нему въ дер. Соленики прибылъ изъ Главной квартиры полковникъ графъ С. Д. Шереметьевъ съ отвѣтнымъ письмомъ отъ главнокомандующаго по поводу извѣщенія турецкаго главнокомандующаго о присоединеніи турокъ къ Женевской конвенціи. Это обстоятельство и дало, повидимому, поводъ Мехмету-Али просить перемирія для взаимнаго размѣна оставшихся на полѣ битвы раненыхъ и убитыхъ. Съ нашей стороны дано было согласіе, но, дабы турки не могли заподозрить нашихъ намѣреній, поставлено было условіемъ, чтобы перемиріе длилось не далѣе заката солнца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вечера 25-го начато было отступленіе и закончено 27-го. Одинъ изъ подчиненныхъ Мехмета-Али, Селихъ паша совѣтовалъ возобновить наступленіе, но штабные чины находили это предпріятіе слишкомъ опаснымъ. Всѣ эти промахи турецкихъ военачальниковъ показали, какъ выражается Лееръ въ своемъ обзорѣ нашихъ войнъ (кн. IV ч. I стр. 393), что „турецкая армія, какъ всѣ ранѣе съ нами воевавшія турецкія арміи, лишена была способности наступать противъ насъ какъ въ стратегическомъ, такъ и въ тактическомъ отношеніяхъ". Рущукскій отрядъ сосредоточился на лѣвомъ берегу Баницкаго Лома на великолѣпныхъ позиціяхъ между деревнями Мечкой и Капривицею и въ ближайшей другъ съ другомъ связи всѣхъ войскъ отряда. Сосредоточеніе это составляетъ, по свидѣтельству нашихъ военныхъ историковъ, неотъемлемую большой важности заслугу командовавшаго отрядомъ Наслѣдника Цесаревича; а именно отрядъ, находившійся передъ тѣмъ въ постоянной возможности быть отброшеннымъ вслѣдствіе растянутости своего положенія, получилъ возможность быть готовымъ ко всѣмъ случайностямъ. Къ тому же онъ, наконецъ, былъ подкрѣпленъ 26-ою дивизіею и бригадою второй Донской казачьей дивизіи.

Выгода новаго расположенія сразу обнаружилась, когда Мехметъ-Али, по требованію турецкаго правительства оказать содѣйствіе Осману пашѣ, которому вновь удалось отразить 30 августа третью атаку подъ Плевною, рѣшилъ прорваться въ интервалъ между 13—11 корпусами; а именно Наслѣдникъ Цесаревичъ могъ подкрѣпить генералъ-лейтенанта Татищева [1])

---

[1]) Леонидъ Дмитріевичъ Татищевъ состоялъ въ эту войну начальникомъ 11-й кавалерійской девизіи. Скончался въ 1881 году.

тремя полками 13-го корпуса: Пермскимъ, Невскимъ и Вятскимъ, когда противъ нашего отряда въ 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, при 46 орудіяхъ подъ Чайркіоемъ и Церковной, Мехметъ-Али двинулъ, 9 сентября, 56 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, съ 93 орудіями. Несмотря на это превосходство силъ, наши войска отразили турокъ съ значительнымъ урономъ.

Новое наступленіе было задумано Мехметомъ-Али съ 20 на 21 сентября: длинная вереница его войскъ потянулась уже къ наведенному черезъ рѣку Ломъ у деревни Иванъ-Чифтликъ мосту, какъ вдругъ получается приказъ о снятіи съ него званія главнокомандующаго. Отмѣнивъ наступленіе, онъ, позавтракавъ, уѣхалъ въ Константинополь, а войска разошлись по бивуакамъ.

До тѣхъ поръ Мехметъ-Али дѣйствовалъ по преимуществу противъ праваго фланга Рущукскаго отряда. По прибытіи же замѣнившаго его Сулеймана паши, послѣдній сосредоточилъ свои силы противъ 12-го корпуса, т.-е. лѣваго фланга Рущукскаго отряда. Уже 3-го октября Сулейманъ паша предпринялъ рекогносцировку нашихъ позицій. Наши передовые посты медленно отходили къ деревнѣ Ханъ-Гюль-Чесме, и слѣдовавшая за ними турецкая пѣхота была наведена на батареи, которыя открыли по нимъ, на близкомъ разстояніи, мѣткій огонь, и турки въ безпорядкѣ бросились назадъ къ рѣкѣ Ломъ. Въ это самое время Наслѣдникъ Цесаревичъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ объѣзжалъ передовыя позиціи и вдоль фронта развѣвалось красное знамя Цесаревича. Вечеромъ того же дня, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, одинъ со своими адъютантами безъ конвоя, доѣхалъ до нашей цѣпи. Въ слѣдующіе дни турки продолжали свои развѣдки, что привело Великаго Князя къ мысли удостовѣриться въ томъ, что турки отступили къ Рущуку и Разграду. Организованы были, подъ личнымъ руководствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, сперва развѣдки 9 октября, а затѣмъ 12 октября большая рекогносцировка 3-мя колоннами. Въ правой колоннѣ, въ которую вскорѣ прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, находился Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Въ лѣвой колоннѣ—Князь Сергѣй Максимиліановичъ. Выѣхавъ къ передовой линіи, Сергѣй Максимиліановичъ остановился на курганѣ, съ цѣлью осмотра мѣстности и былъ сраженъ вражескою пулею. Часъ спустя, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, продолжая руководить разгоравшимся боемъ, оказался въ той же мѣстности.

Послѣ цѣлаго мѣсяца взаимныхъ наблюденій обоихъ отрядовъ другъ за другомъ, турки, утромъ 14 ноября, начали наступленіе на деревни Мечка и Трестеникъ [1]). Сулейманъ паша, предполагавшій подать помощь Плевнѣ и прервать наши сообщенія черезъ Дунай, направилъ на наши войска 51 таборъ при 54 орудіяхъ. Турки были отброшены послѣ упорнаго боя. Не малую въ этомъ дѣлѣ помощь намъ оказали осадныя батареи, расположенныя на Дунаѣ, которыя начали обстрѣливать турокъ съ фланга въ самомъ началѣ наступленія на наши позиціи.

Потерпѣвъ здѣсь пораженіе, Сулейманъ паша перебросилъ свои силы на позиціи наши у Кесарево вблизи города Елены, гдѣ 22 ноября разгорѣлся неравный бой: 30 тысячъ турокъ противъ 6 баталіоновъ 4 эскадроновъ и 26 орудій Сѣвскаго и Орловскаго полковъ. Хотя наши войска должны были отступить, но къ слѣдующему же утру прибыли командированныя Государемъ Наслѣдникомъ въ помощь Еленинскому отряду войска [2]), которыя, пройдя 50 верстъ въ 2 ночи и 1 день, по испорченной дождями дорогѣ, немедленно были двинуты на деревню Златарицу, гдѣ послѣ упорнаго боя турки были наголову разбиты.

Едва успѣла дойти до Рущукскаго отряда радостная вѣсть о побѣдѣ подъ Плевною 28 ноября, какъ получено было извѣстіе о подготовляемой новой атакѣ всѣхъ силъ Сулеймана паши. 30 ноября [3]) турки, въ составѣ не менѣе 60 баталіоновъ, направили главный ударъ на Мечку и на промежутокъ между Мечкою и Трестеникомъ, задумавъ прорвать нашу линію между двумя укрѣпленными позиціями. Въ критическую минуту Великій Князь Владиміръ Александровичъ прибылъ на поле сраженія и принялъ на себя руководство боемъ. Когда выяснилось главное направленіе повторныхъ атакъ турецкой пѣхоты, Великій Князь, выждавъ время, когда турки оконча-

---

[1]) У деревни Мечка стояли нашихъ 6 баталіоновъ и 16 орудій. Позицію у Трестеника занимали 9 баталіоновъ, при 44 орудіяхъ. Вблизи этой послѣдней деревни, находились 14 эскадроновъ и сотенъ съ 10 орудіями и въ общемъ резервѣ 9 баталіоновъ, 6 сотенъ и 36 орудій.

[2]) Первая бригада 26 дивизіи, 3 батареи 26 артиллерійской бригады и 4 эскадрона Рижскаго драгунскаго полка.

[3]) Къ этому дню состояло на позиціи у деревни Мечки 17 баталіоновъ, 18 эскадроновъ и сотенъ, 76 пѣшихъ и 12 конныхъ орудій, при чемъ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ были сдѣланы распоряженія о направленіи туда еще 10 баталіоновъ, 3 сотенъ и 42 орудій, которые по мѣрѣ прибытія должны были подкрѣпить сражающихся.

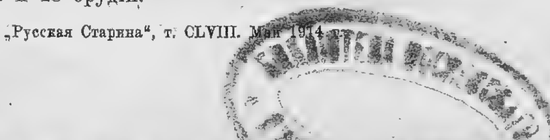
тельно втянутся въ лощины, откуда они вели свои отчаянныя наступленія, приказалъ Трестеникскимъ войскамъ перейти въ наступленіе по Рущукскому шоссе, которое у Ханъ-Гюль-Чесме поворачиваетъ круто къ Дунаю. Слѣдуя этимъ шоссе, наши войска вошли во флангъ и даже въ тылъ непріятеля, атаковавшаго Мечку [1]). Направленное Великимъ Княземъ обходное движеніе рѣшило бой, и турки отступили въ безпорядкѣ къ сѣверу на деревню Красна, такъ какъ путь ихъ къ югу на Иванъ-Чифтликъ былъ отрѣзанъ. Кромѣ распорядительности своей Великій Князь проявилъ въ этомъ дѣлѣ и присущую ему личную храбрость, выдвинувшись со своею свитою въ сферу огня.—Послѣдствіемъ было то, что въ свитѣ Его Высочества двое были ранены и пули падали около него самого.

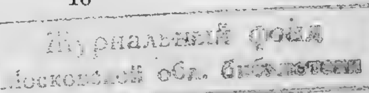
Этимъ сраженіемъ закончились наступательныя дѣйствія Сулеймана паши. Рущукскій отрядъ, переименованный въ Восточный, перешелъ въ наступленіе и, при участіи Великаго Князя Владиміра Александровича, послѣдовательно взялъ Разградъ, Османъ-Базаръ и Эски-Джуме.

Императоръ Александръ II настаивалъ, чтобы Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ на рождественскіе праздники вернулись въ С.-Петербургъ, но они рѣшительно отклонили это предложеніе, желая остаться при своихъ частяхъ. И дѣйствительно тутъ наступило едва-ли не самое тяжелое время борьбы, уже не съ непріятелемъ, а со стихіями. Въ началѣ декабря выпалъ первый снѣгъ, начались сильные морозы, вьюги, передвиженіе было почти невозможно, люди и лошади тонули въ снѣгахъ, продовольствіе арміи было крайне затруднено, топлива не было, войска располагались въ землянкахъ и хотя люди были обезпечены теплою одеждою, но у лошадей трескались копыта, число заболѣвающихъ людей увеличивалось съ каждымъ днемъ, и тутъ выступила воочію та заботливость, которую Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ все время съ начала кампаніи, а теперь еще вящше проявили ко ввѣреннымъ имъ войскамъ. Какъ прежде послѣ каждаго боя они оба посѣщали раненыхъ, такъ и теперь они, съ явною для себя опасностью зараженія, посѣщали тифозныхъ, которыми наполнены были госпитали, и другихъ страдальцевъ. Послѣдствіемъ этихъ посѣщеній было зараженіе, которое Наслѣдникъ

---

[1]) Для этого удара были сосредоточены 8 баталіоновъ, 14 эскадроновъ и сотенъ и 48 орудій.

Цесаревичъ увезъ съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ разболѣлся тяжкой формою возвратнаго тифа.

Послѣ Адріанопольскаго перемирія, Великіе Князья 1-го февраля 1878 г., сдали свои командованія и вернулись въ С.-Петербургъ, а Восточный отрядъ, согласно условіямъ перемирія, вступилъ, 8 февраля, въ Рущукъ безъ боя.

За время командованія 12-мъ корпусомъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ получилъ, 16 сентября, орденъ Св. Владиміра 2-ой степени съ мечами, за дѣло подъ Мечкою, 14 ноября орденъ Св. Георгія 3-ей степени и за отличіе въ сраженіи 30 ноября золотую саблю, украшенную бриллiантами, съ надписью: „за 14 и 30 ноября“.

* * *

По возвращеніи съ войны войскъ гвардіи, Великій Князь принялъ, въ 1878 году, командованіе I-ою гвардейскою дивизіею, и засимъ назначенъ Высочайшими приказами: 17 августа 1880 года командиромъ гвардейскаго корпуса и 2 марта 1881 года командующимъ войсками гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа. Столь отвѣтственныя назначенія дали Великому Князю возможность, въ полномъ объемѣ, проявить свои попечительныя заботы о ввѣренныхъ ему войскахъ. Для ознакомленія съ ихъ боевою готовностью и съ матеріальнымъ ихъ благосостояніемъ, Великій Князь, начиная съ 1883 года, предпринимаетъ цѣлый рядъ поѣздокъ для инспектированія какъ дѣйствующихъ, такъ и резервныхъ войсковыхъ частей и мѣстныхъ командъ, а также для повѣрки хода занятій запасныхъ нижнихъ чиновъ въ учебныхъ сборахъ. Въ 1883—99 годы Великій Князь предпринялъ 18 такихъ поѣздокъ, при чемъ провелъ въ дорогѣ 230 дней. Поѣздки 1884—97 годовъ описаны извѣстнымъ нашимъ писателемъ К. К. Случевскимъ и даютъ намъ возможность заглянуть во всѣ подробности живого отношенія Великаго Князя къ порученному Его попеченію дѣлу. Такъ, упомянутыя поѣздки заняли около 4 мѣсяцевъ; за это время Его Высочествомъ было посѣщено 53 города, осмотрѣны въ подробности всѣ на пути лежавшія казармы, уѣздныя воинскія управленія и 66 отдѣльныхъ воинскихъ частей. Въ эти четыре года осмотрѣны были какъ губерніи сѣверныя и приозерныя, составляющія $1/4$ часть Европейской Россіи, часть Финляндіи, такъ равно губерніи прибалтійскія и западныя, входящія въ С.-Петербургскій военный округъ. Изданные послѣ каждаго объѣзда приказы по округу свидѣтельствуютъ,

что Великій Князь подробно вникалъ какъ въ боевую готовность, такъ и въ житейскую обстановку офицерскаго состава и въ особенности нижнихъ чиновъ:—отмѣчены хорошо устроенныя казармы и тѣ, которыя представлялись неудобными или совсѣмъ негодными; удовлетворительные и неудовлетворительные лазареты; разбиралось состояніе нравственности нижнихъ чиновъ отдѣльныхъ воинскихъ частей, ихъ здоровья, ихъ успѣховъ по обученію грамотѣ. Рядомъ съ инспектированіемъ воинскихъ частей, чередовались осмотры училищъ, школъ, больницъ, богодѣленъ, тюремъ и разныхъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій, бесѣды съ мѣстными дѣятелями, представителями торговли и промышленности о нуждахъ даннаго края. Наравнѣ съ обзоромъ современныхъ учрежденій и благотворительныхъ заведеній, вниманіе Великаго Князя было привлекаемо обозрѣніемъ историческихъ памятниковъ и документовъ. Тутъ и проявилась богатая эрудиція Его Высочества. Пишущему эти строки неоднократно приходилось выслушивать заявленія, что лица, близко знакомыя съ тѣми или другими памятниками и документами, встрѣчали въ лицѣ Великаго Князя такого знатока, который обладалъ по соотвѣтствующему предмету знаніями болѣе полными и точными, чѣмъ имѣвшіяся у нихъ.

Часть упомянутыхъ поѣздокъ были совершены въ сопровожденіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, и вездѣ ихъ появленіе производило чарующее впечатлѣніе.

Независимо отъ поѣздокъ, шла постоянная, обыденная работа какъ зимою, такъ и въ Красносельскомъ лагерѣ. Въ этомъ непрерывномъ общеніи съ войсковыми частями съ особенною яркостью и обнаруживались драгоцѣнныя качества Великаго Князя: его участіе къ улучшенію быта нижнихъ чиновъ, его забота о нихъ; въ лагерное время рѣдкая недѣля, чтобы онъ не посѣтилъ мѣстный госпиталь, то же и зимою; его доступность для каждаго имѣющаго къ нему какое-либо ходатайство или просьбу, его участіе къ каждому несчастью многочисленныхъ его подчиненныхъ, быстрота и щедрость, съ которою онъ приходилъ на помощь нуждающимся, выхлопатывалъ льготы, пособія. Что касается боевой готовности войскъ, [1])

[1]) Во время командованія Петербургскимъ военнымъ Округомъ В. К. Владиміромъ Александровичемъ всѣмъ важнѣйшимъ отдѣламъ боевой подготовки войскъ было отведено надлежащее мѣсто, и ни одинъ изъ отдѣловъ не выдавался передъ другимъ.

то она засвидѣтельствована неоднократными Высочайшими рескриптами.

Подчиненные Великаго Князя и въ особенности нижніе чины отвѣчали на заботы о нихъ Его Высочества, доступность и ласковое его обращеніе беззавѣтною любовью. Русскій солдатъ, въ силу непосредственной своей натуры, привязывается къ доброму, отзывчивому начальству всѣмъ своимъ нутромъ, и это внутреннее чувство никогда его не обманываетъ.

* * *

4 января 1892 года Великій Князь былъ назначенъ членомъ комитета министровъ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ комитета 15 разъ, преимущественно при обсужденіи болѣе важныхъ дѣлъ. По нѣкоторымъ дѣламъ сужденія Его Высочества записаны въ журналѣ комитета. Между прочимъ, 3 марта 1892 года обсуждался принципіальный вопросъ о допущеніи католическаго духовенства къ преподаванію Закона Божія въ сельскихъ школахъ Царства Польскаго. Въ то время министерство народнаго просвѣщенія стояло за полное воспрещеніе католическимъ священникамъ преподавать Законъ Божій въ сельскихъ школахъ. Дѣло доходило до того, что къ преподаванію католикамъ Закона Божьяго были назначаемы лица

Считаемъ необходимымъ также оттѣнить самую видную и яркую сторону его верховодительства воспитаніемъ военачальниковъ. Великій Князь отлично сознавалъ и неуклонно проводилъ въ войсковую жизнь ту несомнѣнную мысль, что военачальникъ только тогда и можетъ самостоятельно и правильно распорядиться на войнѣ, когда и при мирномъ его воспитаніи тщательно охраняется и бережется его личное достоинство. Если на начальника никто не кричитъ, никто его не разноситъ въ присутствіи подчиненныхъ, если начальникъ ни кѣмъ не задергивается, то онъ привыкаетъ вѣрить въ свои собственныя силы, и можетъ на войнѣ обнаружить надлежащую находчивость и иниціативу дѣйствій. Прекрасно понимая значеніе всего вышесказаннаго почившій В. К. во время своего командованія округомъ неуклонно охранялъ личное достоинство начальника, и никогда не позволялъ себѣ унижать его ни въ какихъ случаяхъ, сердечно, а не злостно, относясь къ его ошибкамъ.

Военный кругозоръ начальниковъ значительно расширялся цѣлымъ рядомъ поучительныхъ военныхъ сообщеній непрерывно продолжавшихся во все время командованія Великимъ Княземъ Петербургскимъ военнымъ Округомъ.

Назначеніемъ такихъ высокоталантливыхъ личностей, каковы были генералы Бобриковъ и Васмундъ, непосредственными руководителями своихъ войсковыхъ предначертаній В. К. Владиміръ Александровичъ наглядно доказалъ, что онъ обладалъ однимъ изъ высшихъ даровъ начальника умѣньемъ выбирать своихъ подчиненныхъ. *Ред.*

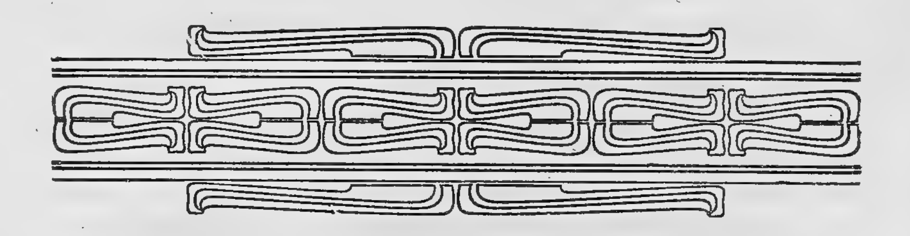
лютеранскаго исповѣданія. Часть же членовъ раздѣляли мнѣніе генералъ-губернатора Гурко, считавшаго такое положеніе дѣла невозможнымъ. Великій Князь высказывался, что такъ какъ главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за спокойствіе края, котораго касается настоящее дѣло, является генералъ-губернаторъ, успѣвшій въ теченіе долголѣтняго управленія краемъ достаточно близко его изучить—то послѣднее слово при разрѣшеніи возникшаго разногласія должно бы, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежать ему, варшавскому генералъ-губернатору, а не мѣстнымъ органамъ учебнаго вѣдомства.

Государь Императоръ соизволилъ утвердить журналъ комитета, согласно съ мнѣніемъ Великаго Князя.

* * *

Изъ всего вышесказаннаго получается слѣдующій нравственный обликъ Великаго Князя: богато одаренная натура, благородный характеръ, живой умъ, отзывчивое сердце, щедрость и вѣрность въ отношеніяхъ съ окружающими, личная храбрость, а главное—глубокое искреннее религіозное чувство, горячая сознательная любовь къ Родинѣ и беззавѣтная преданность своему Государю.

А. Н. Куломзинъ.

Поѣздка графа Н. П. Игнатьева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. [1]).

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова)

Я былъ глубоко тронутъ сочувственнымъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ въ Парижѣ, гдѣ всѣ видные дѣятели отнеслись ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Я подмѣтилъ однако, что вѣчная борьба партій и личная непріязнь, существовавшая противъ герцога Деказа въ нѣдрахъ самаго министерства, парализовали его доброжелательное отношеніе къ намъ. Поэтому я постарался повидать лидеровъ республиканской оппозиціи и расположить ихъ въ нашу пользу, въ особенности Тьера и Жюля Симона. Изъ нихъ первый, несмотря на свой выдающійся, ясный и практическій умъ, былъ проникнутъ старыми предразсудками о необходимости поддержать на Востокѣ status quo, о жизнеспособности турецкаго режима на Босфорѣ и былъ противъ освобожденія христіанскихъ народностей, считая это опаснымъ. Поэтому онъ порицалъ во всеуслышаніе выгодное для Россіи положеніе, занятое французскими уполномоченными на конференціи, упрекая въ то же время герцога Деказа въ недостаткѣ инціативы и дѣятельности въ дѣлахъ Европы. Говоря о президентѣ республики, онъ назвалъ его нѣсколько разъ: „разбитый, но увѣнчанный славою солдатъ" (le soldat battu et glorieux). Послѣ того какъ я побывалъ нѣсколько разъ у Тьера, и онъ въ свою очередь посѣтилъ меня и долго бесѣдовалъ со мною, какъ старый знакомый, обсуждая по пунктамъ доводы,

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1914 г.

которые я приводилъ въ защиту русскаго взгляда, онъ отказался мало по малу отъ своей односторонней точки зрѣнія и наконецъ призналъ необходимость обезпечить прочнымъ образомъ судьбу христіанъ, согласно съ ихъ законными стремленіями. Онъ и Жюль Симонъ [1]) сдѣлались сторонниками проекта протокола и повліяли на республиканскую прессу, которая начала, во время моего пребыванія въ Парижѣ, говорить въ тонѣ болѣе благопріятномъ русской точкѣ зрѣнія и интересовъ христіанъ. Мнѣ передавали со всѣхъ сторонъ, что я лично произвелъ на Тьера очень благопріятное впечатлѣніе.

Изъ числа лицъ, посѣтившихъ меня, былъ мой старый знакомый по Константинополю, баронъ Джемсъ Гиршъ, концессіонеръ турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, съ проектами котораго я постоянно боролся, такъ какъ онъ проектировалъ линіи, выгодныя исключительно для осуществленія заднихъ мыслей Австро-Венгріи по отношенію къ пограничнымъ турецкимъ провинціямъ. Тратя не мало денегъ въ Константинополѣ и имѣя среди турецкой администраціи множество агентовъ и союзниковъ, баронъ Гиршъ могъ знать истинное положеніе дѣлъ въ Турціи и въ этомъ отношеніи представлялъ извѣстный интересъ въ глазахъ *собесѣдника*. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ этого источника, султанъ и его приближенные были готовы принять программу конференціи „чтобы избѣжать, во что бы то ни стало, войны и имѣть возможность продолжать свою роскошную жизнь". Ваханъ-Эффенди, посланный въ Европу подъ предлогомъ ознакомленія съ организаціей магистратуры, получилъ кромѣ того отъ дворца конфиденціальную миссію вывѣдать „взглянетъ ли Англія благосклонно на соглашеніе съ Россіей и на мирное разрѣшеніе стоявшихъ на очереди вопросовъ" [2]).

Чтобы собрать предварительныя справки, въ Англію былъ посланъ наперсникъ Мидхата паши, его руководитель въ иностранной политикѣ и учитель французскаго языка, армянинъ Одіанъ-Эффенди, второй секретарь министерства общественныхъ работъ. Одіанъ-Эффенди передалъ Гиршу результаты своихъ переговоровъ въ Лондонѣ: „Лордъ Биконсфильдъ и лордъ

---

[1] Французскій политическій дѣятель, публицистъ и философъ, членъ французской академіи 1814—1896. Въ концѣ 1876 года Ж. Симонъ образовалъ кабинетъ, гдѣ принялъ на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ. *П. В.*

[2]) Эти свѣдѣнія подтверждали мое мнѣніе, что нашему соглашенію съ Портой и ея намѣренію дать намъ полное удовлетвореніе мѣшали исключительно англійскіе агенты. За войну отвѣтственна Англія. *Прим. авт.*

Дерби говорили оффиціально довольно корректно, но въ бесѣдѣ съ глаза на глазъ, послѣдній, на вопросъ, готовъ ли онъ принять программу конференціи или же онъ отвергаетъ ее, ничего не возразилъ съ точки зрѣнія Англіи, противъ того, чтобы программа была отвергнута, и порицалъ Салисбюри за то, что желая притти къ соглашенію со мною, онъ зашелъ неожиданно для всѣхъ слишкомъ далеко"[1]. Лорду Дерби пришла странная фантазія высказать агенту Мидхата предположеніе, что Порта, даже сдѣлавъ непосредственно уступки христіанамъ и Россіи, могла бы добиться болѣе выгодныхъ условій, нежели тѣ, которыя конференція хотѣла навязать ей! Можно ли удивляться послѣ этого, что Мидхатъ расхрабрился до того, что разыгралъ комедію, созвавъ яко бы народное собраніе, на обсужденіе котораго онъ предложилъ требованія конференціи, чтобы торжественно отвергнуть ихъ, какъ посягающія на достоинство турокъ!

Одіанъ-Эффенди, съ которымъ мнѣ посчастливилось встрѣтиться въ Ниццѣ зимою 1878—1879 г., подтвердилъ, что если бы частные разговоры руководителей торійской партіи были такъ же корректны, какъ то, что они говорили публично, то послѣднія предложенія конференціи, разумѣется, были бы приняты и Мидхатъ первый никогда не посмѣлъ бы ни отвергнуть ихъ, ни „посмѣяться надъ Салисбюри", какъ онъ это сдѣлалъ, если бы онъ не былъ увѣренъ, что въ глубинѣ души Биконсфильдъ и Дерби одобряли его противодѣйствіе и были бы въ восторгѣ воспользоваться случаемъ, чтобы благополучно выпутаться изъ дѣла, затѣяннаго ими противъ воли, единственно подъ вліяніемъ либераловъ.

Изъ послѣднихъ донесеній, показанныхъ мнѣ барономъ Гиршемъ, вытекало, что вооруженныя силы турокъ, сосредоточенныя въ бассейнѣ Дуная, не превышали 180 тысячъ, что ихъ армія была разстроена и что въ Константинополѣ ожидали, что турки, испытавъ нѣсколько пораженій въ открытомъ полѣ, отступятъ по всей линіи. Исходъ войны казался столь благопріятнымъ для Россіи, что еврей-банкиръ предложилъ черезъ меня императорскому правительству чрезвычайно выгодную для обѣихъ сторонъ финансовую операцію; къ сожалѣнію, князь

---

[1]) Это произошло на конференціи, гдѣ честный и энергичный образъ дѣйствій Салисбюри сбилъ съ толку Мидхата пашу, который возлагалъ надежды въ особенности на увѣренія сэра Эліота. Миссія, возложенная на Одіанъ-Эффенди, имѣла цѣлью освѣдомить блистательную Порту о положеніи дѣлъ въ рѣшающій моментъ. *Прим. авт.*

Горчаковъ не воспользовался этимъ, а будь предложеніе бар. Гирша принято, это значительно облегчило бы намъ веденіе войны.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я расчитывалъ пробыть тамъ съ недѣлю, чтобы выждать извѣстій отъ Шувалова, который взялся вести съ англійскими министрами переговоры о принятіи, въ принципѣ, протокола и объ его окончательной редакціи. Онъ долженъ былъ сообщить мнѣ свои окончательныя заключенія въ среду, а я собирался уѣхать въ Вѣну въ четвергъ, 3 марта, и уже извѣстилъ Вѣнскій кабинетъ о своемъ пріѣздѣ черезъ австро-венгерскаго посланника въ Парижѣ, который выразилъ мнѣ свое удивленіе по поводу того, что я пріѣхалъ въ Парижъ, не побывавъ въ Вѣнѣ, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ.

Когда я встрѣтился съ итальянскимъ посланникомъ, онъ упрекнулъ меня за то, что Италія „была забыта Россіей", и жаловался, что съ мнѣніемъ римскаго кабинета не достаточно считаются. Я отправился къ ген. Чіальдини, постарался загладить это впечатлѣніе и долго бесѣдовалъ съ нимъ, изложивъ ему положеніе дѣлъ и познакомивъ его съ текстомъ протокола; я увѣрилъ его, что Россія относится къ Италіи съ величайшимъ уваженіемъ и живѣйшей симпатіей; кромѣ того я высказалъ убѣжденіе, что интересы Италіи и ея либеральный образъ мыслей въ отношеніи христіанскихъ народовъ Востока тождественны съ нашими, такъ что въ этомъ смыслѣ всѣ спеціальные переговоры были бы излишни, такъ какъ мы можемъ понять другъ друга съ полуслова. Поэтому, съ точки зрѣнія дѣла, сообщенія, которое будетъ сдѣлано кабинету черезъ него, посланника, будетъ вполнѣ достаточно и оно могло бы замѣнить мою поѣздку въ Римъ, такъ, какъ путешествуя съ цѣлью посовѣтоваться съ окулистами, я не имѣлъ никакого уважительнаго предлога дѣлать такой огромный крюкъ. Эта поѣздка могла задѣть Вѣнское правительство—перваго недоброжелателя славянъ на Востокѣ, и еще болѣе затруднить дѣло общаго соглашенія. Во всякомъ случаѣ, кружное путешествіе заняло бы не мало времени, а мнѣ оставалось всего нѣсколько дней, чтобы вернуться въ Петербургъ къ сроку, обѣщанному императору. Прося генерала Чіальдини выяснить Римскому кабинету всѣ эти соображеніи, я воспользовался случаемъ, чтобы выразить ему свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что моя поѣздка въ Италію не состоится, присовокупивъ, что объ томъ также очень пожалѣетъ моя жена, которая никогда не видала Рима и,

разумѣется, была бы въ восторгѣ провести тамъ нѣсколько дней въ это время года. Генералъ Чіальдини согласился передать своему кабинету то, о чемъ я его просилъ, и сообщить ему проектъ протокола. Нѣсколько дней спустя, онъ заявилъ мнѣ, что италіанское правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ сдѣланному мною заявленію.

Дѣла въ Парижѣ шли такъ хорошо, что уже 26 февраля (10 марта) я могъ телеграфировать князю Горчакову: „Деказъ предлагаетъ сдѣлать въ текстѣ протокола нѣкоторыя смягчающія его смыслъ поправки, а если бы Англія создала затрудненія, — замѣнить протоколъ тождественными отвѣтами державъ на вашъ циркуляръ. Я предостерегалъ Деказа и Шувалова отъ излишнихъ измѣненій въ виду трудности согласовать рѣшенія нѣсколькихъ кабинетовъ издалека, если каждый примется редактировать его со своей личной точки зрѣнія“. Нѣсколько дней спустя (12 марта), я могъ отправить чрезъ посредство князя Орлова слѣдующую телеграмму: „Президентъ, Деказъ, Жюль Симонъ и Тьеръ окончательно высказались за проектъ протокола, который они одобряютъ. Всѣ очень совѣтуютъ мнѣ ѣхать въ Лондонъ, гдѣ были бы обижены, если бы я не предпринялъ непосредственныхъ шаговъ въ Англіи. Биконсфильдъ будто бы высказалъ Даркуру [1]) свое удивленіе по поводу того, что я уклоняюсь отъ этой поѣздки. Также удивлялся и Лайонсъ [2]). Тутъ пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы склонить англичанъ къ принятію протокола, такъ какъ въ этомъ видятъ послѣднее средство избѣжать войны“ [3])...

Оставалось еще уладить дѣло съ Англіей. Извѣстія, доходившія отъ Шувалова, отнюдь не давали надежды на то, что наша точка зрѣнія восторжествуетъ, хотя все-таки можно было надѣяться, что дѣло разрѣшится какимъ-нибудь хотя бы несущественнымъ протоколомъ. Въ то же время русскій

[1]) Французскій посланникъ, коего письмо объ этомъ предметѣ было показано мнѣ герцогомъ Деказомъ въ подтвержденіе его совѣта съѣздить на нѣсколько дней въ Англію, на чемъ онъ все время настаивалъ.

[2]) Англійскій посланникъ въ Парижѣ.

[3]) На президента и въ особенности на герцога Деказа произвело большое впечатлѣніе мое сообщеніе о тревогѣ Бисмарка по поводу мнимаго сосредоточенія кавалеріи на германской границѣ. Я совѣтовалъ министрамъ устранить всѣ поводы къ вполнѣ законному его неудовольствію, дабы германскій канцлеръ во время восточнаго кризиса не имѣлъ ни малѣйшаго благовиднаго повода искать ссоры съ Франціей, хотя бы онъ того и желалъ. *Прим. авт.*

посланникъ въ Лондонѣ продолжалъ расхолаживать императорскій кабинетъ и всѣхъ питавшихъ надежду побѣдить англійскія возраженія при помощи логики, патріотической настойчивости и давленія на Лондонъ со стороны кабинетовъ, желавшихъ избѣжать бѣдствій войны, *не унижая* Россіи.

Шуваловъ, возвратясь въ Лондонъ, телеграфировалъ князю Горчакову 27 февраля: „По возвращеніи изъ Парижа я имѣлъ продолжительные дебаты съ лордомъ Дерби. Вопреки обѣщаніямъ, даннымъ генералу Игнатьеву княземъ Бисмаркомъ, все было немедленно передано сюда изъ Берлина и произвело неблагопріятное впечатлѣніе. Множество возраженій опровергнуты мною, кажется, довольно удачно. Въ заключеніе, лордъ Дерби сказалъ слѣдующее: Англійское правительство не любитъ письменныхъ обязательствъ и протоколовъ; если оно на это рѣшится, мнѣ нужно будетъ оправдать этотъ шагъ передъ народомъ, заявивъ, что этимъ будетъ обезпеченъ миръ. Такъ если мы подпишемъ протоколъ и если Порта распуститъ войска, можно ли расчитывать, что и Россія демобилизуетъ свою армію?“ Я отвѣчалъ *уклончиво.* Лордъ Дерби возразилъ: „это единственно могло бы побудить насъ подписать протоколъ. Мы хотѣли бы знать положительно, будетъ ли ваша армія демобилизована“. Прошу ваше сіятельство сообщить мнѣ это, если возможно до засѣданія кабинета, которое состоится во вторникъ; ибо этотъ отвѣтъ можетъ имѣть *рѣшающее значеніе.* Лордъ Дерби проситъ васъ дать Черногоріи миролюбивые совѣты“...

Эта телеграмма была сообщена мнѣ, и я былъ вынужденъ представить объясненія, которыя могли не понравиться моему коллегѣ. Я всегда избѣгалъ этого, хотя съ его стороны недружелюбныхъ поступковъ по отношенію ко мнѣ было достаточно.

13 марта я отправилъ канцлеру, въ Петербургъ, чрезъ посредство моего парижскаго коллеги, слѣдующую телеграмму:

„Вопреки инсинуаціямъ, сдѣланнымъ Дерби Шувалову [1]), я имѣлъ случай убѣдиться, изъ видѣнныхъ мною дипломатическихъ донесеній, въ томъ, что Бисмаркъ сохранилъ въ тайнѣ текстъ протокола (до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ сообщенъ прочимъ кабинетамъ, т. е. приблизительно около недѣли), сооб-

---

[1]) Гр. Шуваловъ старался при всякомъ удобномъ случаѣ дать понять императору, что онъ одинъ былъ persona grata въ Европѣ и одинъ обладалъ талантомъ дѣлать дѣла, ибо только тѣ предложенія, которыя доходили въ Лондонъ, а равно Берлинъ и въ Вѣну черезъ него, имѣли шансы быть приняты благосклонно, все же шедшее черезъ меня внушало недовѣріе и производило неблагопріятное впечатлѣніе.

щивъ только его сущность и совѣтуя принять его [1]). На вопросъ, будетъ ли наша армія демобилизована послѣ подписанія протокола, я отвѣчалъ неизмѣнно, что, желая избавиться отъ огромныхъ и непроизводительныхъ расходовъ, мы ждемъ не дождемся, когда это можно будетъ сдѣлать, не уронивъ достоинства Россіи и не подвергая опасности христіанъ. Но если объ этомъ заявить заблаговременно, то турки не будутъ уже видѣть необходимости подчиниться и приступить серьезно къ реформамъ, между тѣмъ какъ положеніе христіанъ можетъ ухудшиться. Во всякомъ случаѣ, насъ нельзя ставить на одну доску съ Турціей. Деказъ въ подобающемъ тонѣ говорилъ съ турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ о необходимости дать Черногоріи возможность увеличить свои владѣнія, какъ это было предложено на конференціи. Ѣхать ли мнѣ въ четвергъ въ Вѣну, какъ я намѣревался"?

Изъ сообщеній графа Шувалова вытекало, что главныя возраженія англійскихъ министровъ противъ нашего проекта протокола касались не столько его сущности, сколько подробностей. Имъ была особенно непріятна необходимость дать свое согласіе на перечисленіе реформъ (а это было необходимо въ виду того, что обѣщаніе Порты принять въ принципѣ основную мысль конференціи, съ условіемъ проводить ее по своему усмотрѣнію, отнюдь не являлось въ глазахъ христіанъ положительнымъ обязательствомъ) и настаивать на томъ, чтобы Турція распустила свои войска, а безъ этого послѣдняго условія, султанъ, по признанію самихъ турокъ, не могъ, изъ опасенія возбудить фанатизмъ, взять на себя инипіативу реформъ, не имѣя возможности мотивировать ихъ настояніемъ Европы. Съ другой стороны, Россія также не могла принять никакихъ мѣръ, чтобы отодвинуть армію съ границы прежде, нежели Турція не сдѣлала бы къ этому безповоротно первый шагъ. Да и христіане могли впасть въ отчаяніе и считать себя брошенными Россіей и Европой, увидавъ, что Турція не разоружается.

28 февраля (12 марта) князь Горчаковъ далъ графу Шувалову по телеграфу слѣдующія инструкціи: „Въ случаѣ, если

[1]) Въ то время какъ гр. Шуваловъ, кн. Горчаковъ и др., дѣйствуя изъ личныхъ побужденій, которыя легко было понять, посылали меня въ Берлинъ, какъ врага князя Бисмарка и Германіи, я былъ поставленъ въ необходимость защищать германскаго канцлера противъ страннаго обвиненія, взводимаго на него его другомъ, гр. Шуваловымъ, будто онъ сообщалъ кабинетамъ наши предложенія, которыя мы дѣлали, впрочемъ открыто, выражая желаніе, чтобы онъ отстаивалъ ихъ и содѣйствовалъ ихъ принятію. *Прим. авт.*

лордъ Дерби приметъ протоколъ въ томъ видѣ, какъ онъ сообщенъ Игнатьевымъ Бисмарку, съ упоминаніемъ о гарантіяхъ, и если Турція приведетъ свою армію на мирное положеніе, Игнатьевъ и вы уже уполномочены сообщить кабинетамъ секретно, что мы со своей стороны готовы демобилизовать армію, но необходимо, чтобы Порта взяла на себя иниціативу и немедленно приступила къ демобилизаціи, иначе мы будемъ сообразоваться только съ нашими собственными интересами и будетъ упущенъ случай притти къ миролюбивому рѣшенію вопроса, чего мы по-прежнему желаемъ. Черногоріи неоднократно давались нами совѣты быть умѣреннѣе".

Вслѣдъ за этой первой телеграммой, канцлеру пришлось немедленно послать вторую, по повелѣнію императора, который, прочитавъ мою телеграмму о томъ же предметѣ, пожелалъ дополнить министерскую инструкцію. И такъ, князь Горчаковъ телеграфировалъ 28 февраля графу Шувалову: „Подтверждаю вамъ мою телеграмму, посланную сегодня утромъ, но Его Величество не согласится на то, чтобы обѣщаніе демобилизовать нашу армію было включено въ предложенный нами протоколъ".

Графъ Шуваловъ старался оправдаться и телеграфировалъ канцлеру изъ Лондона 1/13 марта: „Никогда не намекалъ на возможность включить въ протоколъ обѣщанія о демобилизаціи. Но такъ какъ мой отвѣтъ былъ слишкомъ уклончивъ для англійскаго министра, то я прошу васъ, если отъ этого будетъ зависѣть успѣхъ, разрѣшить мнѣ отвѣтить Дерби дословно слѣдующее: Если протоколъ будетъ подписанъ и если Порта приведетъ свою армію на мирное положеніе, мы также согласимся демобилизовать армію".

Въ то же время русскій посланникъ въ Лондонѣ писалъ своему коллегѣ въ Парижъ, 1/13 марта: „совѣтъ кабинета согласенъ въ принципѣ подписать протоколъ и поручилъ Дерби обсудить со мною его текстъ" [1]).

Прося князя Орлова сообщить это мнѣ, Шуваловъ извѣщалъ, что онъ высылаетъ на слѣдующій день подробныя возраженія кабинета на нашу редакцію и умоляетъ меня не уѣзжать въ Вѣну, не высказавъ ему своего мнѣнія относительно этого до-

[1]) Русскій посланникъ въ Лондонѣ добился того, что императорскій кабинетъ присоединился въ концѣ концовъ къ этой мысли, которая принадлежала ему лично, и онъ выразилъ ее въ двухъ противорѣчивыхъ деклараціяхъ, приложенныхъ къ Лондонскому протоколу, которыя свидѣтельствовали о разномысліи между Англіей и Россіей и уничтожали моральное впечатлѣніе коллективнаго акта Европы, сдѣлавъ войну неизбѣжной. *Прим. авт.*

кумента. Къ этому онъ присовокуплялъ: „Мнѣ хотѣлось бы, чтобы Игнатьевъ былъ уступчивѣе въ своихъ взглядахъ; протоколъ—его идея [1]); всѣ мои коллеги сочтутъ его принятіе важнымъ дипломатическимъ успѣхомъ Россіи. Не будемъ же компрометтировать его, держа себя слишкомъ непреклонно“. И такъ, ясно обозначились двѣ различныя точки зрѣнія: я считалъ протоколъ въ худшемъ случаѣ возможнымъ выходомъ изъ положенія, созданнаго роковымъ циркуляромъ князя Горчакова, но я подалъ эту мысль подъ условіемъ, что этотъ дипломатическій актъ завершитъ достойнымъ образомъ совмѣстную дипломатическую кампанію, уменьшивъ самолюбіе Порты и младотурокъ и предоставивъ христіанскимъ народностямъ наивозможно болѣе широкія гарантіи, а графъ Шуваловъ добивался только какого бы то ни было протокола, который далъ бы возможность демобилизовать обѣ арміи и былъ бы пріемлемъ для Англіи, упрочивъ торійское министерство, не принимая во вниманіе ни интересовъ христіанъ, ни результатовъ, достигнутыхъ конференціей, ни русскаго національнаго достоинства, которое трудно было поддержать у насъ, при тогдашнемъ состояніи общественнаго мнѣнія.

Я давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ томъ, что генеральное сраженіе предстояло въ Лондонѣ, но въ виду зависти моего коллеги, я не могъ дѣйствовать на этой почвѣ лично; я сдѣлалъ однако все отъ меня зависящее, чтобы обезпечить успѣхъ протокола и дать понять англійскому кабинету, что ему не слѣдовало дѣйствовать отдѣльно отъ другихъ кабинетовъ. Для достиженія этой цѣли, я постарался прежде всего, чтобы со стороны кабинетовъ, присоединившихся къ мысли о протоколѣ, было произведено давленіе въ Лондонѣ. Затѣмъ я воспользовался тѣмъ, что англійскій посланникъ въ Парижѣ, лордъ Лайонсъ, мой бывшій коллега въ Константинополѣ, не забылъ того, что онъ находился всегда съ бывшимъ русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ въ наилучшихъ отношеніяхъ,—даже въ самые трудные моменты, какъ, напр., во время возстанія на о. Критѣ— и что онъ отнесся ко мнѣ въ Парижѣ въ высшей степени дружественно.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Но она была конечно искалѣчена въ Лондонѣ. И modus in rebus! я никогда не согласился бы назвать себя авторомъ протокола, выработаннаго въ Лондонѣ, съ тѣми двумя декларацiями, которыя лишали его всякаго значенія.

Къ исторіи Императора Павла.

(Изъ записокъ современника).

1.

У курскихъ губернаторовъ преемственно, въ ихъ кабинетахъ, хранится книга Высочайшихъ рескриптовъ и указовъ на имя курскихъ намѣстниковъ и губернаторовъ. Въ ней ветрѣчаются и нѣсколько рескриптовъ Императора Павла. Въ одномъ изъ нихъ, помню, приказывается для кого-то: „сшить мундиръ на мой счетъ“. У меня осталась оригинальность содержанія этого приказа, но не помню — о комъ именно шла рѣчь.

2.

Въ томъ же сборникѣ есть какое-то суровое повелѣніе Императора Александра о *Гордаковѣ*, участвовавшемъ, кажется, въ катастрофѣ 1801 года. Этому Гордакову предписывалось безвыѣздно жить въ деревнѣ и прочее. Служа въ началѣ 1860-годовъ въ Курскѣ, я слышалъ, что этотъ Гордаковъ еще былъ въ живыхъ 90 лѣтнимъ старикомъ и проживалъ въ Щигровскомъ уѣздѣ или въ той части Орловской губерніи, которая прилегала къ Щигровскому уѣзду. Я началъ наводить точныя о немъ справки, но вскорѣ перешелъ на службу въ царство польское (въ іюнѣ 1864 г.).

3.

На одномъ изъ праздниковъ коронаціи, Павелъ, глядя на толпы народа, говорилъ самодовольно Архарову:

„Какое огромное стеченіе народа“.

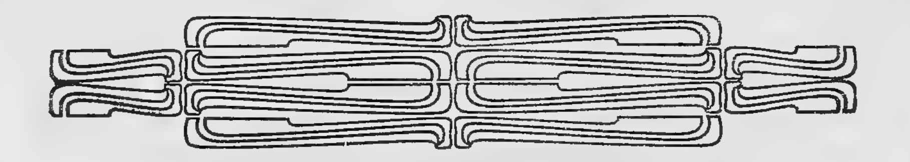
„Оно понятно“, возражалъ Архаровъ, „всѣ желаютъ видѣть своего государя“. „Въ Москвѣ, я думаю, ты никогда еще не видалъ такого сборища“, спрашивалъ государь. „Нѣтъ, Ваше Величество; однажды народа было еще больше“.

„По какому случаю?“ спросилъ съ удивленіемъ Павелъ.

„Слона вели“! отвѣчалъ Архаровъ.

Павелъ только усмѣхнулся.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ

Калишскою комиссіею по крестьянскимъ дѣламъ въ 1865—1870 годахъ.

Варшава въ 1866 году.

Въ іюнѣ 1866 года, я ѣхалъ по С.-Петербурго - Варшавской желѣзной дорогѣ въ г. Варшаву для поступленія на службу въ Учредительный Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго. Въ это время польское возстаніе было уже почти погашено. Съ 19 февраля 1864 года приступлено было къ полному переустройству всего быта Царства Польскаго, и я былъ зачисленъ въ составъ Учредительнаго Комитета для службы по крестьянскому дѣлу. Въ крестьянскомъ дѣлѣ я былъ не новичекъ. Я прослужилъ три года въ мировыхъ учрежденіяхъ Смоленской губерніи, затѣмъ два года былъ предсѣдателемъ Повѣрочной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Минской губерніи. Я ѣхалъ въ Варшаву изъ Минской губерніи, гдѣ я оставилъ службу, разочарованный въ возможности вести тамъ дѣло въ русскомъ духѣ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ появился Потаповъ, и русское направленіе преслѣдовалось; чиновники съ такимъ русскимъ духомъ подвергались гоненіямъ. Нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ по Минской губерніи, ранѣе меня перешедшіе на службу въ Учредительный Комитетъ, писали мнѣ, что тамъ дѣло идетъ разумно, честно. Нѣсколько недѣль назадъ, въ Петербургѣ, я представлялся Н. А. Милютину, руководителю всего преобразованія Царства Польскаго, слышалъ отъ него, къ чему стремится Учредительный Комитетъ, и потому, ѣдучи въ Варшаву, я былъ убѣжденъ, что мнѣ предстоитъ разумный, толковый, русскій

трудъ. Болѣе всего меня плѣняла надежда работать подъ руководствомъ такихъ общеуважаемыхъ, извѣстныхъ дѣятелей, какъ Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій, Яковъ Александровичъ Соловьевъ, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, сенаторъ Арцимовичъ, Кошелевъ,—составлявшихъ Учредительный Комитетъ.

Въ Минской губерніи, откуда я ѣхалъ теперь, я пережилъ жаркое время польскаго возстанія. Я близко ознакомился тамъ съ полонизмомъ, привыкъ бороться съ нимъ, но я вовсе не зналъ Варшавы, никогда не бывалъ въ Польшѣ. На дорогѣ, по которой я ѣхалъ теперь отъ Вильны, продолжалась та же печальная Бѣлорусская картина и жизнь, къ которымъ я привыкъ, живя два года въ Минской губерніи. Нахмуренныя лица поляковъ, вынужденный разговоръ по-русски, осторожное обращеніе со всякимъ лицомъ, говорящимъ по-русски, особенно если онъ военный, или у него на фуражкѣ кокарда. На самой границѣ Царства Польскаго, у рѣки стоитъ желѣзнодорожная станція Лапы. Съ въѣздомъ на эту станцію, картина сразу перемѣнилась; здѣсь полонизмъ былъ у себя дома и не стѣснялся проявлять себя. Это была первоклассная, большая станція; остановка была продолжительная, полчаса, такъ какъ предполагался обѣдъ пассажировъ. Типъ зданія станціи былъ тотъ же, что у всѣхъ большихъ станцій С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, какъ въ Вильнѣ, Псковѣ; но обстановка была иная. Прислуга вся польская, не во фракахъ, а въ тужуркахъ, съ зелеными фартуками; при буфетѣ прикащица-полька, щеголеватая, кокетливая и неутомимо трещавшая по-польски; прислуга вся говорила по-польски, но съ нами, москалями, снисходительно объяснялась на половину русскими словами, на половину знаками. Кушанья изготовлены всѣ на польскій вкусъ: борщъ, зеленыя щи съ уксусомъ, даже пирожки на свиномъ салѣ, хлѣбъ съ толстой, грубой коркой. Пиво подавалось не бутылками, а кружками; разсчетъ не на рубль и копѣйку, а на злоты и гроши. Продѣлавъ все это и очень не вкусно пообѣдавъ, я вышелъ на платформу станціи. Тамъ стояла простая публика, крестьяне, евреи, шляхта. Я первый разъ видѣлъ польскаго крестьянина, внимательно вглядывался въ него. Здѣсь, на самой границѣ Россіи, типъ ихъ сильно подходилъ къ Бѣлорусскому, тутъ вѣдь еще нѣтъ настоящихъ поляковъ, мазуровъ. Тѣ же Бѣлорусскія нахмуренныя лица, тотъ же взглядъ исподлобья, неразговорчивость, отвѣтъ односложнымъ словомъ, или кивкомъ головы. Когда поѣздъ

тронулся, я всматривался въ окружающую мѣстность; она сильно измѣнилась: сплошь ровная, безъ лѣсовъ и холмовъ; однѣ пашни, безконечныя крестьянскія поляны; частыя деревни, фольварки, но все небольшіе; деревни дворовъ въ десять—пятнадцать; постройки немногочисленныя, небогатыя; скотъ на пастбищахъ мелкій, тощій; овцы не крупныя, неказистыя, пашутъ на волахъ, изрѣдка видны лошади. Видно вообще, что сторона не богатая; но поля обработаны какъ будто потщательнѣе, чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

До Лапъ мы ѣхали свободно, въ полупустыхъ вагонахъ. Съ приближеніемъ къ Варшавѣ, стали набираться пассажиры. На каждой станціи они подсаживались; и все поляки; тоже на видъ, люди не богатые, но одѣты чисто. Типъ одежды иной, на заграничный ладъ. Меня поражала ихъ жизнерадостность, болтливость; это представляло рѣзкую противоположность съ сдержанностью простонародья, публики III класса. Что они говорили, я не понималъ, потому что разговоръ шелъ исключительно по-польски, и говорили такъ быстро, что я не могъ уловить ни одного отдѣльнаго слова.

На послѣднихъ станціяхъ мы сидѣли уже очень тѣсно; и появились нарядныя дачницы, варшавянки, передъ которыми разсыпались въ любезностяхъ паны и усиленно расточали слова „пани", „панна", черезъ два слова. Ужасно чуждо, странно было мнѣ все это. Вотъ наконецъ мы подъѣзжаемъ къ Варшавѣ. Кондукторъ предупреждаетъ пассажировъ, что предстоитъ осмотръ паспортовъ, и проситъ публику не выходить изъ вагоновъ по остановкѣ поѣзда, пока не будутъ осмотрѣны паспорта ихъ. Мало того, уходя онъ запираетъ вагонъ на ключъ; мы сидимъ подъ арестомъ. Окружающая меня польская публика относится къ этому равнодушно, какъ къ извѣстному ей обычаю, и продолжаетъ безпечно болтать по-польски. Когда поѣздъ остановился наконецъ передъ вокзаломъ, я увидѣлъ на платформѣ множество жандармовъ, полицейскихъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, посильщиковъ, но никакой публики, встрѣчающихъ. Двери съ платформы въ вокзалъ были заперты, у дверей стоялъ полицейскій караулъ. Въ вагонъ вошли жандармскій офицеръ, съ нѣсколькими жандармами, и желѣзнодорожный ревизоръ, который отбиралъ у пассажировъ билеты, а жандармскій офицеръ отбиралъ у насъ паспорта, бѣгло ихъ просматривалъ, ставилъ на нихъ нумеръ, а одинъ изъ шедшихъ за нимъ жандармовъ выдавалъ пассажиру квитанцію за этимъ нумеромъ. Офицеръ объяснилъ, что паспорта будутъ

возвращены намъ немедленно на станціи, по предъявленіи этой квитанціи. Когда всѣ сидѣвшіе въ вагонѣ пассажиры были провѣрены, офицеръ вышелъ на платформу и объявилъ пассажирамъ, что они могутъ перейдти въ вокзалъ. Явились носильщики, стали разбирать вещи пассажировъ. На платформѣ мы должны были обождать, пока всѣ пассажиры и носильщики вышли изъ вагона; подъ руководствомъ жандармовъ насъ провели въ вокзалъ. Тамъ, въ залѣ, мы ожидали, пока какіе-то военные писаря прописывали наши паспорта, выдали ихъ намъ, вмѣстѣ съ карточкой на свободный выходъ изъ вокзала въ Варшаву. Вся эта задержа продолжалась довольно долго, около часа.

Когда я вышелъ на крыльцо вокзала, стоявшій тамъ полицейскій вручилъ мнѣ какой-то мѣдный билетъ съ нумеромъ и объяснилъ, что по этому нумеру я долженъ вызвать извозчика, который отвезетъ меня, куда я прикажу; торговаться съ нимъ не надо, существуетъ такса, извозчикъ обязанъ понимать мой русскій языкъ. Я отдалъ билетъ носильщику; тотъ же указалъ мнѣ, что извозчики стоятъ на площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, выстроенные въ рядъ; надо подойти къ нимъ, они не смѣютъ подъѣзжать къ крыльцу. Наконецъ, все было исполнено, и я поѣхалъ по Варшавѣ.

Въ настоящее время, рѣдкій изъ образованныхъ русскихъ не бывалъ въ Варшавѣ, или по крайней мѣрѣ не проѣзжалъ черезъ нее; но въ то время, Царство Польское мало посѣщалось, и я въ первый разъ въ жизни пріѣхалъ туда. Все показалось мнѣ тамъ оригинально, все особеннымъ, все по-иностранному, а не по-русски. По совѣту знакомыхъ, я остановился въ Европейской гостиницѣ. За годъ, примѣрно, передъ тѣмъ, кинжальщики народнаго жонда убили кого-то. Гостиница была закрыта и кажется даже конфискована. Недавно ее сдали въ аренду какому-то русскому содержателю, который приспособилъ ее къ русскимъ обычаямъ и держалъ прислугу, которая говорила, или по крайней мѣрѣ понимала, по-русски. Главный входъ въ гостиницу, съ Новаго Свѣта, подъ воротами, былъ закрытъ и самыя ворота заперты. Доступъ въ нее былъ устроенъ изъ бокового входа съ площадки, гдѣ теперь входъ въ ресторанъ. Толстый швейцаръ, кажется нѣмецъ, встрѣтилъ меня, передалъ меня какому-то другому нѣмцу, который и указалъ мнѣ очень опрятный и приличный нумеръ. Роскошное зданіе гостиницы, широкіе, свѣтлые коридоры и удобно устроенная комната моя произвели на меня пріятное впечатлѣніе.

Хотя было около 9 часовъ вечера, я убѣдился, ѣдучи съ вокзала, что въ городѣ, на улицахъ, полное оживленіе. Приведя свой дорожный нарядъ въ порядокъ, я поспѣшилъ выйдти, чтобы познакомиться съ городомъ. Еще при проѣздѣ моемъ съ вокзала, меня поразило оживленіе на улицахъ, множество пѣшеходовъ, экипажей. Вся толпа эта весело толковала, дѣйствовала, была безпечна. Нельзя было подозрѣвать, что недавно на этихъ улицахъ царствовалъ терроръ, убивали людей, господствовала сильнѣйшая революція. Теперь, идя по Новому Свѣту, Краковскому предмѣстью, я видѣлъ богатые, ярко освѣщенные магазины, щеголеватую толпу на тротуарѣ, безпечныя лица, возгласы, цѣлыя вереницы нарядныхъ, кокетливыхъ женщинъ. Видно было много кондитерскихъ, передъ которыми были устроены полотняные навѣсы для публики, и тамъ за столиками, сидѣли люди, веселые, жизнерадостные. Словомъ, я увидѣлъ уличную жизнь, которая у насъ, въ Россіи, тогда не была извѣстна, да и теперь есть развѣ только въ Петербургѣ. Меня удивляла противоположность между суровою обстановкою въѣзда пассажировъ въ Варшаву и полною свободою, веселымъ настроеніемъ, господствовавшими въ городѣ. Находившись до утомленія по улицамъ, я поужиналъ въ ресторанѣ Европейской гостиницы; кухня была тамъ французская, къ которой привыкли мы въ Петербургѣ, въ ресторанахъ Дюссо, Бореля; кушанья изготовлялись прекрасно, прислуга вѣжливая, старалась понимать говорившихъ по-русски. Тутъ я въ первый разъ услышалъ въ Варшавѣ громкій русскій разговоръ, увидѣлъ русскихъ людей. Поляки вовсе не навѣщали ни гостиницу эту, ни ресторанъ. Жители гостиницы были исключительно русскіе; ресторанъ посѣщали только русскіе люди. Видно было, что всѣ эти посѣтители ресторана здѣсь свои, привычные люди; у каждаго было облюбованное, обсиженное мѣсто. Цѣлый уголъ залы былъ занятъ Гродненскими гусарами. Я увидѣлъ между ними нѣсколько знакомыхъ лицъ, которые привѣтствовали меня, подошли къ моему столику и бѣгло посвящали меня въ обычаи и нравы Варшавы. Они разсказали мнѣ, что повстанческія шайки разбиты, главари захвачены, но въ подпольѣ еще гнѣздится революція, правительство строго разыскиваетъ и преслѣдуетъ ихъ. Въ странѣ кое-гдѣ бродятъ еще мелкія шайки повстанцевъ, но для преслѣдованія ихъ не образуются уже особые отряды. Ихъ преслѣдуютъ войска, расположенныя на мѣстахъ, и безъ особыхъ усилій захватываютъ эти шайки. Веселое настроеніе

улицы, замѣченное мною, они объясняли прирожденною безпечностью и легкомысліемъ и отчасти лицемѣріемъ поляковъ. Они необдуманно, легкомысленно затѣяли повстаніе и такъ же переживаютъ теперь разстройство его, но надѣяться на поляковъ, вѣрить имъ невозможно. При малѣйшемъ послабленіи или недогляда, они готовы тотчасъ опять устроить намъ новую Варѳоломеевскую ночь. Услышавъ о моемъ назначеніи въ составъ Учредительнаго Комитета, офицеры высказали полное уваженіе къ этому учрежденію и поздравили меня съ честью вступленія туда. Офицеровъ этихъ я зналъ по моей службѣ въ гвардіи; двое изъ нихъ были старослуживые люди, эскадронные командиры, изъ образованнаго Петербургскаго общества; они прошли только-что суровую боевую школу; третій изъ нихъ, молодой поручикъ, ходилъ съ подвязанной рукою, отъ тяжкой раны, нанесенной ему повстанцами въ ручной схваткѣ. Я съ большимъ вниманіемъ слушалъ ихъ, вѣрилъ имъ; четвертый офицеръ, тоже молодой поручикъ, былъ Скобелевъ.

На другой день, рано напившись чаю съ самоваромъ (и этотъ русскій обычай былъ введенъ въ гостиницѣ), я пошелъ разыскивать своего сослуживца по Минской губерніи Михаила Борисовича Тургенева. Онъ раньше меня перешелъ на службу въ Учредительный Комитетъ, письмами своими ободрялъ меня къ переходу туда. Это былъ типичный русскій помѣщикъ, изъ образованной, достаточной среды. Бывшій членъ Самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ прослужилъ недолго членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Минскѣ. Почувствовавъ себя тамъ не ко двору, и по большимъ связямъ своимъ, легко былъ принятъ въ Учредительный Комитетъ. Я нашелъ его въ Римской гостинницѣ. Безпечный добрякъ - баринъ, онъ былъ еще въ постели, обрадовался мнѣ и тотчасъ сталъ посвящать меня въ порядки, царствующіе въ Учредительномъ Комитетѣ. Онъ указалъ мнѣ, какъ я долженъ приступить къ дѣлу, кому явиться. По его настоянію я тотчасъ отправился домой, переодѣлся въ вицъ-мундиръ и пошелъ въ Канцелярію Учредительнаго Комитета; канцелярія эта помѣщалась въ роскошномъ Брюловскомъ дворцѣ. Тамъ я очутился какъ дома; знакомые нравы, даже знакомыя лица. Въ первой же комнатѣ меня увидѣлъ Давыдовъ, рославльскій помѣщикъ и мировой посредникъ; теперь онъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Учредительномъ Комитетѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, привѣтствовалъ меня, познакомилъ съ лицами бывшими въ этой залѣ. Онъ тотчасъ направилъ меня къ ди-

ректору канцеляріи Бѣлозерскому. Я зналъ Бѣлозерскаго по Петербургу, встрѣчалъ его въ литературномъ мірѣ. Онъ вспомнилъ наше знакомство. Это былъ образованный человѣкъ, литераторъ, либералъ до мозга костей, хохломанъ, молившійся на Шевченку, признававшій Гоголя величайшимъ на свѣтѣ писателемъ; замѣчательно добрый, даже простодушный и простой въ обращеніи. Онъ сказалъ, что вспомнилъ меня, какъ только получилъ докладную записку мою о переводѣ меня въ Учредительный Комитетъ; увѣрилъ меня, что я почувствую себя тутъ хорошо, и совѣтовалъ сейчасъ же представиться Якову Александровичу Соловьеву, завѣдующему дѣлами Учредительнаго Комитета и личнымъ составомъ служащихъ по крестьянскому дѣлу, отъ него единственно зависитъ дальнѣйшее назначеніе мое.

Якова Александровича Соловьева я зналъ, какъ бывшаго управляющаго Земскимъ Отдѣломъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во время службы моей мировымъ учрежденіямъ Смоленской губерніи, я являлся къ нему разъ по дѣлу. Въ пріемной его все было очень просто; не было никакого дежурнаго чиновника; только курьеръ, который сказалъ мнѣ, что генералъ сейчасъ выйдетъ въ пріемную; не нужно никакого доклада, ни записи. Генералъ самъ спроситъ: кто я и что мнѣ нужно. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, Соловьевъ вошелъ въ пріемную, сдѣлалъ общій поклонъ и подошелъ къ ближе стоявшему лицу. Это былъ комиссаръ, извѣстный ему, и онъ, не допустивъ его до обыкновенныхъ фразъ представленія, тотчасъ заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ, выслушалъ его, далъ ему какія-то указанія и отпустилъ его. Другія лица также были извѣстны ему; послѣ краткихъ собесѣдованій, онъ распрощался съ ними. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ. Я назвалъ себя. Онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ, что помнитъ меня какъ Смоленскаго мирового посредника, что Н. А. Милютинъ рекомендовалъ ему меня, и что онъ очень охотно зачислилъ меня въ число лицъ, состоящихъ при Учредительномъ Комитетѣ. Для перваго начала, онъ рекомендовалъ мнѣ взять у Бѣлозерскаго постановленія Учредительнаго Комитета, Высочайшіе указы 19 февраля 1864 г. и изучить ихъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ посѣщать засѣданія Центральной по крестьянскимъ дѣламъ Комиссіи, прислушиваться къ разсматриваемымъ тамъ дѣламъ; а черезъ недѣлю, когда я осмотрюсь, онъ сдѣлаетъ распоряженіе о дальнѣйшихъ моихъ занятіяхъ. Все сказанное Соловьевымъ

было такъ ясно, логично, что мнѣ оставалось только буквально исполнить его указанія.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ былъ замѣчательный человѣкъ. Если не ошибаюсь, онъ кончилъ курсъ Московскаго университета и затѣмъ посвятилъ себя чиновничьей службѣ. Это былъ великій труженикъ, неутомимый работникъ, до педантизма точный, неуклонно шедшій избраннымъ имъ путемъ, съ котораго не могли сдвинуть его ни дружба, ни выгоды.

Это былъ рѣдкій знатокъ крестьянскаго дѣла. Прослуживъ въ Самарѣ предсѣдателемъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, онъ былъ привлеченъ къ занятіямъ ея Редакціонной Комиссіи. Какъ выдающійся знатокъ крестьянскаго дѣла, получилъ назначеніе Управляющаго крестьянскимъ дѣломъ. Его твердая воля, несогласіе уклоняться отъ требованій и указаній Положенія 19 февраля 1861 г. ради просьбъ и выгодъ великихъ міра сего, доставили ему много непріятностей, и онъ очень охотно согласился принять предложеніе Н. А. Милютина заняться приведеніемъ въ дѣйствіе Высочайшихъ указовъ 19 февраля 1863 года.

Я прослужилъ подъ его начальствомъ нѣсколько лѣтъ, близко узналъ его и считаю себя въ правѣ высказать о немъ свое мнѣніе. Назначеніе его завѣдывающимъ крестьянскимъ дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ было однимъ изъ наиболѣе удачныхъ распоряженій Милютина. Благодаря желѣзной стойкости Соловьева, его любви къ дѣлу, трудолюбію, рѣдкому знанію крестьянскаго дѣла, оно прошло въ Царствѣ Польскомъ правильно, быстро, безъ какого-либо уклоненія отъ намѣченной цѣли. За эту его неуклонность, его называли *бюрократомъ*; но это была не сухость, не узость взгляда, а глубокое знаніе польскаго міровоззрѣнія, просвѣщенная любовь къ обиженному въ Царствѣ Польскомъ крестьянству. Трудовая жизнь, вынесенная имъ борьба сдѣлали его нервнымъ. Въ сношеніяхъ онъ часто бывалъ нервенъ, горячился; но стоило выждать конца его вспышки, спокойно доложить ему еще подробнѣе дѣло, онъ выслушивалъ его и всегда поступалъ правильно, милосердно. Съ польскими просителями онъ облекалъ на себя маску каменнаго человѣка, ссылался на законъ, и никакія чары польскаго краснорѣчія, красоты просительницъ не уязвляли его стойкость. Со своими подчиненными онъ былъ снисходителенъ, входилъ въ ихъ нужды, но требовалъ работы, преслѣдовалъ легкомысліе.

Въ тотъ же вечеръ я засѣлъ за изученіе послѣднихъ распоряженій правительства по переустройству Царства Польскаго. До 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ оставались нѣкоторые слѣды автономіи, дарованной ему Императоромъ Александромъ I. Закрыты были представительныя палаты, уничтожено польское войско, но общее управленіе краемъ было сохранено прежнее, подъ главенствомъ Намѣстника. Общимъ съ Россіей былъ только военный министръ; министерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія у Царства Польскаго были особыя; дѣла велись по особымъ, польскимъ законамъ; закономъ судебнымъ былъ кодексъ Наполеона I, а не Русское Собраніе Законовъ. Назывались, для приличія и затемненія русскихъ глазъ, эти учрежденія не министерствами, а *Правительственными Комиссіями*. Слово *министръ* вычеркнуто и замѣнено словомъ *управляющій*. Начальники правительственныхъ комиссій были кровные поляки, всѣ чиновники также. Дѣлопроизводство велось на польскомъ языкѣ. У Царства Польскаго былъ свой монетный дворъ, своя монета. Высшее правительственное учрежденіе было „Государственный Совѣтъ Царства Польскаго“; затѣмъ „Совѣтъ Управленія Царства Польскаго“. Не удивительно, что при такомъ самостоятельномъ управленіи, не подлежащемъ ближайшему контролю русскаго правительства, Польша могла безпрепятственно развивать свои сепаративныя и революціонныя стремленія, возможны были періодическія возстанія и войны съ Россіей. Опытъ послѣдняго возстанія обратилъ, наконецъ, вниманіе русскаго правительства на эту отчужденность, и Императоръ Александръ II рѣшился слить окончательно Царство Польское съ Россіей. Первымъ шагомъ для этого былъ Высочайшій Именной Указъ 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, и Высочайшій Именной Указъ того же числа „О порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ постановленій“. Въ основаніе предпринятыхъ преобразованій быта Царства Польскаго было положено полное освобожденіе крестьянъ царства отъ вліянія пановъ и образованіе Учредительнаго Комитета, которому поручалось постепенное сокращеніе правительственныхъ комиссій, сліяніе ихъ съ министерствами Русской Имперіи, пересмотръ всего настоящаго законодательства Царства Польскаго. Веденіе всего этого дѣла было возложено на статсъ-секретаря Милютина.

Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, въ іюнѣ 1866 года, Учредительный Комитетъ существовалъ уже два года; новыя о кре-

стьянахъ постановленія 1864 года вводились дѣятельно. Для этого устроены были комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, которыя устроили гминное (волостное) крестьянское самоуправленіе, разбирали жалобы крестьянъ на помѣщиковъ, возвращали крестьянамъ отобранныя у нихъ земли, провѣряли представленныя помѣщиками ликвидаціонныя табели (выкупные акты). Открыта была центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, которая провѣряла и утверждала разсмотрѣнныя крестьянскими комиссіями ликвидаціонныя табели. Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, Совѣтъ Управленія Царствомъ Польскимъ существовали еще, но, можно сказать, существовали номинально; вся законодательная власть перешла къ Учредительному Комитету. Правительственные Комитеты тоже существовали, но во главѣ нихъ стояли уже русскіе люди. Начальникомъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ— былъ князь Черкасскій; начальникомъ комиссіи финансовъ— Кошелевъ; начальникомъ комиссіи юстиціи — Арцимовичъ. Веденіе крестьянскаго дѣла и всего дѣла производства Учредительнаго Комитета было поручено Соловьеву. Членами Учредительнаго Комитета были Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ, Соловьевъ. Начальникомъ ликвидаціонной комиссіи (выкупное учрежденіе) былъ Брауншвейгъ.

Дня черезъ два, Бѣлозерскій прислалъ мнѣ письменное увѣдомленіе, что Членъ, завѣдующій дѣлами Учредительнаго Комитета, предлагаетъ мнѣ явиться въ засѣданіе Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; указывалъ, что засѣданія бываютъ три раза въ недѣлю, и въ какіе именно дни. Въ ближайшее засѣданіе я явился въ Брюловскій дворецъ; тамъ происходили эти засѣданія; предсѣдательствовалъ Я. А. Соловьевъ; членами комиссіи были Тихменевъ, Менгденъ, Трубниковъ, Горловъ. Кромѣ того, по должностямъ своимъ, принимали въ ней участіе всѣ управляющіе Правительственными Комиссіями, князь Черкасскій, Кошелевъ, Арцимовичъ.

Центральная Комиссія разсматривала провѣренныя крестьянскими комиссіями ликвидаціонныя табели (выкупные акты); если находила ихъ правильными, утверждала ихъ и препровождала ихъ въ ликвидаціонную комиссію (главное выкупное учрежденіе), которая выплачивала помѣщикамъ опредѣленную Центральною Комиссіею выкупную сумму. Всѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ распредѣлены были между четырьмя членами Центральной Комиссіи, которые разсматривали ликвидаціонныя табели, присылаемыя изъ порученныхъ имъ Комис-

сій, и докладывали Центральной Комиссіи о всѣхъ замѣченныхъ ими неправильностяхъ и особенностяхъ. Для облегченія и ускоренія дѣла, каждому члену Центральной Комиссіи было придано на помощь нѣсколько чиновниковъ, которые собственно и провѣряли ликвидаціонныя табели. Наканунѣ засѣданій, эти чиновники докладывали члену Центральной Комиссіи, при которомъ состояли, о всѣхъ порученныхъ имъ ликвидаціонныхъ табеляхъ; тотъ разрѣшалъ замѣченное или оставлялъ затрудняющее его на разрѣшеніе Центральной Комиссіи.

Когда я вошелъ въ залу засѣданій, Соловьевъ познакомилъ меня со всѣми членами Комиссіи и сказалъ мнѣ, что скоро придется и мнѣ заняться провѣркой ликвидаціонныхъ табелей, подъ руководствомъ одного изъ членовъ Центральной Комиссіи, а потому мнѣ полезно вникнуть во все происходящее въ этихъ засѣданіяхъ. Въ это засѣданіе не было возбуждаемо никакихъ сложныхъ вопросовъ.

Порядокъ докладовъ былъ такой. Подлѣ каждаго члена Центральной Комиссіи было свободное кресло, на которое садились по очереди помощники его и докладывали обстоятельства разсматриваемой ликвидаціонной табели. Членъ Комиссіи высказывалъ затѣмъ свое мнѣніе о томъ, подлежитъ ли ликвидаціонная табель утвержденію. Затѣмъ предсѣдательствующій Я. А. Соловьевъ собиралъ мнѣнія присутствующихъ и объявлялъ рѣшеніе.

Всѣ четыре члена Центральной Комиссіи служили у себя на родинѣ членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій и тамъ выдвинулись своимъ знаніемъ, разумною дѣятельностью, яснымъ взглядомъ на дѣло. Засѣданія Центральной Комиссіи шли спокойно; высказывались сомнѣнія, оспаривались нѣкоторыя положенія; но возраженія дѣлались такъ спокойно, основательно, обдуманно, что были невозможны споры. Въ теченіе пяти лѣтъ моей службы по крестьянскому дѣлу я участвовалъ въ нѣсколькихъ стахъ засѣданіяхъ, но въ первый разъ пришлось мнѣ здѣсь убѣдиться въ возможности такого правильнаго, дѣлового засѣданія. На слѣдующихъ засѣданіяхъ разрѣшались очень серьезные, сложные вопросы, на одномъ изъ нихъ два или три члена долго высказывали свои разногласящія мнѣнія. Я услышалъ цѣлую лекцію по этому спорному вопросу, читанную такими выдающимися знатоками дѣла, какъ Соловьевъ, кн. Черкасскій. Со всякаго засѣданія я уходилъ съ большимъ и большимъ уваженіемъ къ членамъ Комиссіи, съ сознаніемъ, что крестьянское дѣло поставлено здѣсь гу-

манно, но безъ сентиментальности и безъ дешеваго либеральничанья; руководители относятся къ дѣлу серьезно, много думали, работали и идутъ прямымъ путемъ, безъ шатаній и колебаній.

Черезъ недѣлю Соловьевъ подозвалъ меня къ себѣ въ концѣ засѣданія и сказалъ стоявшему подлѣ него Горлову: „Примите Г. Полевого въ число помощниковъ вашихъ и поручите ему разсмотрѣніе ликвидаціонныхъ табелей. Надѣюсь услышать вашъ докладъ въ слѣдующее засѣданіе!"—добавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Такъ началась моя работа въ Царствѣ Польскомъ.

Михаилъ Павловичъ Горловъ, если память не измѣняетъ мнѣ, казанскій помѣщикъ, членъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, былъ серьезный дѣловой человѣкъ. Очень добрый, ласковый и всегда задумчивый. За много лѣтъ работы съ нимъ, я, кажется, никогда не видѣлъ его смѣющимся. Всегда одинаково ровный, дѣловой, мягкій, онъ много если улыбнется. Лучшаго и болѣе пріятнаго руководителя я не могъ пожелать себѣ. Передавая мнѣ на другой день, у себя на квартирѣ, нѣсколько ликвидаціонныхъ табелей, онъ одну изъ нихъ тутъ же, со мною, повѣрилъ, чтобы показать мнѣ, на что надо обращать вниманіе, какъ дѣлать замѣтки, какъ и что докладывать въ засѣданія. На другой день я принесъ ему провѣренныя мною табели, доложилъ ему все замѣченное. Онъ самъ еще разъ просмотрѣлъ эти табели, чтобы убѣдиться, что я не пропустилъ что-нибудь, дополнилъ и исправилъ мои замѣтки. На слѣдующій день я благополучно сдѣлалъ первый докладъ свой въ Центральной Комиссіи. Съ тѣхъ поръ я погрузился въ работу; утромъ я былъ занятъ у Горлова или въ Центральной Комиссіи; вечеромъ сидѣлъ дома, просматривалъ ликвидаціонныя табели, подготовляемыя къ докладу. Такъ продолжалось два мѣсяца.

Несмотря на то, что я много работалъ, я находилъ время бывать въ обществѣ. Я нашелъ въ Варшавѣ много знакомыхъ и даже близкаго родственника, двоюроднаго брата моего Сергѣя Николаевича Полевого, полковника 2-го гвардейскаго стрѣлковаго батальона. Нѣсколько лѣтъ назадъ, стрѣлковый батальонъ этотъ, въ составѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіи, перемѣщенъ былъ изъ Петербурга въ Варшаву. Мы съ малолѣтства были съ нимъ очень близки. Это былъ веселый, жизнерадостный гвардейскій офицеръ, свѣтскій человѣкъ, танцоръ, острякъ, добрякъ. Отъ перваго встрѣченнаго мною офицера 2-го стрѣлковаго батальона я узналъ адресъ квартиры брата

моего, и въ первый же день, вечеромъ, пошелъ навѣстить его. Онъ жилъ на хорошей улицѣ; я быстро отыскалъ номеръ дома его, взошелъ по парадной лѣстницѣ во второй этажъ, какъ мнѣ указалъ офицеръ, и увидѣлъ на дверяхъ мѣдную дощечку съ фамиліей брата. Я позвонилъ; дверь отворилъ денщикъ, служившій у брата еще въ Петербургѣ, узналъ меня, ахнулъ и, не говоря ни слова, убѣжалъ во внутреннія комнаты. Раздались восклицанія, и Сергѣй Николаевичъ выбѣжалъ въ переднюю съ восклицаніемъ: „Николай! какъ попалъ ты сюда?“ обнялъ меня. „Ты знаешь, я женатъ; пойдемъ къ женѣ!“ Онъ съ годъ назадъ женился въ Варшавѣ, и я не былъ еще знакомъ его женою. Я засталъ ее въ столовой, за самоваромъ; она шла ко мнѣ навстрѣчу, со словами: „Знаю васъ по разсказамъ Сережи! видите, какъ онъ обрадовался вамъ!“ За столомъ сидѣли ея мать Блаватская и сестра Наташа. Молодая жена Сергѣя Николаевича была красавица въ полномъ смыслѣ слова, русская, родившаяся въ Варшавѣ и проведшая тамъ большую часть своей жизни. Отецъ ея служилъ при князѣ Паскевичѣ. Разговоръ тотчасъ пошелъ искренній, полный разспросовъ, разсказовъ. Я просидѣлъ у нихъ до полуночи и ушелъ какъ старый знакомый, унося настойчивое приглашеніе всякій день приходить обѣдать у нихъ. Я дѣйствительно почти всякій день бывалъ у нихъ и изрѣдка обѣдалъ. Я чувствовалъ себя тамъ хорошо, въ семьѣ.

Въ Варшавѣ стояла третья легкая батарея гвардейской конной артиллеріи. Это были мои ближайшіе товарищи. Батареей командовалъ недавно Бревернъ, съ которымъ я былъ очень друженъ; въ батареѣ были пріятные мнѣ офицеры князь Вадбольскій, Ермоловъ. Я часто пріѣзжалъ къ нимъ въ Лазенки, обѣдалъ съ ними, проводилъ весь вечеръ. У Бреверна я встрѣчалъ Имеретинскаго, тогда еще молодого полковника, впослѣдствіи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, и много образованныхъ людей.

Я встрѣтилъ въ Варшавѣ нѣсколько смоленскихъ помѣщиковъ; въ томъ числѣ особенно милаго мнѣ Карцева, сосѣда моего, предводителя дворянства Юхновскаго уѣзда. Онъ прослужилъ годъ предсѣдателемъ крестьянской комиссіи въ Ломжѣ и занималъ теперь въ Варшавѣ мѣсто члена ликвидаціонной комиссіи, почетное, хорошо оплачиваемое. Это былъ очень образованный человѣкъ, умный, мягкій. Жена его, красивая, умная женщина, очень бойкая и живая, была очень пріятная и радушная хозяйка дома; я охотно навѣщалъ ихъ. У нихъ

сталкивался я съ членами Учредительнаго Комитета и вообще съ многими высокопоставленными людьми. Общество всегда было оживленное; бесѣда интересная, много говорили, въ карты не играли.

Варшавская жизнь меня очень интересовала. Я изучалъ ее на улицѣ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, театрахъ. Въ польскомъ обществѣ я конечно не бывалъ. Служебное мое положеніе было хорошо; получалъ около 200 рублей жалованья въ мѣсяцъ, занятія мои были неотвѣтственны. Мы уговорились съ Михаиломъ Борисовичемъ Тургеневымъ нанять общую квартиру, устроились прекрасно. Это былъ очень пріятный сожитель; онъ взялся вести наше хозяйство. У насъ былъ прекрасный домашній столъ, у каждаго своя большая комната, общая чистая комната. Мы жили около Саксонскаго сада, въ хорошей части города. Кромѣ знакомыхъ, я изрѣдка посѣщалъ Русское Собраніе, гдѣ принятъ былъ въ число членовъ. Собраніе помѣщалось въ домѣ графа Замойскаго, недавно конфискованномъ за то, что изъ него стрѣляли въ намѣстника графа Берга. Собранію отведено было тамъ обширное, роскошное помѣщеніе, съ садомъ; оно было обставлено очень хорошо. Ежедневно тамъ можно было обѣдать, не дорого, но хорошо; въ библіотекѣ было много журналовъ, газетъ. Вечеромъ играли въ карты, но тихо, прилично; собраніе посѣщалось охотно. Хозяиномъ клуба былъ старичекъ, Левшинъ, очень добродушный, но державшій свое хозяйство въ большомъ порядкѣ. Въ опредѣленный день, каждую недѣлю, собирались къ обѣду въ собраніе все русское общество, лучшіе русскіе люди Варшавы, было весело, оживленно. Тамъ я могъ видѣть и слышать всѣхъ выдающихся людей Варшавы, отъ намѣстника Берга до знаменитаго шахматиста Петрова, владѣльца маіората въ Польшѣ. Послѣ обѣда онъ всегда усаживался играть въ шахматы, и я съ любопытствомъ слѣдилъ за его игрою. Зимою въ собраніи бывали концерты, балы, куда русскія дамы являлись очень охотно и очень нарядныя. Поляки никогда не посѣщали это собраніе, даже въ видѣ гостей.

Изъ общественныхъ варшавскихъ развлеченій русскимъ людямъ были доступны Швейцарская долина, общественный садъ и театры. Швейцарская долина посѣщалась очень охотно русскимъ обществомъ. Тамъ всякій вечеръ игралъ очень хорошій оркестръ изъ Берлина; не помню фамиліи дирижера. Это былъ добросовѣстный нѣмецъ, который аккуратно, чистенько исполнялъ нѣмецкую музыку. Въ саду, какъ и теперь, былъ ресторанъ. Русская публика не ѣла и не пила тамъ, не знаю

почему. Брали порцію мороженаго, пили сельтерскую и содовую воду, чтобы оплатить какъ-нибудь мѣсто, занятое у столика. Входная плата въ садъ была ничтожная. Сюда являлись и поляки средняго сословія; они приходили семьями, пили тутъ всею семьею чай, ѣли пирожныя. Общенія русской публики съ польскою не было никакого. Мы, холостые люди, обыкновенно подсаживались къ знакомымъ русскимъ дамамъ и проводили вечеръ въ разговорахъ; музыку слушали на половину. Лучшее русское общество почти всякій вечеръ бывало здѣсь. Вечеръ обыкновенно кончался приглашеніемъ закончить его въ семьѣ, подлѣ которой сидѣли въ саду, пить тамъ чай.

Меня лично варшавскіе лѣтніе театры мало привлекали. Драматическій театръ былъ мнѣ недоступенъ, такъ какъ я не понималъ польскаго языка; а сидѣть цѣлый вечеръ и наслаждаться жестикуляціей, мимикой актеровъ, даже геніальныхъ, я не находилъ удовольствія. Оперный театръ лѣтомъ давалъ только польскія оперы, Монюшки и лѣтнія оперетки, въ родѣ „Десяти невѣстъ и ни одного жениха“. Я прослушалъ знаменитую оперу Монюшки „Гальку“, исполненную подъ дирижерствомъ самого автора, который величественно, самоувѣренно махалъ палочкой въ оркестрѣ, и рѣшилъ, что надо быть полякомъ, чтобы восхищаться ею. Мнѣ она показалась музыкой заурядной. Мелкія оперетки исполнялись недурно, но я не былъ любителемъ ихъ. Оркестръ оперы былъ небольшой, порядочный; не болѣе. Въ оперѣ не было ни одного выдающагося пѣвца и пѣвицы; хоры не важные. Намъ, петербуржцамъ, избалованнымъ великолѣпнымъ, огромнымъ оркестромъ тогдашней итальянской оперы, такими пѣвцами, какъ Маріо, Лаблашъ, пѣвцами, какъ Гризи, Бозео, варшавская опера не могла доставить удовольствія. Говорили, что зимою приглашаются первостепенные пѣвцы и пѣвицы, что тогда опера лучше; но лѣтомъ русское общество мало посѣщало ее.

Варшавскій балетъ славился; но намъ, петербургскимъ жителямъ, онъ казался жалокъ. Составъ его былъ очень не великъ; кордебалетъ также немногочисленъ, до такой степени, что въ балетахъ, гдѣ нужна масса, находчивые руководители балета изображали толпу на кулисахъ. Передъ этими, неподвижными, рисованными фигурами танцовало около тридцати танцовщицъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько красивыхъ особъ, а двѣ, три даже были очень красивы; но первостепенныхъ танцовщицъ не было ни одной. У красавицъ этихъ юбочки были очень коротки, корсажи очень декольтированы, и онѣ были

очень эффектны въ этомъ полуобнаженномъ видѣ. Балетъ посѣщался польскимъ обществомъ и русскою молодежью, у которыхъ были соотношенія и знакомства съ танцующими. Я лично не увлекался ими.

Аристократическаго польскаго общества, которымъ всегда славилась Варшава, я не видѣлъ нигдѣ, ни въ театрахъ, ни на улицахъ, ни въ Лазенкахъ. Дома аристократовъ были заперты, окна въ нихъ завѣшены; говорили, что аристократы уѣхали за границу, или живутъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ театрахъ, садахъ, на улицахъ постоянно толпилось польское среднее общество, купцы, адвокаты, доктора, чиновники, не общавшіеся съ русскими. Они не смѣли теперь явно высказывать намъ свои враждебныя чувства, но, насколько возможно было дѣлать это, не подвергаясь полицейскимъ взысканіямъ, они дѣлали это. Они всячески, во всемъ стѣсняли русскихъ, старались сдѣлать имъ досаду. Во всѣхъ магазинахъ, на русскій вопросъ и просьбу товара отвѣчали: nie rasumem! (не понимаю!). За всѣ товары съ русскихъ брали двойную цѣну. Польскій докторъ очень неохотно ѣхалъ лѣчить русскихъ паціентовъ, и дѣлалъ это только за двойную плату. На улицѣ, на вопросъ по-русски: какъ пройти куда-либо? поляки не отвѣчали ничего, проходили, будто не слыша вопроса. Вслѣдствіе всего этого, благоразумные русскіе люди платили дороже за товары и польскія услуги, но отказывались отъ всякаго общенія съ поляками.

Евреевъ я видѣлъ на улицѣ, въ магазинахъ; но въ театрахъ и Швейцарской долинѣ они показывались рѣдко, и то самые богатые, ополяченные, и корчили поляковъ! Ихъ можно было видѣть въ шабашъ (пятница вечеромъ) въ Саксонскомъ саду и въ излюбленномъ ими Красинскомъ саду. Красинскій садъ лежитъ въ части города, которую русскіе мало посѣщали, а въ шабашъ мы, конечно, избѣгали входить въ Саксонскій. Впрочемъ Саксонскій садъ былъ мало доступенъ и для евреевъ. У входа въ садъ стояла полиція и не пропускала туда чернорабочихъ, кухарокъ съ провизіей и вообще простонародье. Евреи въ лапсердакахъ входа туда не имѣли. Русское общество любило Саксонскій садъ. Нельзя было не восхищаться его великолѣпными тѣнистыми аллеями изъ столѣтнихъ каштановъ; содержался онъ прекрасно.

Кромѣ сослуживцевъ моихъ по Учредительному Комитету, людей съ высшимъ образованіемъ и развитіемъ, въ Варшавѣ было многочисленное русское военное общество, въ которомъ

было много людей съ высшимъ образованіемъ. Вѣдь въ Варшавѣ было главное управленіе всѣхъ военныхъ силъ, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, а тамъ была сосредоточена цѣлая армія! Военные и гражданскіе русскіе люди жили дружно, образовали свой общій образованный кругъ въ Варшавѣ, не нуждаясь въ полякахъ.

Когда М. П. Горловъ убѣдился, что я достаточно ознакомился съ дѣломъ, онъ далъ мнѣ три ликвидаціозныхъ табели Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и сказалъ:

— Обратите особенное вниманіе на эти табели; въ раіонѣ Калишской комиссіи населеніе очень смѣшанное, она расположена на границѣ Пруссіи; тамъ встрѣчаются очень сложные вопросы. Притомъ, протоколы этой комиссіи бываютъ очень безтолковы, неясны!

Онъ былъ правъ! Въ тѣхъ табеляхъ, которыя онъ далъ мнѣ, не было сложныхъ вопросовъ; но всѣ онѣ были обжалованы помѣщиками. Жалобы были ядовиты, но логичны съ польской точки зрѣнія; протоколы на комиссіи, разсматривавшія эти жалобы, были многорѣчивы, но написаны такъ неискусно, не логично, что мѣстами трудно было понять излагаемое. Я проработалъ за ними цѣлый вечеръ, но все-таки, для разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, долженъ былъ обратиться къ М. П. Горлову. Съ этихъ поръ, онъ сталъ давать мнѣ на провѣрку исключительно ликвидаціонныя табели Калишской комиссіи, и я вынужденъ былъ работать надъ ними усиленно. Тамъ было два комиссара, неумѣло и невнимательно разбиравшихъ дѣло и плохо излагавшихъ свои разборы. Отношенія членовъ комиссіи къ помѣщикамъ очевидно были обостренны; это высказывалось въ множествѣ обжалованій, въ озлобленіи, съ какимъ жалобы эти были написаны. Протоколы Калишской крестьянской комиссіи были трехъ редакцій: одно лицо писало кратко, толково; другое лицо писало кратко, умно, но злобно и, по моему убѣжденію, пристрастно, въ пользу крестьянъ; третье лицо писало многосложно, неясно, не глубоко вникало въ дѣло, наполняло протоколы ненужными громкими фразами и безтактичными нападками на поляковъ вообще. Я высказалъ это наблюденіе Горлову; онъ улыбнулся и призналъ мое наблюденіе вѣрнымъ, но не согласился назвать мнѣ авторовъ этихъ протоколовъ. Я такимъ образомъ сдѣлался исключительнымъ докладчикомъ по ликвидаціоннымъ табелямъ Калишской комиссіи, сильно набилъ руку въ разсмотрѣніи ихъ.

Однажды, въ Центральную Комиссію явился незнакомый мнѣ

человѣкъ; онъ вошелъ вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ, очевидно былъ знакомъ со всѣми, пожималъ руку всѣмъ членамъ. Мнѣ некогда было спросить „кто это?“, такъ какъ докладъ тотчасъ по входѣ Соловьева началъ Горловъ, и именно съ моихъ табелей. Я докладывалъ очень сложное и плохо разобранное дѣло съ неясно изложеннымъ протоколомъ Калишской комиссіи. Когда я изложилъ дѣло, члены стали обсуждать дѣло и обращались къ незнакомому моему за разными разъясненіями; я понялъ, что это Рутценъ, предсѣдатель Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ; онъ очень неохотно и сухо давалъ объясненія. Соловьевъ не могъ разъяснить себѣ что-то, заставилъ меня прочитать сказанное въ протоколѣ и, выслушавъ, нетерпѣливо спросилъ Рутцена;

— Скажите, кто такъ безтолково пишетъ?

— Мой помощникъ, Николай Павловичъ Рагозинъ! отвѣчалъ Рутценъ.

Я узналъ такимъ образомъ автора затруднявшихъ меня протоколовъ. Я докладывалъ три табели; всѣ были сильно обжалованы, и одна очень неумѣло провѣрена на мѣстѣ. Соловьевъ опять спросилъ:

— Кто этотъ безтолковый комиссаръ?

— Подполковникъ Грюнеръ! отвѣтилъ вполголоса Рутценъ.

Всѣ три ликвидаціонныя табели были возвращены въ Калишскую комиссію для дополнительной провѣрки. Рутценъ выслушалъ общее осужденіе представленныхъ имъ работъ. Онъ съ явнымъ неудовольствіемъ глядѣлъ на меня и тотчасъ по окончаніи засѣданья ушелъ, такъ что я не успѣлъ познакомиться съ нимъ. А я хотѣлъ сдѣлать это, чтобы разспросить его кое о чемъ по другимъ табелямъ, мною уже разсмотрѣннымъ, но еще недоложеннымъ даже Горлову.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого засѣданія, 26 августа, Соловьевъ, по окончаніи засѣданіи Центральной комиссіи, сказалъ мнѣ:

— Приходите ко мнѣ въ 6 часовъ вечера, обѣдать. Знакомы вы съ Рагозинымъ, товарищемъ предсѣдателя Калишской комиссіи?

Я отвѣтилъ, что не знаю его.

— Такъ я познакомлю васъ.

Приглашеніе это озадачило меня. Соловьевъ держалъ себя очень гордо. Я встрѣчался съ нимъ въ Центральной комиссіи, у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, но никогда не бывалъ у него. Ровно въ 6 часовъ я входилъ въ его гостиную. Рагозинъ былъ уже тамъ.

и они оживленно толковали о чемъ-то. Соловьевъ познакомилъ насъ. Я увидѣлъ знакомый мнѣ типъ калужанина-помѣщика: русскій человѣкъ, русый, средняго роста, плотнаго сложенія, конечно съ бородой, лѣтъ 35, съ добрымъ выраженіемъ лица. Обѣдали мы втроемъ; разговоръ шелъ все время о дѣлахъ Калишской комиссіи. Яковъ Александровичъ пенялъ Рагозину за раздоры между членами комиссіи, за небрежныя работы; разъ или два остался недоволенъ возраженіями Рагозина, говорившаго смѣло, и рѣзко. Я конечно молчалъ во время этихъ преній. Подъ конецъ обѣда Яковъ Александровичъ сталъ разспрашивать меня о нашихъ смоленскихъ дѣлахъ; онъ хорошо зналъ Смоленскъ, служилъ тамъ. Отзывы его о людяхъ и отношеніяхъ смоленскихъ очень вѣрны, и я невольно высказалъ ему удивленіе, что онъ такъ близко знаетъ все это. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Не мудрено понять ихъ; люди русскіе, дворяне; типъ всероссійскій!

Отпуская насъ послѣ обѣда, онъ задержалъ меня, и когда мы остались вдвоемъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Я предполагаю командировать васъ въ Калишъ, завѣдывать Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ. Изъ докладовъ вашихъ въ Центральной комиссіи я убѣдился, что вы достаточно ознакомились теперь съ дѣломъ вообще и съ положеніемъ дѣла въ Калишской комиссіи. Рутценъ не вернется въ Калишъ; я получилъ его прошеніе объ отставкѣ; Рагозину я не могу довѣрить комиссію. Надѣюсь, вы справитесь съ этимъ дѣломъ?

Я отвѣчалъ, что предложеніе это для меня совершенно неожиданно; я не подготовилъ отвѣта. Но я всю жизнь никуда не напрашивался и ни отъ какого порученья не отказывался. Предложеніе его такъ лестно для меня, что я благодарю его за довѣріе, и приложу всѣ силы повести дѣло правильно.

Я такъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ оставаться наединѣ; Тургенева не было дома. Я переодѣлся и пошелъ въ театръ. Ночь я почти не спалъ; меня радовало это крупное повышеніе. Должность предсѣдателя крестьянской комиссіи состояла въ IV классѣ, давала 4.000 рублей содержанія, при казенной квартирѣ и отопленіи. Мнѣ было 32 года; положеніе блестящее для молодого человѣка. Но меня смущало сознаніе, что Калишская комиссія была ведена неправильно, что тамъ раздоры между членами комиссіи, что они очень самостоятельны, рѣзко и стойко отстаиваютъ свои убѣжденія. Нѣсколько часовъ назадъ я убѣдился въ этомъ изъ разговора

Рагозина съ Соловьевымъ. Молодость, увѣренность въ своихъ силахъ, взяли верхъ, и я сказалъ себѣ: „буду работать, одолѣю".

На другой день я никому, ни даже моему сожителю Тургеневу не говорилъ о предложенiи, сдѣланномъ мнѣ Соловьевымъ, предоставляя ему обнародовать это, когда онъ признаетъ это нужнымъ. Въ канцелярiи Учредительнаго Комитета, куда я пришелъ по дѣлу, Бѣлозерскiй подошелъ ко мнѣ и вполголоса сказалъ мнѣ:

— Поздравляю съ блистательнымъ назначенiемъ! Яковъ Александровичъ приказалъ мнѣ написать представленiе о назначенiи васъ исправляющимъ должность предсѣдателя Калишской комиссiи по крестьянскимъ дѣламъ.

Я молча пожалъ ему руку; онъ продолжалъ:

— Вы никому не говорили объ этомъ? Хорошо сдѣлали! Молчите, пока не состоится назначенiе.

Когда я явился съ ликвидацiонными табелями къ Горлову, онъ спросилъ меня, улыбаясь:

— Какiя новости принесли вы мнѣ?

— Три ликвидацiонныя табели, мною просмотрѣнныя, отвѣчалъ я серьезно.

— Это послѣднiя, которыя вы мнѣ докладываете. Поздравляю съ назначенiемъ и радуюсь ему. Убѣжденъ, что дѣло пойдетъ у васъ хорошо.

Мы проговорили съ нимъ часа полтора о томъ, что меня ожидаетъ въ Калишѣ, и какъ я долженъ дѣйствовать. Видно было, что онъ искренно желаетъ помочь мнѣ, разъяснить мнѣ все необходимое. Я поблагодарилъ его за доброе расположенiе ко мнѣ и высказалъ убѣжденiе, что, именно благодаря его доброму отзыву обо мнѣ, Соловьевъ избралъ меня. Горловъ отвѣтилъ:

— Я сознательно готовилъ васъ въ предсѣдатели Калишской комиссiи. Давно было рѣшено, что Рутценъ не можетъ вести ее. Давая вамъ для разбора ликвидацiонныя табели этой комиссiи, я вводилъ васъ въ кругъ ея дѣйствiй. Вы теперь хорошо знаете всѣ ея ошибки, знаете мнѣнiе о нихъ членовъ Центральной комиссiи. Дѣло для васъ ясно, открыто. Ваши доклады одобрялись всѣми членами комиссiи; Яковъ Александровичъ могъ смѣло избрать Васъ.

Когда я воротился домой, къ обѣду, Михаилъ Борисовичъ бросился обнимать, поздравлять меня. Добрый человѣкъ этотъ искренно радовался назначенiю моему. Въ канцелярiи Учредительнаго Комитета писалось представленiе о моемъ назначенiи,

всѣ знали о немъ. Тургеневъ укорялъ меня, что я не разсказалъ ему эту вѣсть вчера.

— Когда я воротился домой, отвѣчалъ я, вы спали; не будить же васъ!

— Именно будить! для такой радостной вѣсти можно и проснуться!

— А затѣмъ, продолжалъ я, прилично ли было мнѣ разглашать это? Представьте себѣ, что Яковъ Александровичъ отдумалъ бы назначить меня; остановился бы на другомъ лицѣ; или намѣстникъ, графъ Бергъ, не утвердилъ бы его представленіе. Хорошъ бы я былъ! Мальчикъ, хвастунъ!

— Это невозможно! Не такой человѣкъ Яковъ Александровичъ! Онъ не шатается; у него—сказано, сдѣлано! А намѣстникъ? Ему не все ли равно, кто будетъ въ Калишѣ? Онъ никого изъ насъ не знаетъ и знать не хочетъ. Я просилъ однако Тургенева не разглашать это извѣстіе, а самъ продолжалъ провѣрять ликвидаціонныя табели. Ближайшее засѣданіе Центральной комиссіи было вечеромъ 29 августа, несмотря на табельный праздникъ. Придя въ комиссію, Яковъ Александровичъ объявилъ нѣсколькимъ лицамъ, что онъ получилъ Высочайшій приказъ о награжденіи ихъ чинами и орденами, по случаю 30 августа, дня Именинъ Государя Александра II. Затѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Поздравляю и васъ, Николай Ксенофонтовичъ! Вы назначены исправляющимъ должность Предсѣдателя Калишской комиссіи.

Члены Центральной комиссіи всѣ поздравили меня и высказывали убѣжденіе, что дѣло попало въ хорошія руки. Я сдѣлалъ въ это засѣданіе свой послѣдній докладъ, сдалъ свои ликвидаціонныя табели и ушелъ изъ засѣданія уже какъ предсѣдатель Калишской комиссіи. Члены Центральной комиссіи, Тургеневъ, еще кое-кто рѣшили, что надо идти ужинать въ Европейскую гостиницу, поздравить меня. Мы дружески поужинали тамъ, и я сохраняю до сихъ поръ радостное воспоминаніе о вниманіи и ласкѣ этихъ умныхъ, добрыхъ и ласковыхъ людей.

Черезъ нѣсколько дней Бѣлозерскій вручилъ мнѣ распоряженіе отправиться къ мѣсту служенія моего, въ г. Калишъ, и принять Калишскую комиссію по крестьянскимъ дѣламъ. Я явился къ Соловьеву откланяться. Очень кратко, но очень опредѣленно, онъ указалъ мнѣ, на что надо обратить особенное вниманіе въ Калишской комиссіи. Съ Горловымъ у насъ была

болѣе продолжительная бесѣда. Онъ еще разъ дружески, отечески повторилъ мнѣ всѣ требованія Центральной комиссіи, всѣ слабыя стороны дѣятельности Калишской комиссіи. Я сдѣлалъ нѣсколько прощальныхъ визитовъ. Жалко мнѣ было разставаться съ сожителемъ моимъ Михаиломъ Борисовичемъ. Добрый, умный человѣкъ этотъ пришелся мнѣ очень по душѣ. Жалко было мнѣ оставить семью брата моего Сергѣя Николаевича, гдѣ я такъ хорошо отдыхалъ, гдѣ было такъ уютно, семейно. Мнѣ было жаль разставаться со всѣмъ, что меня окружало въ Варшавѣ. Благородные, умные члены Учредительнаго Комитета, съ которыми я нѣсколько разъ въ недѣлю встрѣчался въ Центральной комиссіи, были мнѣ дороги. Мнѣ до теперешнихъ, позднихъ дней моей жизни, не пришлось встрѣтить вновь такое рѣдкое собраніе умныхъ, благородныхъ людей. Встрѣчались такіе люди поодиночкѣ, на группу въ 10 и 12 человѣкъ такихъ людей, работающихъ за однимъ дѣломъ, я не встрѣчалъ болѣе. Николай Алексѣевичъ Милютинъ высказалъ свой рѣдкій административный талантъ, замѣчательное знаніе людей, сумѣвъ выбрать и соединить этихъ людей въ Варшавѣ Общая работа съ ними, бесѣды ихъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе, придали твердость, сознательность моей дальнѣйшей дѣятельности по крестьянскому дѣлу. До тѣхъ поръ я, какъ и всѣ мировые посредники перваго состава, былъ самоучка, дѣйствовалъ по своему разуму. Учиться было не у кого; всѣ были такіе же, какъ я, не съ кѣмъ было даже посовѣтоваться. Тутъ, въ Центральной комиссіи, засѣдали бывшіе члены редакціонной комиссіи; они руководствовались убѣжденіями и положеніями, выработанными въ редакціонной комиссіи. Они передавали эти руководящія мысли, положенія намъ, ученикамъ своимъ, и я понялъ цѣну этихъ указаній. Къ счастью, мнѣ пришлось пользоваться руководствомъ этихъ людей до конца семилѣтней службы моей въ Учредительномъ Комитетѣ.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссія въ 1866 году.

Калишская комиссія по крестьянскимъ дѣламъ получила форменное извѣщеніе о моемъ назначеніи исправляющимъ должность предсѣдателя ея. Бѣлозерскій былъ разъ въ командировкѣ въ Калишъ и разсказалъ мнѣ, какъ проѣхать туда. Я написалъ секретарю Калишской комиссіи, указалъ, въ какой

день пріѣду туда, просилъ заготовить мнѣ къ этому дню нумеръ въ гостиницѣ и выслать сторожа комиссіи въ почтовую контору, ко времени пріѣзда почтоваго дилижанса, съ которымъ я предполагалъ пріѣхать въ Калишъ. Въ незнакомомъ мнѣ городѣ, не зная польскаго языка, я вызывалъ сторожа, чтобы онъ довелъ меня до гостиницы и доставилъ туда мой багажъ. Около полудня я сѣлъ въ вагонъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги; Михаилъ Борисовичъ провожалъ меня; мы дружески обнялись, онъ благословилъ меня на новый путь. По желѣзной дорогѣ мнѣ надо было ѣхать до станціи Кутно, около десяти перегоновъ отъ Варшавы. Желѣзная дорога эта была уже не русская; она устроена па заграничный образецъ. Колея узкая, вагоны, всѣ порядки нѣмецкіе. Прислуга польская, билеты съ надписями польскими, разговоръ по-польски. Путь идетъ по хорошей, богатой части Польши, густонаселенной, плодородной. Около 7 часовъ вечера я вышелъ въ Кутно, маленькомъ городкѣ. Тутъ у вокзала стоялъ почтовый дилижансъ, который черезъ полчаса отправлялся въ Калишъ, везъ туда почту. Въ каретѣ было 8 мѣстъ; я занялъ одно; плата была ничтожная. Карета была раздѣлена на два отдѣленія, по 4 мѣста въ каждомъ. Въ моемъ отдѣленіи, къ счастью, оказался пассажиръ русскій чиновникъ, служащій въ Калишѣ; онъ уже обжился въ Польшѣ, довольно бойко говорилъ по-польски и много помогъ мнѣ. Дорога шла по прекрасному шоссе; карета шла ровно и довольно скоро, но ѣхать предстояло болѣе 100 верстъ, и мнѣ объяснили, что мы будемъ въ Калишѣ только на другой день, около 8 часовъ утра. Покуда было свѣтло, я осматривалъ мѣстность, по которой мы проѣзжали. Мѣста были хорошія, обработка земли тщательная, видна была зажиточность населенія. Когда потемнѣло, стало очень скучно, спать сидя я не могъ, остальные пассажиры были поляки, относившіеся къ намъ, русскимъ, холодно. Оставалось одно—разспрашивать моего русскаго спутника о городѣ Калишѣ и жизни въ немъ, что я и сдѣлалъ. Продремавъ сидя всю ночь, мы къ указанному времени, около 8 часовъ утра, въѣхали въ Калишъ. Сторожъ комиссіи, отставной солдатъ, встрѣтилъ меня, провелъ въ гостиницу Пешке, гдѣ мнѣ была заготовлена просторная, чистая комната. Хозяинъ гостиницы, нѣмецъ, встрѣтилъ меня почтительно. Я съ дѣтства свободно говорилъ по-нѣмецки; попросилъ его приставить ко мнѣ человѣка, говорящаго по-русски или по-нѣмецки; онъ объяснилъ, что предупредилъ мое желаніе; кельнеръ его, нѣмецъ, будетъ мнѣ прислу-

живать. Самовары въ нѣмецкой гостиницѣ не полагались; но мнѣ подали прекрасное кофе, съ хорошимъ хлѣбомъ и масломъ. Я пилъ кофе, когда мнѣ доложили, что пришелъ секретарь комиссіи. Я конечно тотчасъ принялъ его, поблагодарилъ, что онъ такъ удобно устроилъ меня. Онъ спросилъ: какъ и когда я хочу принять дѣла комиссіи, когда назначу представиться мнѣ комиссарамъ и чиновникамъ комиссіи? Я объяснилъ, что цѣлую ночь не спалъ, усталъ и въ этотъ день буду отдыхать; прошу считать меня оффиціально еще не прибывшимъ въ Калишъ; а что будетъ завтра—увидимъ. Я попросилъ его зайти къ товарищу предсѣдателя Рагозину и попросить его отъ моего имени быть дома въ 11 ч. утра; я зайду къ нему, какъ человѣку мнѣ уже знакомому.

Въ 11 часовъ я звонилъ у двери Рагозина; онъ самъ отворилъ мнѣ и смущенно привѣтствовалъ меня. Я дружески протянулъ ему руку и прежде всего просилъ видѣть во мнѣ человѣка, а не предсѣдателя комиссіи, что я сегодня не стану говорить о дѣлахъ и прошу распоряжаться въ комиссіи, какъ онъ знаетъ. Онъ повторилъ вопросъ секретаря о пріемѣ комиссіи; я сказалъ, что не вижу надобности и принимать дѣла; они на рукахъ секретаря, а если мои помощники не увѣрены въ цѣлости ихъ, надо назначить ревизію. Рагозинъ конечно запротестовалъ и клялся, что все въ порядкѣ. О пріемѣ комиссаровъ я сказалъ, что не считаю удобнымъ отрывать ихъ отъ дѣла и не вижу пользы отъ оффиціальнаго пріема. Лучше мы познакомимся постепенно, когда будетъ удобно. Съ нимъ лично я знакомъ, а съ другимъ помощникомъ познакомлюсь сегодня, зайду къ нему. Распоряженіе это поразило его и повидимому понравилось ему.

Я зналъ, что онъ женатъ, и просилъ его познакомить меня съ женою его. Не мало я былъ удивленъ, когда ко мнѣ вышла особа, которую я хорошо зналъ еще дѣвочкой. Я былъ друженъ съ ея дядей Николаемъ Пис...: Это былъ мой другъ дѣтства, съ сестрой его, матерью г-жи Рагозиной, игралъ въ дѣтствѣ, а самое г-жу Рагозину постоянно встрѣчалъ у Николая П—а. Это обстоятельство много упростило наши отношенія съ ея мужемъ, Николаемъ Павловичемъ, придавъ имъ сразу дружескій оттѣнокъ. С. Н. Рагозина настояла, чтобы я позавтракалъ у нея, послѣ завтрака я попросилъ хозяина проводить меня къ другому моему товарищу Рычкову. Я зналъ отъ Горлова, что это враги, и потому просилъ Рагозина указать мнѣ домъ, гдѣ живетъ Рычковъ. Я засталъ дома Николая Дмитріе

вича Рычкова. Это былъ молодой человѣкъ красивой наружности, свѣтскій, очень образованный, кандидатъ юридическихъ наукъ Казанскаго университета. Отецъ его, богатый помѣщикъ на Уралѣ, потомокъ извѣстнаго писателя Рычкова, самъ онъ очень образованный человѣкъ, славянофилъ, былъ пріятель Самариныхъ, князя Черкасскаго и Я. А. Соловьева. Благодаря этимъ связямъ Николай Дмитріевичъ при открытіи крестьянскихъ комиссій былъ назначенъ, несмотря на свою молодость и неопытность, товарищемъ предсѣдателя комиссіи, не побывавъ предварительно комиссаромъ. Рычковъ поспѣшилъ высказать мнѣ, что, исполняя долгъ службы и вѣжливости, онъ былъ уже у меня въ гостиницѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня. Первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня этимъ сослуживцемъ моимъ, было очень пріятное: я просидѣлъ у него около часу, сказалъ ему, что знаю его дѣятельность изъ его толковыхъ протоколовъ. Я попросилъ его придти на другой день, въ 10 часовъ утра въ канцелярію комиссіи, куда я пригласилъ уже Рагозина. Тамъ мы переговоримъ о дѣлѣ и условимся о дальнѣйшей нашей дѣятельности.

Вечеръ я провелъ у себя въ гостиницѣ, наединѣ, приводя въ порядокъ свои мысли, впечатлѣнія и готовясь приступить на другой день къ новой моей дѣятельности. Положеніе края и Калишской комиссіи въ этотъ періодъ было еще неопредѣленно.

Въ основаніе новаго устройства Царства Польскаго было положено освобожденіе крестьянъ, надѣленіе ихъ землей и устройство крестьянскаго самоуправленія. Такъ какъ гражданское управленіе было совершенно разстроено возстаніемъ, оно состояло все изъ поляковъ, которымъ правительство не могло довѣрить, то Высочайшіе Указы 19 февраля 1864 года объ устройствѣ крестьянъ обнародованы были чрезъ военныхъ начальниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго; сдѣлано было это очень быстро, отъ 23 февраля до половины марта 1864 года. Затѣмъ 14 марта 1864 года открытъ въ Варшавѣ Учредительный Комитетъ, на который между прочимъ возложено высшее завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ въ Польшѣ. Комитетъ занялся прежде всего образованіемъ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ комиссій, которымъ предстояла тяжелая и сложная обязанность устроить на мѣстахъ новый сельскій бытъ, обезпечить и укрѣпить поземельныя права крестьянъ, наконецъ упрочить на дѣлѣ общественное мірское управленіе, согласно съ новымъ законодательствомъ. Такое многосложное порученіе могло быть удовлетворительно исполнено лишь людьми,

глубоко и искренно сочувствовавшими предпринятой реформѣ. Несчастные опыты прежнихъ лѣтъ, когда самыя благодѣтельныя намѣренія русскаго правительства по крестьянскому дѣлу искажались въ Польшѣ исполнителями-поляками, проникнутыми самыми эгоистическими политическими видами, требовали, при настоящемъ ненормальномъ положеніи края, назначенія лицъ исключительно русскаго происхожденія.

Въ видахъ обезпеченія правильнаго и быстраго теченія дѣлъ, учреждено въ Варшавѣ 14 комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Каждая изъ этихъ комиссій имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи отъ 2 до 3 уѣздовъ и состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ, комиссаровъ, которые завѣдываютъ особыми участками. Во всѣ эти должности и поступили исключительно лица, прибывшія изъ Имперіи, частью бывшіе мировые посредники или гражданскіе чиновники, частью же офицеры изъ войскъ, расположенныхъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, извѣстные своею способностью и сочувствіемъ предстоящему дѣлу.

При открытіи своихъ дѣйствій, комиссія нашла, что, по обнародованіи Высочайшихъ Указовъ 19 февраля, крестьяне съ нетерпѣніемъ ожидали дѣйствительнаго ихъ исполненія на мѣстахъ. Въ послѣднее время они слышали столько обѣщаній, столько пышныхъ словъ, что недовѣріе къ новымъ обѣщаніямъ было побѣждено лишь тѣмъ, что Указы обнародованы были русскими военными властями. Крестьяне, передъ глазами которыхъ происходили всѣ событія повстанія, поняли очень хорошо, что для нихъ наступила пора возрожденія къ новой жизни, что смутныя обѣщанія повстанцевъ не имѣли никакой практической силы, и что улучшеніе своего быта они могутъ ожидать только отъ законнаго правительства. Если въ прежнее время, въ умахъ крестьянъ и были какія-нибудь колебанія или сомнѣнія, вслѣдствіе усиленныхъ происковъ шляхты, то они съ началомъ дѣйствій комиссій прекратились совершенно. Вслѣдъ за обнародованіемъ Высочайшихъ Указовъ 19 февраля военные начальники, а затѣмъ комиссары были завалены прошеніями. Крестьяне спѣшили заявить свои права, желая воспользоваться благопріятною минутою, такъ какъ горькій опытъ убѣдилъ ихъ, что если власть перейдетъ въ руки шляхты, то всѣ надежды на правосудіе опять исчезнутъ. Само собою разумѣется, что точныхъ понятій о Высочайшихъ Указахъ не было еще у крестьянъ. Ихъ не было, къ сожалѣнію, и между высшимъ классомъ общества. При неясномъ же по-

ниманіи указовъ, естественно, многіе изъ крестьянъ ожидали гораздо большаго, чѣмъ имъ предоставлялось новымъ закономъ. Нѣкоторые предполагали даже, что въ наказаніе за мятежъ всѣ земли будутъ отобраны отъ бушевавшей шляхты и розданы крестьянамъ.

По понятіямъ народа, сложившимся во время послѣднихъ смутъ, вслѣдствіе недобросовѣстной пропаганды самихъ польскихъ революціонеровъ, такія мѣры казались совершенно естественными и справедливыми. Вообще, крестьяне ожидали мѣръ порывистыхъ, имѣющихъ характеръ насилія, но не разсчитывали еще на постоянное, неуклонное, непоколебимое дѣйствіе закона въ защиту ихъ правъ. Многовѣковое безправіе не развило въ крестьянахъ надежды на пріобрѣтеніе правъ постоянныхъ, вѣчныхъ.

Крестьянскимъ комиссіямъ поручено было разъяснить крестьянамъ, что обезпеченіе ихъ правъ основано на правильномъ, постоянномъ дѣйствіи закона; что всѣ неправды, обиды относительно земельнаго устройства ихъ, нанесенныя имъ при прежнихъ шляхетскихъ порядкахъ, будутъ спокойно, правильно разобраны крестьянскими комиссіями. Затѣмъ, прежде всего, крестьянскія комиссіи должны были заняться устройствомъ крестьянскаго самоуправленія: распредѣленіемъ уѣздовъ на гмины (волости), выборомъ гминныхъ войтовъ (волостныхъ старшинъ), лавниковъ (судей), солтысовъ (сельскихъ старостъ). До сихъ поръ гмины были распредѣлены согласно удобствамъ и желаніямъ помѣщиковъ, составлялись большею часть изъ отдѣльныхъ имѣній; были гмины въ 50 и 60 дворовъ, рядомъ съ гминами въ 2.000 и 3.000 дворовъ; гминными войтами были сами помѣщики и повѣренные ихъ; въ гминахъ царствовалъ полный произволъ. Комиссарамъ пришлось не мало потрудиться, чтобы разъяснить крестьянамъ значеніе и громадную силу новыхъ политическихъ правъ, предоставленныхъ имъ передачею имъ права на выборъ гминнаго войта и всѣхъ гминныхъ властей, гминнаго суда. Можно было опасаться, что вся сила гминнаго устройства, которымъ обезпечивалась независимость крестьянъ отъ ненавистнаго имъ шляхетскаго вліянія, останется непонятою ими, и что народъ, для котораго насущныя, матеріальныя выгоды привлекательнѣе политическихъ правъ, отнесется равнодушно къ новымъ выборнымъ правамъ своимъ. Однако опасеніе это не оправдалось. Крестьяне польскіе, несмотря на продолжительное угнетеніе, или, лучше сказать, благодаря этому угнетенію, доведшему ихъ до крайней

степени раздраженія, ко всему что могло способствовать ихъ скорѣйшему освобожденію отъ шляхетскаго гнета, оказались очень чуткими. Они жадно внимали словамъ комиссіи, которая, разъѣзжая по селеніямъ, разъясняла крестьянамъ значеніе этой великой милости царской, безъ которой всѣ права ихъ были бы непрочны. Большинство крестьянъ, при первыхъ же выборахъ, показало, что умѣетъ цѣнить дарованное имъ право самоуправленія. По большей части гминные войты, избранные крестьянами изъ своего сословія, оказались дѣйствительно самые лучшіе по поведенію и самые толковые люди. На выборахъ прочихъ должностныхъ лицъ, крестьяне подавали свои голоса съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ и замѣчательнымъ тактомъ. Очень часто случалось, что лицо, избранное единогласно въ солтысы (сельскіе старосты), не получало ни одного голоса, когда его предлагали въ гминные войты.

По устройствѣ гминъ и производствѣ выбора гминныхъ должностныхъ лицъ, крестьянскія комиссіи занялись разборомъ жалобъ, поданныхъ крестьянами. Та часть польскаго населенія, которая не была заражена преступными мечтами польскаго возстанія, спѣшила заявить свои страданія, въ надеждѣ, что настала наконецъ благопріятная минута для отысканія справедливости.

До 20 мая 1846 года, крестьяне въ Царствѣ Польскомъ не имѣли никакихъ земельныхъ правъ. Все, что было сдѣлано до этого времени помѣщиками относительно земель и угодій, находившихся въ пользованіи крестьянъ, не можетъ подлежать обжалованію. Указъ, изданный Императоромъ Николаемъ I въ 1846 году, впервые положилъ предѣлъ произволу помѣщиковъ и опредѣлилъ поземельныя права крестьянъ. Указомъ этимъ воспрещалось произвольно лишать участковъ крестьянъ, имѣющихъ три и больше морга земли, а равно уменьшать эти участки, увеличивать лежащія на нихъ повинности, или отказывать крестьянамъ въ сервитутахъ, коими они пользовались до того времени. Всѣ эти поземельныя права крестьянъ были въ 1846 году внесены въ табели (престаціонныя). Между тѣмъ крестьяне безъ разбора жаловались, какъ на то, что произошло во время ихъ безправія, такъ на незаконныя измѣненія ихъ быта, происшедшія послѣ 1846 года.

При повѣркѣ крестьянскими комиссіями жалобъ крестьянъ, весьма важнымъ пособіемъ служили престаціонныя жалобы 1846 года и дополнительныя къ нимъ жалобы 1861 года. Первыя были составлены тотчасъ послѣ изданія указа 1846 года и

должны были заключать въ себѣ полныя и безошибочныя свѣдѣнія о крестьянскихъ надѣлахъ, угодіяхъ и повинностяхъ, какіе существовали въ 1846 году; дополнительныя же табели объясняли, въ какомъ положеніи находились крестьянскіе надѣлы въ 1861 году, при изданіи указа объ окупѣ (переходѣ съ барщины на оброкъ). Одно простое сравненіе двухъ этихъ табелей нерѣдко раскрывало комиссіи многія злоупотребленія и нарушенія указа 1846 года. Были примѣры, что цѣлыя деревни, записанныя въ престаціонныя табели въ 1846 году, уже не существовали, крестьяне прогнаны насильно со своихъ усадебъ, или сами покинули ихъ, вслѣдствіе непомѣрнаго возвышенія повинностей и разныхъ другихъ притѣсненій, строенія ихъ снесены, а мѣсто, гдѣ прежде была деревня, запахано и нерѣдко продано въ третьи и четвертыя руки. Но такъ какъ табели составлялись одними помѣщиками и утверждались высшими властями на основаніи одного лишь свидѣтельства гминнаго войта, званіе котораго носилъ самъ составитель табели, или его дворовый служитель, то весьма естественно, что онѣ весьма часто оказывались при повѣркѣ ихъ комиссіями неправильными. Въ Калишской комиссіи оказалась цѣлая многолюдная гмина, въ которой только шесть крестьянъ были записаны въ престаціонную табель, а остальные всѣ пропущены. Дополнительныя табели 1861 года составлялись съ неменьшими неправильностями. Во многихъ изъ этихъ табелей опустѣвшія крестьянскія усадьбы (пустки) показаны занятыми оффиціалистами, управляющими, наконецъ, самимъ помѣщикомъ и его родственниками. Комиссіи случилось открыть нѣсколько пустокъ, записанныхъ на имя *Бартоломея Шварца* (изобрѣтателя пороха), *Казиміра Перье* (французскаго министра), или же на имя разныхъ знаменитыхъ полководцевъ древняго и новаго міра.

Подобныя жалобы крестьянъ провѣряются очень внимательно крестьянской комиссіей. При разрѣшеніи жалобъ принимаются въ основаніе не самыя табели, а другія доказательства, какъ, напримѣръ: сознаніе помѣщика, показанія свидѣтелей, окольныхъ жителей. Составленное крестьянской комиссіей рѣшеніе представляется окончательно на усмотрѣніе Учредительнаго Комитета. Особенное затрудненіе представляетъ разсмотрѣніе жалобъ на обмѣнъ угодій. На основаніи указа 1846 года воспрещено было помѣщикамъ производить обмѣнъ земель безъ согласія крестьянъ; если же таковые производились по добровольному съ крестьянами соглашенію, то прави-

тельство требовало, чтобы соглашеніе облечено было въ письменную форму и подверглось предварительному разсмотрѣнію и утвержденію высшихъ властей. Безъ соблюденія этого условія, договоръ, хотя бы онъ былъ письменный и заключенъ нотаріальнымъ порядкомъ, считался недѣйствительнымъ. Мѣра эта была весьма предусмотрительной и оправдывалась особымъ положеніемъ крестьянъ. Хотя декретомъ Наполеона I крестьяне Царства еще въ 1807 году были признаны полноправными гражданами, но такъ какъ они подчинены были до сихъ поръ произволу патримоніальной юрисдикціи, и кромѣ того право поземельной собственности было для нихъ совершенно недоступно, то понятно, что полноправность ихъ была не что иное, какъ законодательная фикція. Помѣщикъ, какъ войтъ гминъ и какъ господинъ земли, на которой сидѣлъ крестьянинъ, могъ во всякое время исторгнуть у крестьянина какое угодно добровольное соглашеніе. Но законодательная фикція шла еще дальше: она открывала помѣщику полную возможность заключать съ крестьяниномъ даже формальные договоры, безъ какого-либо съ его стороны согласія и даже безъ его вѣдома. Гражданскимъ кодексомъ Царства Польскаго не требуется, чтобы безграмотные, при заключеніи договоровъ, прикладывали къ нимъ свои руки, или поручали за себя расписаться людямъ, которымъ они дѣйствительно довѣряютъ. Кодексъ считаетъ достаточнымъ, чтобы два полноправныхъ свидѣтеля скрѣпили договоръ и нотаріусъ утвердилъ его, засвидѣтельствовавъ, что одна изъ сторонъ не подписала его по безграмотству. На этомъ основаніи каждый польскій помѣщикъ, пользуясь своею матримоніальною властью и тѣмъ всеобщимъ заговоромъ противъ крестьянъ, который существовалъ до сихъ поръ между шляхтою, могъ безъ труда добыть себѣ актъ добровольнаго съ крестьянами соглашенія, не обращаясь для того къ самимъ крестьянамъ. Такія добровольныя соглашенія имѣли дѣйствительно огромное примѣненіе на практикѣ, но указъ 19 февраля 1864 года, къ счастью, не призналъ за ними никакого значенія, если они не утверждены законнымъ порядкомъ. Во время управленія гражданскою частью, маркизомъ Велепольскимъ въ 1862 году изданъ указъ о принудительномъ очиншеваніи; онъ допускалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеніе письменныхъ договоровъ домашнимъ порядкомъ, безъ всякаго особаго разсмотрѣнія и утвержденія оныхъ; нѣкоторые помѣщики поспѣшили употребить во зло оказанное имъ этимъ указомъ довѣріе, а вспыхнувшіе вслѣдъ затѣмъ безпорядки въ краѣ помѣшали этимъ

злоупотребленіямъ обнаружиться. Къ счастью, время, благопріятное для распространенія подобныхъ добровольныхъ соглашеній, продолжалось очень недолго. Указъ 19 февраля положилъ имъ конецъ; точно такія же притѣсненія, обманы и подлоги встрѣчала крестьянская комиссія при разборѣ жалобъ крестьянъ на отборъ сервитутовъ и просьбъ огородниковъ и другихъ малоземельныхъ крестьянъ. Учредительный Комитетъ требовалъ, чтобы всѣ эти жалобы разбирались крестьянскою комиссіею юридически, принципіально; чтобы отдѣльные выдающіеся случаи собирались въ одну общую массу, и на основаніи этихъ разборовъ Учредительный Комитетъ издавалъ руководящія правила для разрѣшенія ихъ.

Не было почти ни одного имѣнія, гдѣ крестьяне не жаловались на тяжесть повинностей, платимыхъ въ пользу помѣщиковъ, ксендзовъ, ихъ крайнюю неуравнительность и запутанность. Повсемѣстны были также жалобы крестьянъ, и особенно дворовыхъ служителей, на побои и тѣлесныя наказанія со стороны помѣщиковъ, управителей и арендаторовъ. До того времени законъ предоставлялъ каждому землевладѣльцу, домохозяину патримоніальную власть наказывать своихъ служителей не свыше 16 ударовъ розогъ. Такъ какъ съ уничтоженіемъ патримоніальной юрисдикціи судебно полицейское разбирательство проступковъ перешло къ выборнымъ гминнымъ властямъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено право помѣщиковъ чинить какія бы то ни было наказанія крестьянамъ.

Понятно, что такой открытый переходъ отъ полнаго безправія къ новому спокойному, твердому устройству ихъ не могъ не повліять благопріятно на польскихъ крестьянъ. Они встрѣчали всѣ дѣйствія и распоряженія крестьянской комиссіи съ необыкновеннымъ радушіемъ и восторгомъ, какъ явное доказательство, что Высочайшіе указы не остаются мертвою буквою, а примѣняются въ дѣйствительности. Повсюду крестьяне выражали благодарность Царю не только за благодѣтельные указы, но и за то, что они приводятся въ исполненіе русскими, а не польскими чиновниками. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ крестьянъ новая реформа получила особенное значеніе именно потому, что вводится не шляхтою. Калишская комиссія была поражена, что народъ названіе *поляковъ* примѣняетъ преимущественно къ повстанцамъ, бунтовщикамъ изъ шляхты, и вообще къ другимъ сословіямъ, но никогда къ крестьянамъ. И не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ всѣми чувствами своими народъ причисляетъ себя къ другой

(русской) націи, а не къ той, которая до сихъ поръ называла себя Польшею и систематически мучила, истязала ихъ крестьянъ.

Весьма понятно, что эта нація встрѣтила крестьянскую комиссію не съ тѣмъ чувствомъ радости, съ какимъ привѣтствовалъ ее народъ. Нельзя было ожидать, чтобы шляхта уступила свое исчезающее вліяніе безъ борьбы. Первое время крестьянской комиссіи приходилось бороться не только съ злонамѣренными слухами и клеветою, старавшимися ослабить ихъ вліяніе комиссіи на народъ и очернить ихъ законныя дѣйствія, но даже съ открытымъ неисполненіемъ Высочайшихъ Указовъ. Такъ, права малоземельныхъ крестьянъ почти повсемѣстно найдены нарушенными и послѣ обнародованія Указовъ; крестьяне жили до самаго прибытія Калишской комиссіи на мѣсто, продолжали отбывать барщину. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ чинши были взысканы съ крестьянъ еще въ апрѣлѣ 1864 года, въ другихъ отобраны сервитуты или строенія, обмѣнены земли, жилища. На вопросъ Калишской комиссіи: читали ли владѣльцы имѣній Высочайшіе Указы, и на какомъ основаніи нарушили ихъ? получились весьма оригинальные отвѣты. Иные отвѣчали, что не читали, потому что у нихъ глаза слабы; другіе — потому, что Указъ объявленъ народу, а не имъ, помѣщикамъ; газетъ же, гдѣ Указъ напечатанъ, они не выписываютъ. Нерѣдко также встрѣчалось противодѣйствіе со стороны судебной власти, мѣстныхъ чиновниковъ, адвокатовъ, трибунала, напримѣръ разрѣшать поземельные иски и отчуждать отъ крестьянъ земли, не обращая вниманія на Указы 19 февраля, какъ будто ихъ вовсе и не существовало; адвокаты пытались запугивать крестьянъ уголовными исками; полицейскіе судьи присуждали крестьянъ къ огромнымъ штрафамъ; лѣсные чиновники перестали продавать имъ топливо. Всѣ такіе случаи открытаго сопротивленія устранялись Учредительнымъ Комитетомъ и мѣстною военною властью, до свѣдѣнія которой Калишская комиссія тотчасъ доводила ихъ. Гораздо труднѣе представлялась борьба съ тѣмъ искреннимъ или притворнымъ непониманіемъ Указовъ, которое встрѣчалось на каждомъ шагу. Они оспаривали ясно выраженные законы и отнимали у комиссіи множество времени своими безцѣльными опроверженіями, протестами. Нѣкоторые, къ сожалѣнію, очень немногіе, помѣщики сразу стали въ правильное отношеніе къ реформѣ и безпрекословно подчинились указамъ. Это были самые предусмотрительные люди, которые давно указывали своимъ соплеменникамъ на не-

обходимость покончить съ крестьянскимъ вопросомъ, но голоса которыхъ заглушались болѣе своекорыстною шляхтою. Примѣру благоразумныхъ лицъ, мало-по-малу, волей и неволей, стали слѣдовать помѣщики съ практическимъ взглядомъ на вещи, разсчитавшіе, что гораздо выгоднѣе сразу покончить счеты съ крестьянами, пользуясь содѣйствіемъ комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, чѣмъ дожидаться принудительнаго разсчета. Но большинство все еще слѣдуетъ старымъ привычкамъ, продолжая оспаривать у крестьянъ каждое ихъ право и считая какъ бы священнымъ долгомъ обжаловать каждое рѣшеніе комиссаровъ и комиссіи, какъ бы очевидна ни была его законность. Приходится тратить часы на увѣреніе просителя, что жалоба его не имѣетъ никакого смысла, что самъ же онъ въ этой жалобѣ признаетъ, что комиссаръ поступалъ на точномъ основаніи статьи закона. „Я ничего не имѣю возразить противъ этого, продолжаетъ спорить проситель, дѣйствительно въ Указѣ есть статья, которую комиссаръ привелъ въ исполненіе; но есть другая статья, предоставляющая мнѣ право жаловаться на комиссара. Комиссаръ исполняетъ свою статью, а я держусь моей". Понятно, что подобные казуисты не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы какъ можно болѣе затруднить дѣйствія комиссіи, и распространять о ней самыя неблагопріятные слухи. Этотъ образъ дѣйствій извѣстной части польскаго населенія становится совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе стремленіе землевладѣльцевъ сохранить за собою неправильно захваченное, да сверхъ того досаду на потерянное безвозвратно матеріальное преобладаніе надъ другимъ сословіемъ, а равно надежду возвратить его при разсчетѣ на предполагаемое послабленіе правительства, и наконецъ политическое огорченіе по поводу неудавшагося возстанія. Труды Калишской крестьянской комиссіи были очень тяжки, особенно въ первое время.

Прибывъ въ незнакомый и враждебный край, Калишская комиссія открыла въ немъ свои дѣйствія среди не совсѣмъ еще прекращенныхъ безпорядковъ, когда революціонныя страсти, вслѣдствіе рѣшительныхъ ударовъ, нанесенныхъ мятежникамъ со всѣхъ сторонъ, находились въ крайне раздраженномъ состояніи, но вѣра въ могущество попавшаго въ руки полиціи *народнаго жонда* не успѣла погаснуть въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; еще издѣлія подземной печати, объявлявшія скорое изгнаніе москалей, продолжали ходить по рукамъ и раздувать кичливость легковѣрной шляхты, какъ уже комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, избранныя изъ чистыхъ москалей, разъѣзжали

по селамъ и торжественно провозглашали народу, что власть надъ нимъ шляхты окончилась безвозвратно, и что указы 19 февраля будутъ приведены въ исполненіе во что бы то ни стало. Легко представить себѣ силу ненависти, съ какою встрѣтила комиссію одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, и весь объемъ надеждъ, возбужденныхъ ею въ другой. При такихъ условіяхъ пришлось Калишской комиссіи вступить въ новый для нея, невообразимо сложный міръ поземельныхъ отношеній, запутанныхъ многосторонними, застарѣлыми злоупотребленіями.

Разбирая эти жалобы, Калишская комиссія должна была все время собирать по нимъ необходимыя данныя, внимательно изучать мѣстные обычаи и порядки, мѣстный говоръ крестьянъ и тяжелый языкъ польскихъ оффиціальныхъ документовъ, разъяснять крестьянамъ ихъ дѣйствительныя права, сдерживать ихъ преувеличенныя надежды, предпринимать быстрыя и рѣшительныя мѣры къ точному исполненію указовъ. Крестьянскія громады провожали комиссію отъ одной деревни до другой, не давая ей покоя ни днемъ, ни ночью, умоляя поскорѣе выдать имъ *децизію* (рѣшеніе) на ихъ просьбу. При этомъ члены Комиссіи подвергались всѣмъ неудобствамъ и лишеніямъ кочевой жизни. Останавливаться на фольваркахъ они не могли, какъ потому, что не желали пользоваться гостепріимствомъ сословія, изъ котораго столь многія лица, еще такъ недавно, открыто извергали всевозможныя хулы на русскихъ, такъ и потому, что при чрезвычайно натянутыхъ отношеніяхъ, понятныхъ только въ Польшѣ, крестьяне тотчасъ потеряли бы довѣріе къ новымъ правительственнымъ агентамъ, если бы замѣтили ихъ сближеніе съ крамольной шляхтою.

Останавливаясь по большей части въ корчмахъ, гминныхъ канцеляріяхъ и, въ крайнемъ случаѣ, у ксендзовъ, члены Калишской комиссіи всегда разбирали жалобы на открытомъ воздухѣ, въ присутствіи всей крестьянской громады, и когда уходили въ комнату для взаимныхъ совѣщаній и написанія рѣшенія, вынуждены были ставить у дверей часовыхъ, чтобы никого не пускать туда. Безъ этой предосторожности многіе помѣщики, хорошо зная, до какой степени всякое интимное отношеніе къ членамъ комиссіи можетъ возбудить подозрѣніе крестьянъ, нарочно, въ виду ихъ, входили безъ приглашенія въ комнату, гдѣ помѣщались члены комиссіи. Въ другихъ случаяхъ они заговаривали съ ними на французскомъ языкѣ; во время самого разбора жалобы расточали любезности, приглашали къ себѣ, или, наконецъ, въ той самой корчмѣ, подлѣ которой соби-

рались крестьяне въ ожиданіи пріѣзда комиссіи, приготовляли для членовъ комиссіи завтраки, шампанское. Надо было защищаться отъ такихъ назойливыхъ любезностей, не оскорбляя однако общихъ правилъ вѣжливости.

Надо при этомъ вспомнить, что за исключеніемъ военной власти, оказывавшей комиссіи полное вниманіе и содѣйствіе, она встрѣчала безпрерывно явное и тайное противодѣйствіе; если ко всему этому присовокупить массу клеветы, неизбѣжно сопутствующей каждому русскому дѣятелю въ Польшѣ, той закоренѣлой, фанатической клеветы, которою повидимому былъ наполненъ тамъ самый воздухъ; словомъ, если дѣятелямъ въ этомъ краѣ вспомнить жизнь, полную непрерывнаго труда, замкнутую въ небольшой кружокъ сослуживцевъ, обязанныхъ быть взыскательными къ самимъ себѣ и другъ къ другу-то нельзя не согласиться, что жизнь членовъ Калишской комиссіи была трудовая, требовала много выдержки, характера.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною при Центральной Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я узналъ все это изъ устныхъ докладовъ, производимыхъ тамъ въ моемъ присутствіи пріѣзжими предсѣдателями крестьянскихъ комиссій, изъ просматриваемыхъ мною документовъ и изъ частныхъ разговоровъ съ членами разныхъ крестьянскихъ комиссій. Теперь пришлось мнѣ испытать всѣ эти трудности на себѣ лично.

На другой день, въ условленное время, мы собрались въ канцеляріи Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, и я оффиціально вступилъ въ должность предсѣдателя ея. Присутствовали я, Рагозинъ, Рычковъ. Я объяснилъ двумъ моимъ товарищамъ, что, разсматривая полтора мѣсяца представленныя изъ Калишской комиссіи ликвидаціонныя табели, я освоился съ ходомъ дѣла въ этой комиссіи; отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ трудолюбію, любви къ дѣлу членовъ комиссіи. Въ Центральной комиссіи было однако не утверждено и возвращено въ Калишскую комиссію значительное число ликвидаціонныхъ табелей, по разнымъ, въ сущности незначительнымъ причинамъ: неясности изложенія нѣкоторыхъ протоколовъ, черезчуръ явнаго стремленія комиссіи рѣшать сомнительные споры въ пользу крестьянъ; только нѣсколько табелей возвращены по недостаточному разслѣдованію дѣла комиссарами. Я предложилъ начать нашу работу съ разсмотрѣнія этихъ возвращенныхъ табелей. Какъ на грѣхъ, первая ликвидаціонная табель, за которую мы взялись, была именно съ краснорѣчивымъ, но очень безтолковымъ протоколомъ Рагозина. Самолюбіе его было

задѣто за живое; онъ кипятился, доказывалъ ясность изложенія. Я высказалъ ему, что съ высшей инстанціей спорить неудобно, и заставить ее признать яснымъ то, что десять членовъ ея признали плохо изложеннымъ, невозможно, а надо изложить дѣло иначе. Рагозинъ разобидѣлся, сказалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ производить эту работу второй разъ изъ-за капризовъ членовъ Центральной комиссіи. Видя, что онъ уперся, и его не переубѣдишь, я отложилъ табель и сказалъ: изъ настоящей бесѣды нашей и разъясненій Н. П. Рагозина я понялъ теперь суть дѣла и прошу выслушать докладъ мой объ этомъ, чтобы убѣдиться, правильно ли понялъ я дѣло. Они признали изложеніе мое вѣрнымъ; тогда я сказалъ, что къ завтрашнему засѣданію нашему я изложу его письменно. Если члены согласятся съ изложеніемъ моимъ, мы подпишемъ протоколъ и пошлемъ его на заключеніе Центральной комиссіи; по моему убѣжденію, дѣло не требуетъ никакого дополнительнаго разслѣдованія. Мы перешли къ разсмотрѣнію прочихъ возвращенныхъ ликвидаціонныхъ табелей; я конечно выбиралъ такія, гдѣ не было протоколовъ Рагозина, чтобы не раздражать его еще больше.

При разсмотрѣніи ликвидаціонной табели, въ которой Центральная комиссія признала неправильную натяжку въ пользу крестьянъ, Рагозинъ опять заспорилъ. Рычковъ заявилъ, что хотя онъ подписалъ протоколъ разсмотрѣнія этой ликвидаціонной табели, но какъ скоро Центральная комиссія признала рѣшеніе Калишской комиссіи неправильнымъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ не подчиняться постановленію высшей инстанціи, и подчиняется ея указаніямъ. Я поручилъ ему собрать необходимыя справки и составить къ слѣдующему засѣданію нашему новый докладъ, если въ канцеляріи комиссіи есть достаточно данныхъ для новаго разрѣшенія дѣла; въ противномъ случаѣ, направить дѣло къ комиссару для дополнительнаго разслѣдованія. Нѣсколько такихъ ликвидаціонныхъ табелей я передалъ Рагозину, для подобнаго же направленія ихъ. Я объяснилъ ему, что свое личное несогласіе съ мнѣніемъ большинства онъ можетъ оговорить въ протоколѣ, но отказаться отъ исполненія поручаемой ему работы онъ не имѣетъ права.

Подчиняясь этому моему требованію, онъ заявилъ, что до сихъ поръ въ Калишской комиссіи дѣла рѣшались въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ комиссіи, то-есть при полномъ собраніи всѣхъ комиссаровъ, а потому удобно ли рѣшать дѣла завтра въ отсутствіи комиссаровъ. Я разъяснилъ ему, что Центральная комиссія обратила вниманіе на это и въ лицѣ М. П. Гор-

лова поручила мнѣ разъяснить членамъ Калишской комиссіи, что это расточительная трата силъ и времени комиссаровъ. Подобныя общія засѣданія полезны и даже необходимы для обсужденія какихъ-либо общихъ затруднительныхъ вопросовъ, а не для разсмотрѣнія каждой провѣренной ликвидаціонной табели. Членъ, завѣдывающій дѣлами Учредительнаго Комитета, Я. А. Соловьевъ, поручилъ мнѣ вызывать по очереди, для присутствованія въ засѣданіяхъ Калишской комиссіи, по одному комиссару, и избѣгать сбора всѣхъ комиссаровъ; это отвлекаетъ ихъ отъ прямого ихъ дѣла, занятій въ предѣлахъ ихъ участковъ. Мы тутъ же распредѣлили засѣданія Калишской комиссіи на двѣ недѣли впередъ, и я назначилъ, кому изъ комиссаровъ засѣдать въ каждомъ изъ этихъ засѣданій, и имъ послали повѣстки о томъ. На первое засѣданіе, на слѣдующій день, былъ вызванъ комиссаръ I участка, жившій въ Калишѣ, князь Николай Николаевичъ Голицынъ.

Прямо изъ засѣданія я пошелъ познакомиться съ княземъ Голицынымъ. Рычковъ объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ одномъ домѣ съ нимъ, и мы пошли туда вдвоемъ. Князь Н. Н. Голицынъ былъ очень умный и оригинальный человѣкъ. Я зналъ его старшаго брата музыканта, который въ то время завелъ хоръ пѣвцовъ по образцу Славянскаго. Я слышалъ этотъ хоръ въ Москвѣ, въ Павловскѣ, и тамъ познакомился съ этимъ талантливымъ музыкантомъ; онъ самъ дирижировалъ хоромъ на концертахъ. Князь Николай Николаевичъ обладалъ не меньшими способностями, но направилъ свой умъ и дѣятельность на другой путь. Онъ былъ литераторъ, гдѣ-то что-то писалъ; онъ не посвятилъ себя однако же вполнѣ литературѣ, а какъ курскій помѣщикъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій у курскаго губернатора Депа, былъ кандидатомъ мирового посредника, исполнялъ должность мирового посредника; ему было лѣтъ тридцать. Наградивъ его умомъ, талантами, природа обидѣла его физически: отъ болѣзни одна нога его была обезображена, онъ ходилъ на костыляхъ; а костыли изуродовали весь станъ его. Лицо у него было некрасивое, но умное, пріятное. Человѣкъ онъ былъ небогатый, но баринъ въ душѣ.

Съ нимъ и съ Рычковымъ у меня оказалось много точекъ соприкосновенія; оба помѣщики, изъ образованнаго круга, оба любители литературы, много читали; нашлись общіе знакомые. Живя въ одномъ домѣ, рядомъ, они вели общее хозяйство; они пригласили меня отобѣдать съ ними. Мы разговорились, дошли конечно до дѣлъ комиссіи, и я узналъ у нихъ о существованіи

въ Калишской комиссіи двухъ партій, консервативной и либеральной. Рычковъ, князь Голицынъ были членами консервативной партіи; Рутценъ, Рагозинъ и за ними большинство комиссаровъ были либералы. Вся сущность либерализма ихъ была очень наивная, односторонняя и состояла: въ рѣшеніи каждаго спорнаго дѣла между помѣщиками и крестьянами, во что бы то ни стало, въ пользу крестьянъ, а въ спорѣ поляка съ русскимъ полякъ долженъ быть всегда виноватъ. Всѣ эти добродушные люди были ярыми монархистами, безусловными вѣрноподданными, добрыми христіанами, всѣ православные, ненавистники католицизма. Въ числѣ ихъ было три нѣмца: Фрейлебенъ, баронъ Розенъ и Грюнеръ, но и эти признавали себя вполнѣ русскими. Либеральное направленіе шло исключительно отъ Рутцена; своимъ умомъ, образованіемъ, опытностью и сильнымъ характеромъ онъ подчинилъ себѣ всю молодежь и старика Грюнера, и тѣ повторяли слѣпо, слово въ слово, его вѣрованіе. Остались самостоятельными Рычковъ, князь Голицынъ, Фрейлебенъ. Рычковъ и князь Голицынъ увѣряли меня, что всегда спорили съ Рутценомъ, указывали въ засѣданіяхъ ошибки Калишской комиссіи, теперь указанныя ей и Центральной комиссіей, но не протестовали оффиціально, не подавали отдѣльныхъ мнѣній, изъ духа товарищества.

Вечеромъ, дома, я занялся передѣлкой Рагозинскаго протокола; сократилъ его, упростилъ и написалъ на двухъ страницахъ, что онъ растянулъ на пять страницъ. На другой день, въ засѣданіи, я прочиталъ написанное мною. Добродушный, честный Рогозинъ призналъ, что такъ дѣйствительно лучше; всѣ четверо присутствовавшихъ подписали его, и дѣло кончилось. Нѣсколько ликвидаціонныхъ табелей послали комиссарамъ для подготовительнаго разслѣдованія; большинство же удалось исправить въ комиссіи. Покончивъ съ ними, мы разобрали остальныя возвращенныя изъ центральной комиссіи ликвидаціонныя табели; Рагозинскіе протоколы передѣлывать я взялъ на себя.

На слѣдующія засѣданія постепенно являлись все новые комиссары, и я познакомился такимъ образомъ со всѣми ими. Пожилыхъ было два—Фрейлебенъ и Грюнеръ; остальные всѣ были молодые люди, отъ 25 до 30 лѣтъ. Всѣхъ комиссаровъ въ Калишской комиссіи было десять; пятеро были офицеры, пятеро гражданскіе чиновники. Калишская комиссія была самая большая изъ всѣхъ крестьянскихъ комиссій въ Царствѣ; больше ея была только Августовская комиссія, въ которой было 12

участковъ. Ознакомившись съ комиссарами, я пришелъ къ отрадному убѣжденію, что въ числѣ ихъ есть нѣсколько человѣкъ съ выдающимися способностями, что всѣ они честные, благородные люди, работаютъ усердно, любятъ свое дѣло, преданы ему всею душою. Ошибки ихъ происходили отъ избытка усердія, отъ того, что они не вѣрно понимали, въ чемъ именно должна выражаться ихъ защита интересовъ крестьянъ. Я объяснилъ имъ, что Учредительный Комитетъ, руководящій всѣмъ дѣломъ переустройства Царства Польскаго, поставилъ основнымъ правиломъ дѣятельности крестьянскихъ комиссій полную, постоянную законность дѣйствій. Наказаніе мятежныхъ повстанцевъ, всей враждебно настроенной къ правительству и русскимъ людямъ шляхты, Учредительный Комитетъ предоставилъ администраціи, военнымъ властямъ, суду. Крестьянскія учрежденія — центральная по крестьянскимъ дѣламъ комиссія, мѣстныя крестьянскія комиссіи не касаются политической благонадежности лицъ, дѣла которыхъ онѣ разбираютъ, а только опредѣляютъ гражданскія, имущественныя дѣла тѣхъ лицъ. Уголовные, политическіе поступки ихъ не подлежатъ вѣдѣнію комиссаровъ, помѣщикъ можетъ быть повстанецъ, уголовный преступникъ, но когда разсматривается жалоба крестьянъ, что онъ занялъ ихъ пустку, лишилъ ихъ сервитута, и жалоба эта оказывается неосновательной, комиссаръ обязанъ отказать крестьянамъ въ искѣ ихъ и оставить этому повстанцу, уголовному преступнику оспариваемую у него землю, сервитутъ. На первый взглядъ такой образъ дѣйствій показался членамъ Калишской комиссіи не патріотичнымъ, несправедливымъ; они видѣли въ этомъ поддержку полонизма, безнаказанность революціонныхъ дѣйствій; но, вдумываясь въ сущность дѣла, они мало-по-малу, одинъ за другимъ, сознали правильность этого основного правила и подчинились ему.

Черезъ мѣсяцъ, по распоряженію Я. А. Соловьева, данному мнѣ при отправкѣ моей въ Калишъ, я донесъ о положеніи дѣла въ Калишской комиссіи. Я написалъ ему, что весь личный составъ комиссіи прекрасный, что споры и рознь между членами комиссіи, замѣченныя Центральною комиссіей, происходили не отъ личныхъ столкновеній, а отъ излишняго увлеченія дѣломъ нѣкоторыхъ членовъ. Я разъяснилъ имъ ошибочность ихъ увлеченій, они сознали ее, и я буду наблюдать, чтобы этой розни не было. Соловьевъ остался очень доволенъ моимъ донесеніемъ и выразилъ полное одобреніе моему образу дѣйствій.

Обращая главное вниманіе на правильное направленіе дѣлъ въ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, я въ свободные часы, мало-по-малу, устроилъ и свою частную жизнь. Шляхетство признало однимъ изъ средствъ насолить русскимъ людямъ, чиновникамъ, отравить имъ жизнь въ Польшѣ, отѣсняя ихъ во всемъ нужномъ для существованія, для удобства. Народовый жондъ запретилъ отдавать въ наймы квартиры русскимъ чиновникамъ. Въ первые дни существованія Калишской комиссіи это распоряженіе революціоннаго подпольнаго правительства дѣйствительно поставило членовъ комиссіи въ очень затруднительное положеніе. Военные начальники, всегда во всемъ поддерживавшіе, сдѣлали тотчасъ распоряженіе объ отводѣ членамъ крестьянской комиссіи квартиръ постоемъ. По требованію моему, магистратъ города Калиша отвелъ мнѣ прекрасную квартиру. Я купилъ у нѣмца столяра необходимую мебель и переѣхалъ изъ гостиницы Пешке въ свою квартиру. Прислугу, лакея, я привезъ изъ Смоленской губерніи, кухарку мнѣ нашли нѣмку, очень хорошую женщину; близость Прусской границы дѣлала возможнымъ подборъ прислуги изъ нѣмцевъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Калишъ, я сдѣлалъ визиты лицамъ, занимавшимъ высшіе служебные посты. Начальства въ Калишѣ у меня не было никого, и я навѣстилъ ихъ какъ равный. Такихъ лицъ въ Калишѣ было двое: начальникъ пѣхотной дивизіи, расположенной въ Калишѣ, генералъ-лейтенантъ Бельгардъ (онъ исполнялъ одновременно должность военнаго начальника этой мѣстности), и полковникъ генеральнаго штаба князь Щербатовъ, который былъ гражданскимъ начальникомъ этой мѣстности. Съ генераломъ Бельгардомъ я не былъ знакомъ, но прекрасно зналъ его по гвардіи, гдѣ онъ командовалъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіей, это былъ боевой генералъ, кавказецъ.

Офицеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, онъ въ молодыхъ лѣтахъ, по своей охотѣ, поѣхалъ на службу на Кавказъ и провелъ тамъ полжизни въ боевой Кавказской обстановкѣ. Въ 1855 году, на Дунаѣ, онъ командовалъ кажется бригадой, отличился съ этой бригадой въ отчаянной битвѣ съ турками, задержалъ переправу ихъ черезъ Дунай при Четати; получилъ гвардейскую дивизію, но командовалъ ею не долго. Кажется, у него вышло столкновеніе съ шефомъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и онъ, разобиженный, вышелъ въ отставку. Служа тогда въ гвардіи, я зналъ эту исторію; гвардія оправдывала

Бельгарда. Отставной генералъ, онъ поселился въ Петербургѣ, гдѣ у него былъ собственный домъ; какъ богатый человѣкъ, появлялся вездѣ и держалъ себя гордо. Когда въ Польшѣ разгорѣлось повстанье, туда двинули войска, Бельгардъ предложилъ свои услуги. Какъ опытнаго, боевого генерала, его конечно тотчасъ приняли, дали ему дивизію и послали въ Калишъ. Зная все это, я очень охотно пошелъ представиться Карлу Александровичу. Я высказалъ ему, что знаю его прошлое, уважаю его; онъ принялъ меня очень радушно; познакомилъ съ своею семьею, и у насъ завязались дружескія отношенія.

Князя Александра Петровича Щербатова я зналъ съ производства его въ гвардію офицеромъ. Когда, окончивъ курсъ Военной Академіи, онъ поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ, я часто сталкивался съ нимъ и въ обществѣ, и по службѣ. Это былъ свѣтскій человѣкъ, образованный, веселый, душа общества. Когда князь Александръ Петровичъ появлялся въ гостиной, бесѣда оживлялась, онъ овладѣвалъ разговоромъ, дамы любили слушать его острыя, часто колкія шутки. Мы встрѣтились въ Калишѣ какъ старые знакомые. Онъ недавно женился на М. Н. Деревицкой, очень красивой, образованной дѣвицѣ. У нея была оригинальная особенность: замѣчательно высокій для женщины ростъ; кажется, около 2 аршинъ 11 вершковъ. Къ счастью, она была прекрасно сложена, худощавая, съ маленькой очень красивой головкой, маленькими руками и ногами; это скрывало величину ея роста и всѣ любовались ею. Князь познакомилъ меня со своею женою; тутъ образовался для меня второй дружескій, семейный домъ.

Въ Калишѣ стояли пѣхотный Шлиссельбургскій полкъ и пѣшая артиллерійская батарея. Командиры полка и батареи не подходили къ моимъ понятіямъ и вкусамъ, и у насъ не завязалось ничего, кромѣ полуоффиціальныхъ отношеній. Этими людьми и ограничивался въ ту минуту весь составъ русскаго населенія города. К. Л. Бельгардъ, князь А. П. Щербатовъ, Рагозинъ, Рычковъ, князь Голицынъ составляли кружокъ, въ которомъ я прожилъ много лѣтъ, все время моей службы въ Калишѣ.

Калишъ былъ тогда уѣздный городъ Варшавской губерніи. Онъ расположенъ въ двухъ верстахъ отъ Прусской границы; это самая западная точка Русской Имперіи, врѣзавшаяся въ Пруссію. Черезъ городъ протекаетъ рѣка Просна; она не широка, но многоводна и быстра. Отъ Варшавы до Калиша идетъ прекрасное, старинное шоссе. Городъ этотъ не большой; въ немъ тогда было около 15.000 жителей, исключительно поляковъ; были

евреи, но не много; поляки держали ихъ въ черномъ тѣлѣ; нѣмцевъ, несмотря на близость границы Германіи, было очень мало. Городокъ былъ чистенькій, весь застроенъ каменными домами, большею частью двухъ-этажными, торговли, промышленности не было; были только магазины для удовлетворенія неприхотливыхъ потребностей мѣстныхъ жителей. Фабрика была одна, суконная, Репгана. Дѣла этой фабрики были сильно подорваны повстаніемъ, и она почти бездѣйствовала. Въ городѣ было нѣсколько католическихъ монастырей и костеловъ. Большая часть монастырей была закрыта за участіе въ повстаніи, зданія ихъ конфискованы и заняты войсками; остались сохранными, кажется, только два мужскихъ монастыря. Самое большое и красивое зданіе былъ дворецъ. Въ немъ помѣщалась нѣкогда іезуитская коллегія; при изгнаніи іезуитовъ, зданіе это было конфисковано; въ немъ помѣстили школу военныхъ подпрапорщиковъ польскихъ войскъ. Школа эта участвовала въ революціи 1830 года, была закрыта. Часть занятаго школою зданія была обращена въ казармы для русскихъ войскъ, занявшихъ Калишъ; другая часть зданія, болѣе красивая и нарядная, отдѣлана для пріѣзда Императора Александра I. Здѣсь онъ принималъ прусскаго короля во время знаменитыхъ маневровъ въ окрестностяхъ Калиша. Въ воспоминаніе этихъ маневровъ, передъ дворцомъ воздвигнутъ памятникъ, въ видѣ высокой четырехгранной пирамиды. Въ 1866 году два верхніе этажа дворца пустовали; низшій этажъ занятъ былъ казначействомъ. Въ память императора Наполеона I, очень красивая тѣнистая аллея, устроенная въ городѣ, названа Жозефинскою, какъ называлась первая супруга Наполеона. Украшеніемъ Калиша былъ прелестный паркъ, расположенный подлѣ самаго дворца, на берегу рѣки.

Онъ заросъ старинными громадными деревьями; аллеи его состояли изъ столѣтнихъ тополей, и развѣсистыхъ березъ. Въ паркѣ была кондитерская, около которой, по вечерамъ, собирались гуляющіе. Въ городѣ не было театра, клуба, никакого общественнаго собранія. Какъ жили, развлекались при такихъ условіяхъ мѣстные жители—не знаю; но для русскихъ людей жизнь въ этомъ мертвомъ городѣ была тяжела. На улицахъ движеніе было слабое; извозчиковъ вовсе не было; кто и куда могъ тутъ ѣхать? разстоянія были такъ малы, что всѣ передвиженія дѣлались пѣшкомъ. Городъ былъ, однако, вымощенъ и улицы содержались чисто.

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ, мы, русскіе, усердно занимались дѣломъ. Наше общество, Калишская ко-

миссія по крестьянскимъ дѣламъ, оживлялось 20-го числа каждаго мѣсяца, когда комиссары пріѣзжали въ Калишъ получить жалованье. Они уговаривались обыкновенно съѣзжаться туда одновременно, чтобы повидаться и немного оживиться въ товарищескомъ кружкѣ.

Мои отношенія къ нимъ сдѣлались очень быстро дружескими, товарищескими. Они поняли, что я люблю крестьянское дѣло, даже больше ихъ, знаю его основательно, берегу его, не стѣсняю ихъ ни въ чемъ, требую только то, что требуютъ законъ, Центральная комиссія.

Для разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ, или такихъ, которые комиссаръ затруднялся рѣшить единолично, посылались на мѣсто отдѣленія крестьянской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комиссіи, или его товарища. Я сдѣлалъ нѣсколько такихъ поѣздокъ, чтобы ознакомиться съ мѣстными понятіями и обычаями; но большею частью, поручалъ эти поѣздки моимъ товарищамъ. Они любили эти поѣздки, какъ развлеченіе въ однообразной жизни ихъ, какъ отвлеченіе отъ занятій въ канцеляріи комиссіи. А я считалъ, что мое присутствіе полезнѣе въ Калишѣ, гдѣ я внимательно провѣрялъ ликвидаціонныя табели, представленныя комиссарами, и разбиралъ всѣ жалобы, представляемыя на ихъ дѣйствія.

Эти жалобы были черною точкою, мученіемъ дѣятельности крестьянской комиссіи. Каждое дѣйствіе, каждое постановленіе комиссара или комиссіи систематически обжаловывалось помѣщиками, шляхтою; 9/10 этихъ жалобъ было неосновательно. Подавая ихъ, помѣщики очень хорошо сознавали это, но дѣлали, чтобы затруднить дѣйствія комиссіи, отнять у нея время, надоѣсть ей, сбить ее съ толку. Жалобы подавались письменно и словесно. Каждый день, около 11 часовъ утра, въ пріемной канцеляріи было нѣсколько такихъ жалобщиковъ. Большинство изъ нихъ могло прекрасно объясняться по-русски, но упорно говорили по-польски, чтобы затруднить меня. Я свободно говорилъ по-французски, по-нѣмецки, и спрашивалъ ихъ: не могутъ ли они объяснить свое дѣло на одномъ изъ этихъ языковъ. Очень рѣдко они соглашались на это, и если дѣлали это, то не изъ любезности, не изъ желанія помочь мнѣ, а изъ тщеславія, чтобы показать, что знаютъ не хуже меня эти языки. Но истинною язвою были жалобщицы—польскія дамы. Онѣ являлись съ полною увѣренностью ошеломить меня своею красотою, кокетствомъ. Если такая жалобщица была не молода, не красива, она являлась къ сопровожденіи какой-либо молодой, красивой

особы, которая, оставаясь въ роли статистки, молчала и должна была отвлекать мое вниманіе своею прелестью. Хотя я былъ молодъ, холостъ, козни этихъ дамъ оставались всегда непроизводительными; меня никогда не плѣняли польки; кокетство ихъ было мнѣ всегда непріятно.

Необходимость разбирать польскіе документы, представляемые при ликвидаціонныхъ табеляхъ и при разрѣшеніи разныхъ имущественныхъ споровъ, заставили меня изучать польскій языкъ. Я скоро настолько освоился съ нимъ, что свободно читалъ всѣ подаваемые мнѣ на польскомъ языкѣ прошенія, документы. Читалъ я все это не торопясь, справляясь иногда со словаремъ; но бѣглая разговорная рѣчь затрудняла меня. Я кое-какъ объяснялся съ крестьянами, благодаря тому, что они старались понять меня, помогали мнѣ. Въ сношеніяхъ же съ помѣщиками, особенно съ паннами, я возбудилъ недоумѣніе своихъ собесѣдницъ моими неудачными выраженіями, а иногда даже улыбки и смѣхъ. Чтобы избавиться отъ этого, я придумалъ слѣдующее: при Калишской комиссіи состоялъ молодой русскій чиновникъ, подготовлявшійся въ комиссары; по нашему русскому обычаю—кандидатъ мирового посредника (комиссара). Такіе чиновники были при всѣхъ крестьянскихъ комиссіяхъ, и ихъ почему-то прозвали *молодыми людьми*. Такого молодого человѣка, состоявшаго при Калишской комиссіи, благо онъ хорошо говорилъ по-польски, я возвелъ въ должность переводчика, при моихъ разговорахъ съ помѣщиками. Я поручалъ ему передавать жалобщикамъ-помѣщикамъ мой отвѣтъ, сказанный по-русски въ польскомъ переводѣ. Можно себѣ представить, какъ медлителенъ и затруднителенъ былъ такой способъ разговора. Молодой человѣкъ вѣдь тоже не Богъ знаетъ какъ говорилъ по-польски! На его ошибки поляки не улыбались, а сердились; а панны даже бранились, обижались. Я достигъ однако этимъ того, что польскіе разговоры сократились, чаще слышались русскія объясненія, или французскія и нѣмецкія.

Въ ноябрѣ я поѣхалъ въ Варшаву, для личнаго доклада Якову Александровичу Соловьеву о положеніи дѣла въ Калишской крестьянской комиссіи. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— Радуюсь, что не ошибся, ввѣривъ вамъ Калишскую комиссію. Особенно пріятно, что вы такъ спокойно, безъ войны и борьбы, сумѣли подчинить своему нравственному авторитету членовъ этой комиссіи, успокоили ихъ и придали правильное направленіе ихъ дѣятельности.

Ему особенно пріятно было, что я призналъ возможнымъ

оставить всѣхъ комиссаровъ на мѣстахъ, не требовалъ ни удаленія, ни перемѣщенія кого-либо изъ нихъ. Онъ очень интересовался моими отношеніями къ Рагозину и Рычкову. Онъ отозвался очень хорошо о Рычковѣ, но совѣтовалъ не давать ему *возноситься*: „Онъ способный человѣкъ, но слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ!“ Онъ высказалъ мнѣ, что Рагозинъ недолго останется въ Калишской комиссіи, выйдетъ въ отставку. Самолюбіе его, несомнѣнно, очень оскорблено тѣмъ, что Соловьевъ не назначилъ его предсѣдателемъ комиссіи. Рутценъ настойчиво ходатайствовалъ о назначеніи Рагозина предсѣдателемъ Калишской комиссіи; онъ, Соловьевъ, помня безтолковыя работы Рагозина, его промахи, недовѣрчиво отнесся къ похваламъ Рутцена, вызвалъ его въ Варшаву.

— Вы помните нашу бесѣду за столомъ. Я убѣдился, что это человѣкъ безхарактерный, безъ опредѣленныхъ мнѣній, поетъ подъ чужую дудку. Онъ шатается самъ; какъ можетъ онъ направить другихъ! Онъ никогда не будетъ предсѣдателемъ комиссіи! При случаѣ, разъясните ему это, отъ моего имени.

На мои похвалы князю Н. Н. Голицыну онъ отвѣтилъ:

— Да, онъ умный, способный человѣкъ, но лѣнтяй. Неужели онъ дѣйствительно работаетъ? и работы его основательны? Не хватаетъ ли онъ вершки? У него нѣтъ выдержки. Я знаю его по Курской губерніи. Мнѣ пришлось вникнуть тамъ въ одно его разслѣдованіе, порученное ему губернаторомъ Деномъ. Дѣло было серьезное; ничего онъ тамъ не понялъ, прозѣвалъ многое.

Разговоръ мой съ Горловымъ не касался личнаго состава, но онъ утѣшилъ меня извѣстіемъ, что всѣ исправленныя подъ личнымъ моимъ руководствомъ ликвидаціонныя табели, возвращенныя изъ Центральной комиссіи, теперь безспорно утверждены. Вновь представленныя ликвидаціонныя табели, просмотрѣнныя Калишской комиссіей подъ моимъ предсѣдательствомъ, проходятъ въ Центральной комиссіи гладко, всѣ утверждены. Центральная комиссія замѣтила, что теперь работы комиссаровъ Калишской комиссіи стали много основательнѣе; нѣтъ прежнихъ пристрастныхъ увлеченій.

Я провелъ въ Варшавѣ около недѣли; присутствовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Центральной комиссіи, много бесѣдовалъ съ членами, ободрился, укрѣпился духомъ и возвратился въ Калишъ съ хорошими вѣстями. Товарищи мои и всѣ комиссары были очень довольны, узнавъ, что работы ихъ заслужили полное одобреніе; возвращеніе ликвидаціонныхъ та-

белей въ былое время очень огорчало ихъ. Теперь они знали, какъ надо дѣйствовать съ полною увѣренностью, что работа ихъ не пропадетъ, что ихъ не заставятъ передѣлывать ее.

Калишская по крестьянскимъ дѣламъ комиссія въ 1867—1870 годахъ.

1867 годъ былъ роковой для бывшей автономіи Царства Польскаго. Декабря 19-го 1866 года Высочайшимъ Именнымъ Указомъ: „О новомъ устройствѣ губернскаго и уѣзднаго управленій въ Царствѣ Польскомъ“ все прежнее гражданское устройство Царства уничтожено, а 1-го января 1867 года введено новое. Въ замѣну существовавшихъ пяти губерній, учреждено десять новыхъ губерній, въ томъ числѣ Калишская, съ губернскимъ городомъ въ Калишѣ. Произведено было также новое дѣленіе уѣздовъ; Калишская губернія раздѣлена на 8 уѣздовъ. Всѣ чиновники прежняго гражданскаго управленія уволены; назначены новые, преимущественно русскіе; дѣлопроизводство въ новыхъ учрежденіяхъ опредѣлено вести на русскомъ языкѣ. Затѣмъ, въ теченіе 1867 года, упразднены Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, всѣ Правительственныя Комиссіи, вѣдомства эти подчинены соотвѣтственнымъ министерствамъ Имперіи. Царство Польское вполнѣ вошло въ составъ русской Имперіи, лишилось послѣднихъ слѣдовъ своей бывшей самостоятельности, обращено въ однородныя со всѣми другими, русскія губерніи, управляемыя по однимъ законамъ съ остальною имперіею.

Калишскимъ губернаторомъ былъ назначенъ князь А. П. Щербатовъ, вице-губернаторомъ Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ. Уѣздные начальники (исправники) опредѣлены исключительно русскіе, помощники ихъ, названные земскими начальниками, также русскіе; совѣтники Губернскаго Правленія наполовину русскіе; это допущено было въ виду незнакомства русскихъ чиновниковъ съ мѣстными законами и условіями жизни. Образовано было жандармское управленіе — конечно все изъ русскихъ людей.

1-го января 1867 года, послѣ обычной литургіи въ православной церкви, всѣ вновь назначенные чиновники, всѣ офицера расположенныхъ въ Калишѣ войскъ, всѣ русскіе гражданскіе чиновники, прежде водворенные на службу въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ числѣ крестьянская комиссія въ полномъ

составѣ, собрались въ большомъ залѣ дворца. Вновь назначенный губернаторъ князь Щербатовъ прочиталъ Высочайшій Указъ 19-го декабря 1866 года, Высочайшія распоряженія о вновь назначенныхъ властяхъ, и объявилъ Калишскую губернію открытою. Отслуженъ былъ въ залѣ благодарственный молебенъ, новый губернаторъ принялъ поздравленіе отъ всѣхъ насъ съ совершившимся благополучно крупнымъ событіемъ, съ новымъ его личнымъ назначеніемъ, съ новымъ годомъ, съ новою жизнью, наступившею для всего Царства Польскаго.

Образованіе новыхъ губерній отразилось и на устройствѣ комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Существовавшіе отдѣлы крестьянскихъ комиссій были преобразованы въ 10 комиссій, по числу губерній. Границы отдѣловъ крестьянскихъ комиссій были опредѣлены по границамъ новообразованныхъ губерній. Постановленіе Учредительнаго Комитета объ образованіи Калишской комиссіи въ новомъ составѣ состоялось 20 апрѣля 1867 г. Въ каждомъ изъ 8 уѣздовъ былъ назначенъ участковый комиссаръ; сверхъ того, въ виду обширности пространства и густого населенія Калишской губерніи, прибавлено крестьянской комиссіей еще два комиссара безъ участковъ, исключительно для ускоренія повѣрки ликвидаціонныхъ табелей. Въ личномъ составѣ Калишской комиссіи произошли при этомъ небольшія перемѣны. Отъ Калишской комиссіи отошелъ къ Петроковской комиссіи Ласскій уѣздъ, вошедшій въ составъ Петроковской губерніи. При этомъ переведенъ въ ту комиссію комиссаръ Стаховичъ, завѣдывавшій этимъ участкомъ, прекрасный дѣятель и товарищъ. Отъ Петроковской комиссіи сданъ былъ въ Калишскую Серадзскій уѣздъ, и переведенъ къ намъ комиссаръ, завѣдывавшій этимъ участкомъ. Варшавская комиссія передала намъ Ленчицкій уѣздъ и комиссара Стендерла. Передвиженія эти произошли очень быстро, спокойно, и нисколько не отразились на быстротѣ и правильности повѣрки ликвидаціонныхъ табелей. Въ теченіе 1867 года все вниманіе Калишской комиссіи было обращено на усиленную повѣрку ликвидаціонныхъ табелей, и она шла очень успѣшно.

Образованіе Калишской губерніи очень увеличило число русскихъ людей въ Калишѣ. Изъ новоприбывшихъ особенно обратилъ на себя общее вниманіе вице-губернаторъ Рыбниковъ. Это былъ образованный, мыслящій человѣкъ, литераторъ. Онъ происходилъ изъ богатой московской купеческой семьи; отецъ его, милліонеръ, былъ кажется оптовымъ чайнымъ торговцемъ. Павелъ Николаевичъ не пожелалъ идти по слѣдамъ своего

отца. Онъ, кажется, былъ въ Московскомъ университетѣ, убѣжденный славянофилъ. Женатъ былъ онъ на баронессѣ Штемпель; у него были двѣ малютки дочери, красавицы. Надо сказать, что самъ Павелъ Николаевичъ былъ очень красивый мужчина, русскаго типа, съ черными глазами. Не помню, какъ и за что онъ былъ удаленъ изъ Московскаго университета, сосланъ въ Олонецкую губернію. Время этой ссылки онъ употребилъ съ большою пользою: онъ сталъ изучать населеніе Олонецкой губерніи, былъ пораженъ чистотою тамошняго русскаго типа населенія. Дальность обороняла эти мѣста отъ нашествій татаръ, поляковъ. Онъ сталъ записывать народныя преданія, пѣсни и составилъ свой замѣчательный „Сборникъ русскихъ былинъ“. Этотъ Сборникъ обратилъ на Рыбникова вниманіе русскаго образованнаго общества. Вина, за которую онъ былъ высланъ въ Олонецкую губернію, была такъ невелика, что друзьямъ его, славянофиламъ, удалось выхлопотать ему разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Князь Черкасскій опредѣлилъ его къ себѣ на службу, въ Правительственную комиссію внутреннихъ дѣлъ и назначилъ вице-губернаторомъ въ Калишъ. Въ лицѣ Рыбникова нашъ небольшой русскій кружокъ получилъ блестящее приращеніе. Онъ сдѣлался очень быстро искреннимъ товарищемъ и пріятелемъ нашимъ.

Русское общество въ это время лишилось тоже нѣсколькихъ излюбленныхъ своихъ членовъ. Предсказаніе Соловьева, что Рагозинъ не долго останется на службѣ — оправдалось. Не прошла еще зима, какъ Николай Павловичъ, передъ началомъ служебныхъ занятій, пришелъ ко мнѣ въ кабинетъ и подалъ мнѣ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Меня это очень огорчило. Я не исполнилъ порученія Соловьева—объяснить Рагозину, что онъ не долженъ надѣяться на повышеніе по службѣ; но онъ очевидно самъ понялъ это, и намекъ этотъ сдѣланъ былъ ему черезъ другое лицо. Я понималъ чувства оскорбленнаго самолюбія Рагозина и ничѣмъ не могъ утѣшить его. Я полюбилъ этого честнаго, увлекающагося, черезчуръ правдиваго человѣка.

Онъ велъ себя, въ отношеніи меня, прекрасно; работалъ усердно! Когда онъ подалъ мнѣ прошеніе свое, я высказалъ ему это и просилъ не уходить. Мы разговорились откровенно. Онъ выразилъ мнѣ свое уваженіе, увѣрялъ, что уходитъ по домашнимъ соображеніямъ, отнюдь не вслѣдствіе какого-либо неудовольствія на меня. Прошеніе было послано въ Варшаву; очень скоро получена была отставка Рагозина.

На мѣсто Рагозина, товарищемъ моимъ былъ назначенъ Ламанскій, бывшій помощникъ предсѣдателя Бѣльской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. При переустройствѣ губерній, отдѣлъ этой комиссіи вошелъ въ составъ Сѣдлецкой губерніи. Бѣльская комиссія была присоединена къ Сѣдлецкой комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Предсѣдатель комиссіи, Синявскій, оставилъ службу въ Учредительномъ Комитетѣ, а товарищъ его Ламанскій, былъ назначенъ въ Калишъ. Я не зналъ Ламанскаго, но въ частномъ искреннемъ письмѣ, Синявскій далъ мнѣ о немъ самый лучшій отзывъ. А Синявскому я вѣрилъ. Онъ былъ мнѣ землякъ, смоленскій помѣщикъ; мы служили съ нимъ въ Смоленской губерніи, гдѣ онъ былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ онъ былъ членомъ Совѣщательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ. Приходъ опытнаго, серьезнаго Ламанскаго былъ пріятнымъ усиленіемъ для Калишской комиссіи. Ему было около 50 лѣтъ; онъ былъ старше всѣхъ насъ; но по пылкости, способности увлекаться, онъ былъ юноша, и его постоянно приходилось сдерживать. Это былъ типичный либералъ 1860 годовъ: благородный, честный. Мы всѣ очень скоро дружески сошлись съ нимъ.

Съ переустройствомъ губерніи, со введеніемъ въ ней новаго русскаго управленія, русская жизнь нахлынула къ намъ. Все шляхетское сопротивленіе потеряло почву, и проявленія его сдѣлались немыслимы. Жизнь русскихъ чиновниковъ вышла изъ осаднаго положенія, въ которомъ мы жили до того въ Польшѣ; стало легче на душѣ, веселѣе, охотнѣе работалось. Постепенныя преобразованія дошли до учебныхъ заведеній. Въ Калишѣ были: мужская и женская гимназіи; въ нихъ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ, директоръ мужской гимназіи и начальница женской были назначены русскіе. Въ теченіе зимы 1867—1868 годовъ составилось большое русское общество, и мы вышли изъ одиночества, въ которомъ жили до того времени, среди враждебнаго польскаго шляхетства.

22-го августа 1867 года было объявлено Высочайшее Повелѣніе объ отмѣнѣ комиссіями по крестьянскимъ дѣламъ незаконныхъ рѣшеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ. Распоряженіе это наложило на крестьянскія комиссіи новую, отвѣтственную обязанность; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно еще болѣе сблизило комиссіи съ народомъ, заставило ихъ вникать въ новыя стороны жизни его, изучать нравы, обычаи его. Обжа-

лованій рѣшеній гминнаго суда поступило очень много и они доставили Калишской комиссіи много труда.

Со всѣми этими преобразованіями Калишская губернія все болѣе и болѣе принимала видъ, обычаи и законы обыкновенной русской губерніи; настроеніе умовъ успокаивалось, слѣды бурнаго повстанія сглаживались; спокойствіе это было признано оффиціально.

Въ маѣ 1868 года фельдмаршалъ, намѣстникъ, графъ Бергъ объявилъ, что Государь Императоръ Александръ II, на обратномъ пути изъ-за границы, Франціи, предполагаетъ посѣтить Варшаву. Извѣстіе это взволновало всю Польшу. Мы, русскіе, радовались возможности увидѣть искренно любимаго нами Государя, народъ, крестьяне, видѣли въ пріѣздѣ Государя примиреніе съ Польшею: „что онъ признаетъ ее!" Шляхетство молчало; польская аристократія готовила депутацію.

Въ искреннемъ восторгѣ народа, крестьянъ, я былъ увѣренъ. Я былъ достаточно близокъ къ нему, чтобы убѣдиться въ томъ. Вскорѣ послѣ обнародованія извѣстія о пріѣздѣ Государя, я получилъ отъ Соловьева извѣстіе, что Государю угодно принять въ Варшавѣ по два гминныхъ войта отъ каждой губерніи. Онъ поручилъ мнѣ выбрать двухъ, достойныхъ изъ гминныхъ войтовъ Калишской губерніи и представить ему списки ихъ, для утвержденія выбора фельдмаршаломъ. Выборъ былъ затруднителенъ. Всѣ гминные войты умоляли дать имъ возможность видѣть Государя; большинство ихъ было достойно этой чести; всѣ комиссары настаивали на выборѣ войта гмины изъ ихъ участка. Выборъ мой остановился окончательно на войтѣ одной изъ гминъ Калишскаго уѣзда. Мнѣ назначено было прибыть съ выбранными войтами въ назначенный день въ Варшаву.

Варшава приняла праздничный видъ, разукрасилась.

Была середина лѣта, погода прелестная. На второй день по пріѣздѣ Государя въ Варшаву, всѣ предсѣдатели комиссій, съ войтами гминъ ихъ губерній, собраны были во дворѣ Бельведерскаго дворца. Представлять войтовъ гминъ должны были губернаторы и предсѣдатели крестьянскихъ комиссій. Собраніе этихъ гминныхъ войтовъ представляло замѣчательное зрѣлище и выказало, какъ разнообразенъ и разнохарактеренъ составъ населенія Царства Польскаго. Красотою своего типа, блестящимъ своимъ нарядомъ, выдавались мазуры. Бѣлые суконные кунтуши красиваго покрова, красныя конфедератки, гордыя лица ихъ, съ длинными черными усами были замѣчательно

красивы. Несчастнѣе, некрасивѣе всѣхъ, безпородистѣй, были, кажется, мои два войта. Одинъ изъ нихъ, кровный нѣмецъ, былъ въ черномъ фракѣ. Онъ постоянно ходилъ въ черномъ сюртукѣ, а для торжества надѣлъ свой фракъ, въ которомъ нѣкогда вѣнчался. Образцовый землевладѣлецъ, самъ съ сыновьями своими, вспахивавшій и обрабатывавшій свой земельный участокъ, онъ выбранъ былъ какъ замѣчательно дѣльный гминный войтъ; во время повстанья онъ выказалъ свое безстрашіе и преданность русскому правительству. Съ сыновьями своими, онъ преслѣдовалъ шайку повстанцевъ, явившихся въ его деревню. Другой гминный войтъ былъ полякъ, небольшого роста, въ сѣромъ крестьянскомъ нарядѣ; тоже чрезвычайно дѣльный и преданный правительству войтъ, но нарядности, щегольства, не было ни въ одномъ изъ нихъ; таково населеніе Калишской губерніи; оба войта могли говорить по-русски, слѣдовательно, могли понять слова Государя Императора и отвѣчать ему.

Часу во второмъ дня, Государь возвратился со смотра войскамъ и сталъ обходить гминныхъ войтовъ. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Бергъ и Яковъ Александровичъ Соловьевъ. Графъ Бергъ представлялъ Государю губернаторовъ и предсѣдателей комиссій; за разными объясненіями Государь обращался къ Соловьеву. Государь высказывалъ губернаторамъ и предсѣдателямъ по нѣсколько ласковыхъ словъ и предлагалъ одному изъ нихъ представить гминныхъ войтовъ. Когда Государь подошелъ къ Калишской губерніи, графъ Бергъ назвалъ ему князя Щербатова и меня. Князю Щербатову Государь сказалъ: „Старый знакомый!“ и протянулъ ему руку. На меня Государь внимательно взглянулъ и ласково произнесъ: „Изъ гвардіи“! Я отвѣчалъ: — Точно такъ, Ваше Императорское Величество. Офицеръ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, батареи Имени Вашего Императорскаго Величества. Государь сказалъ: „Помню! представь мнѣ гминныхъ войтовъ“!—Первымъ стоялъ нѣмецъ; я назвалъ его и добавилъ о заслугахъ его. Государь ласково поблагодарилъ его, но съ удивленіемъ спросилъ меня: „Но, отчего же онъ во фракѣ? Онъ земледѣлецъ, крестьянинъ?“—Я объяснилъ, что гмина его граничитъ съ Пруссіей, онъ колонистъ, землепашецъ, нравы нѣмецкіе. Другой гминный войтъ прошелъ незамѣтно. Государь еще разъ поблагодарилъ гминныхъ войтовъ, поручилъ имъ передать его поклонъ населенію ихъ гминъ и протянулъ имъ руку, которую они конечно благоговѣйно поцѣловали. Когда Государь обошелъ

всѣ группы гминныхъ войтовъ, онъ поручилъ Соловьеву попросить предсѣдателей комитетовъ подойти къ нему. Мы конечно поспѣшили приблизиться къ Государю. Онъ сказалъ, примѣрно, слѣдующее:

— Я знаю, господа, какой трудъ вы и комиссары исполнили, цѣню его и радъ возможности лично высказать вамъ это. Въ Парижѣ я видѣлъ ближайшаго вашего руководителя, Николая Алексѣевича Милютина. Я посѣтилъ его, чтобы утѣшить его и лично убѣдиться въ положеніи его здоровья. Къ сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что на поправленіе его и возвращеніе къ дѣятельности нѣтъ никакой надежды. Онъ очень слабъ, почти не владѣетъ своими членами, говоритъ съ трудомъ, параличъ во всей силѣ; но голова свѣжа! Просилъ меня передать вамъ его поклонъ. При этомъ Государь наклонилъ голову свою. „Я очень огорченъ этою потерею. Я лично, вся Россія, много теряемъ въ этомъ человѣкѣ".

Затѣмъ онъ вполголоса передалъ Соловьеву какія-то подробности о Милютинѣ, сказалъ намъ прощальное привѣтствіе и удалился во дворецъ. Это представленіе Русскому Государю произвело на крестьянъ очень благотворное, сильное впечатлѣніе. Государь вызвалъ къ себѣ ихъ несчастныхъ, униженныхъ панами хлоповъ. Государь лично говорилъ съ ними, они цѣловали его руку. Подъемъ духа былъ громадный, обезпечивалъ надолго невозможность какого-либо революціоннаго движенія со стороны шляхты.

Русское общество въ Варшавѣ просило Государя пожаловать къ нему въ Русское Собраніе на балъ. Государь Императоръ принялъ эту просьбу. Закипѣла работа! Громадное помѣщеніе Собранія въ недавно конфискованномъ домѣ графа Замойскаго, подаренное Государемъ Русскому Собранію, было изящно убрано, освѣщено. Русскіе люди съѣхались сюда ко дню бала со всѣхъ концовъ Польши; поляки отсутствовали. Не помню—приглашали ли ихъ; кажется, приглашали кого-то. На балу я видѣлъ только одного поляка маркиза Велепольскаго, который явился однако на балъ въ форменномъ вицъ-мундирномъ фракѣ, а не въ черномъ бальномъ фракѣ. Всѣ замѣтили это желаніе его показать, что онъ исполняетъ служебный долгъ, а не радостно встрѣчаетъ своего Государя. Говорятъ, что русскіе люди не постѣснялись высказать это; говорили, что онъ пассивно выслушалъ это и молча отошелъ на другой конецъ зала. Страсти въ эти минуты были очень взволнованы; за нѣсколько дней передъ тѣмъ, полякъ Березовскій сдѣлалъ

въ Парижѣ покушеніе на жизнь русскаго Императора. Пожалуй, что Велепольскому лучше было отмалчиваться, а польскимъ аристократамъ приличнѣе было не явиться въ Русское Собраніе. Дамъ въ Собраніи было однако очень много; все жены, сестры, дочери русскихъ служащихъ въ Польшѣ.

Государь пробылъ на балу около часу, все время разговаривалъ съ разными лицами, былъ милостивъ, веселъ.

Все лѣто 1868 года шла дѣятельная работа въ крестьянскихъ комиссіяхъ: спѣшили оканчивать повѣрку ликвидаціонныхъ табелей. Къ зимѣ осталось дѣйствительно очень немного непровѣренныхъ. Можно было съ увѣренностью сказать, что лѣтомъ 1869 года повѣрка ликвидаціонныхъ табелей будетъ совершенно окончена безъ особыхъ усилій. За то, въ центральной комиссіи и въ мѣстныхъ крестьянскихъ комиссіяхъ собралась такая масса непросмотрѣнныхъ ликвидаціонныхъ табелей, что теперь надо было увеличить личный составъ крестьянскихъ комиссій. Въ Калишской комиссіи я усилилъ рабочія силы комиссіи, вызвавъ туда двухъ опытныхъ комиссаровъ, а участки ихъ я поручилъ двумъ добавочнымъ комиссарамъ, комиссары эти просматривали находящіяся въ комиссіи ликвидаціонныя табели и докладывали замѣченное двумъ моимъ товарищамъ, какъ я нѣкогда докладывалъ Горлову въ центральной комиссіи, у насъ бывали ежедневныя засѣданія и дѣло подвигалось быстро.

Какъ это бываетъ и дѣлается всегда, вездѣ, участковые комиссары выбирали, всѣ прошлые годы, для повѣрки болѣе легкія ликвидаціонныя табели; тѣ, гдѣ встрѣчались сложные вопросы, требовавшіе большей опытности и труда, откладывались. Теперь очередь дошла до этихъ трудныхъ табелей, комиссарамъ и крестьянскимъ комиссіямъ пришлось призадуматься надъ многими вновь выступившими сложными вопросами мѣстной жизни. Такихъ затруднительныхъ вопросовъ накопилось такъ много, что, послѣ Рождества, я поѣхалъ въ Варшаву, просить у центральной комиссіи указаній по этимъ дѣламъ. Цѣлый вечеръ мы толковали о нихъ съ Горловымъ. Онъ рѣшилъ: въ ближайшее засѣданіе доложить центральной комиссіи о встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ. Горловъ разсказалъ мнѣ, что центральная комиссія также затруднилась надъ разрѣшеніемъ кое-чего въ ликвидаціонныхъ табеляхъ и уже представленныхъ ей изъ Калишской комиссіи. Въ засѣданіи центральной комиссіи я доложилъ все затрудняющее меня; разъ-

яснилъ, что въ числѣ ликвидаціонныхъ табелей, еще лежащихъ неразсмотрѣнными въ Калишской комиссіи, есть нѣсколько новыхъ сложныхъ дѣлъ, что они не были разсмотрѣны комиссіею ранѣе, потому что происходятъ отъ сложныхъ юридическихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, живущихъ на границѣ Пруссіи, и крестьяне заявили о нихъ только теперь.

Центральная комиссія рѣшила: въ виду большого числа вопросовъ, которые надо обсудить и обслѣдовать на мѣстѣ, командировалъ М. П. Горлова въ Калишъ и просить его: разрѣшить все это на мѣстѣ, совмѣстно съ членами Калишской крестьянской комиссіи.

Не прошло и недѣли послѣ этого, какъ Горловъ прибылъ въ Калишъ. Его сопровождали два чиновника, подготовлявшіе ликвидаціонныя табели для разсмотрѣнія доклада ихъ Горловымъ въ центральной комиссіи, какъ нѣкогда дѣлалъ это я. Съ пріѣздомъ Горлова установился такой порядокъ: три раза въ недѣлю бывали, по заведенному мною порядку, засѣданія Калишской крестьянской комиссіи; просмотрѣнныя нами ликвидаціонныя табели докладывались въ остальные три дня недѣли Горлову; и въ общемъ нашемъ засѣданіи разрѣшались окончательно всѣ затруднительные вопросы. Кромѣ того въ этихъ засѣданіяхъ разрѣшались вопросы по ликвидаціоннымъ табелямъ, которыя Горловъ привезъ изъ Варшавы. Въ засѣданіяхъ нашихъ участвовали я, два мои товарища и мѣстный комиссаръ, табели котораго разсматривались. Товарищъ мой и мѣстный комиссаръ, разбиравшіе сложныя дѣла на мѣстѣ, докладывали ихъ теперь и давали объясненія. По нѣкоторымъ табелямъ пришлось дѣлать новое, дополнительное разслѣдованіе на мѣстахъ. По окончательномъ разборѣ всего, ликвидаціонныя табели съ подробными протоколами посылались въ центральную комиссію, гдѣ обыкновенно безспорно онѣ утверждались. Горловъ пробылъ въ Калишѣ полтора мѣсяца; за это время мы пересмотрѣли не только все, что было затруднительнаго, а всѣ рѣшительно провѣренныя комиссарами ликвидаціонныя табели. По Калишской губерніи повѣрка ликвидаціонныхъ табелей была окончена не только комиссарами на мѣстахъ, но и Калишской крестьянской комиссіей и центральной комиссіей. Осталось табелей пятьдесятъ, которыя должны были быть провѣрены въ первую половину лѣта 1869 года.

Еще въ Варшавѣ, ознакомившись въ 1866 году съ Михаиломъ Павловичемъ Горловымъ, я оцѣнилъ его высоко. Теперь, проведя съ нимъ 6 недѣль въ ежедневныхъ сношеніяхъ, за

тяжелою работою, я полюбилъ еще больше этого человѣка. Меня особенно поражали въ немъ ясность ума, необыкновенное терпѣніе, снисходительность къ другимъ, твердая настойчивость въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Не только я, всѣ члены комиссіи уважали его въ высшей степени и дружески разстались съ нимъ.

Лѣтомъ 1869 года задача Калишской крестьянской комиссіи была исполнена; всѣ ликвидаціонныя табели составлены, провѣрены; крестьянское самоуправленіе введено и поставлено на твердую почву. Осенью, въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ въ Варшаву, Яковъ Александровичъ Соловьевъ сказалъ мнѣ въ разговорѣ, что предполагается 1 января 1870 года передать крестьянскія комиссіи въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Крестьянскія комиссіи будутъ преобразованы въ губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія: веденіе ихъ будетъ поручено губернаторамъ; въ губернское присутствіе назначенъ будетъ *непремѣнный членъ*, которому поручено будетъ ближайшее наблюденіе за крестьянскимъ дѣломъ въ губерніи и канцелярская часть. Предсѣдатели комиссій и ихъ товарищи будутъ оставлены за штатомъ съ сохраненіемъ содержанія и правъ службы на два года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передалъ мнѣ слѣдующее: члену учредительнаго комитета Маркусу поручено открыть во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго казенныя палаты. Озабоченный пріисканіемъ въ управляющіе казенными палатами русскихъ людей, знакомыхъ съ Царствомъ Польскимъ, Маркусъ просилъ Якова Александровича передать предсѣдателямъ крестьянскихъ комиссій принять мѣста управляющихъ казенными палатами. Соловьевъ совѣтовалъ мнѣ: переговорить съ Маркусомъ и принять эту должность, какъ самостоятельную и почетную. Черезъ короткое время я получилъ отъ Маркуса оффиціальное письменное предложеніе принять должность управляющаго вновь открываемою въ Калишѣ казенною палатою.

Я нѣсколько дней обсуждалъ въ умѣ своемъ: принять это предложеніе, или отказаться отъ него? Мнѣ было 35 лѣтъ; занять въ эти годы такое опредѣленное, постоянное служебное положеніе, конечно, было выгодно и лестно. Обыкновенно чиновники добиваются такого поста къ годамъ пятидесяти. Съ другой стороны—это обязывало на много лѣтъ еще остаться въ Польшѣ, гдѣ мнѣ все было чуждо, враждебно. А дома, въ Смоленскѣ, Петербургѣ, у меня были родные, друзья, товарищи; меня манила служба общественная—въ земствѣ, по дворянскимъ

выборамъ, съ которой я ознакомился близко въ 1863—1864 г. Я былъ холостъ: чины, ордена не прельщали меня; средствъ на жизнь мнѣ давало достаточно имѣніе мое; сверхъ того, оставаясь за штатомъ, я обезпеченъ былъ на два года содержаніемъ по 4.000 рублей въ годъ. Я рѣшилъ: возвратиться въ Россію, въ свое имѣніе, заняться имъ. А если современное направленіе земства, дворянства будетъ мнѣ по душѣ, принять участіе въ ихъ дѣятельностя. Я полагалъ, что, прослуживъ шесть лѣтъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, я исполнилъ долгъ самоотверженія въ отношеніи Россіи.

Когда я объявилъ мое рѣшеніе Якову Александровичу, онъ не одобрилъ его, покачалъ головою и сказалъ:

— Вы увлекаетесь! Пожалѣете современемъ.

Послѣднее полугодіе 1869 года Калишская комиссія занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ обжалованій рѣшеній гминныхъ судовъ по гражданскимъ дѣламъ; ихъ оказывалось очень много. Канцелярія комиссіи приводила въ порядокъ дѣла, для передачи въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Соловьевъ просилъ меня помочь ему въ выборѣ непремѣннаго члена для Калишскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Я указалъ ему на князя Голицына и на Ѳедора Павловича Берхольца. Предубѣжденіе Соловьева противъ князя Голицына продолжалось; онъ выбралъ Берхольца.

Ѳедоръ Павловичъ былъ молодой человѣкъ, нѣмецъ только по фамиліи, уроженецъ Москвы, если не ошибаюсь. Не помню, гдѣ онъ учился, но это былъ образованный человѣкъ. Онъ былъ комиссаромъ въ Конинѣ съ первыхъ дней учрежденія крестьянской комиссіи, пользовался уваженіемъ своихъ товарищей.

Въ половинѣ декабря я получилъ форменное извѣщеніе о передачѣ дѣлъ Калишской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ вновь учреждаемому Калишскому губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и о закрытіи комиссіи съ 1 января 1870 года. Порученіе это я исполнилъ, и 1 января 1870 года служба моя въ Царствѣ Польскомъ была окончена.

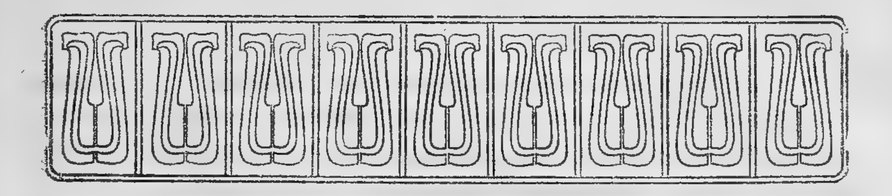
Я уѣзжалъ изъ Царства Польскаго съ добрыми воспоминаніями, съ любовью къ дѣлу, которымъ я занимался 4 года, съ уваженіемъ, признательностью къ людямъ, съ которыми работалъ, жилъ. Я увозилъ сознаніе, что я лично, всѣ мы, добросовѣстно исполнили свой долгъ, довели порученное намъ дѣло

до намѣченнаго конца. Когда я пріѣхалъ въ Польшу, она еще волновалась, кое-гдѣ бродили еще шайки повстанцевъ. Крестьяне недовѣрчиво приглядывались: чѣмъ кончатся обѣщанныя имъ свобода, надѣленіе землею? Теперь многомилліонная толпа крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ получила все обѣщанное; вполнѣ, навѣки, образовала общество, независимое отъ шляхты, душою и тѣломъ преданное русскому правительству. Шляхетство поняло, что навѣки лишилось возможности обирать крестьянъ, силою заставлять ихъ возставать противъ Россіи. У русскаго правительства образовалась громадная, несокрушимая опора въ лицѣ крестьянъ, которые сознаютъ, что получили отъ Россіи свободу, права, землю, все, все! Утѣшительно было сознавать, что это сдѣлано нами, умственнымъ трудомъ, силою воли, образованіемъ, а не кулакомъ, не палкою.

Очень многіе первостепенные дѣятели, создатели этой преобразованной Польши уже удалились изъ нея: Милютинъ, Самаринъ, князь Черкасскій, Кошелевъ. Въ скоромъ времени предстояло закрытіе учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ; тогда и остальные главари, создатели преобразованія уйдутъ отсюда. Польша исчезнетъ, будутъ только 10 русскихъ губерній на западной окраинѣ Россіи. Имена тѣхъ, кто измыслилъ это преобразованіе, руководилъ его, будутъ вспоминаться, они принадлежатъ исторіи Россіи. Мы, члены крестьянскихъ комиссій, комиссары, второстепенные дѣятели, не попадемъ въ исторію, именъ нашихъ не будутъ знать, но сдѣлали мы историческое дѣло. Исторія будетъ вспоминать крестьянскія комиссіи, будетъ разсказывать о ихъ трудахъ, борьбѣ, и общее ихъ имя *комиссія по крестьянскимъ дѣламъ* всегда будетъ вспоминаться въ исторіи.

Николай Полевой.

Воспоминанія А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своихъ „Путешествіяхъ по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю" (изд. 1896 г.) А. И. Макшеевъ описываетъ между прочимъ экспедицію для изслѣдованія Аральскаго моря, въ которой принималъ участіе вмѣстѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ въ 1848 году.

Среди рядовыхъ экспедиціи находился ссыльный Т. Г. Шевченко, прикомандированный въ качествѣ художника для снятія береговыхъ видовъ. Къ сожалѣнію, зарисованный имъ альбомъ съ видами оказался утеряннымъ.

А. И. Макшеевъ вспоминаетъ какъ въ походѣ онъ раздѣлялъ кибитку, а въ плаваніи—каюту съ Т. Г. Шевченко, который хорошо себя чувствовалъ на степномъ и водномъ просторѣ послѣ стѣсненій солдатской жизни въ Орской крѣпости. Тамъ онъ долженъ былъ переносить подневольное положеніе рядового, здѣсь вращался въ интеллигентномъ обществѣ офицеровъ, цѣнившихъ въ немъ талантливаго поэта.

Въ 4-мъ путешествіи А. И. Макшеева, еще не появлявшемся въ печати, приводится воспоминаніе о товарищеской жизни автора съ Т. Г. Шевченко, которое и предлагается вниманію читателей. У А. И. остался на память портретъ работы художника-поэта.

Н. М.

Къ началѣ 1848 года въ Оренбургъ прибылъ лейтенантъ Бутаковъ, для производства описи Аральскаго моря. Желая облегчить и, если удается, улучшить участь Шевченко, онъ про-

силъ генерала Обручева отпустить его съ нимъ, для снятія береговыхъ видовъ невѣдомаго доселѣ моря и хотя по Высочайшему повелѣнію Шевченкѣ запрещено было брать карандашъ въ руки, Обручевъ согласился на эту просьбу.

Во время похода на Сыръ-Дарью и описи Аральскаго моря я прожилъ съ Шевченко не разлучаясь $4^1/_2$ мѣсяца и во все это время видѣлъ его постоянно бодрымъ и веселымъ. Ко всѣмъ неудобствамъ походной обстановки онъ приноравливался легко и велъ жизнь совершенно трезвую, хотя наклонность къ водкѣ, сильно развившаяся въ немъ впослѣдствіи въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, проявлялась и въ это время. Передъ отходомъ шкуны изъ Раима я купилъ у единственнаго бывшаго тамъ торговца 6 послѣднихъ бутылокъ скверной наливки, настоенной на сушеныхъ вишняхъ, и разсчитывалъ, что ихъ хватитъ на все время плаванія по морю и даже до возвращенія въ Оренбургъ; но вышло иначе. Въ началѣ нашего плаванія, когда я былъ все время на палубѣ, Т. Г. попросилъ у меня позволенія пріютиться на моей койкѣ, и съ книгою въ рукахъ пролежалъ на ней день или два, а потомъ, когда я сталъ вытаскивать бутылки изъ-за койки, оказалось, что всѣ онѣ были пусты.

Описная экспедиція была окончена осенью 1849 года. Шевченко прибылъ съ Косъ-Арала въ Оренбургъ и по приглашенію генеральнаго штаба штабсъ-капитана Карла Ивановича Герна, имѣвшаго собственный домъ въ Слободѣ, помѣстился у него на жительство. Бутаковъ представилъ въ числѣ работъ описной экспедиціи альбомъ видовъ Аральскаго моря, Шевченки, и оффиціально ходатайствовалъ о производствѣ его въ унтеръ-офицеры, что составляло въ то время первый и самый важный шагъ для разжалованнаго. Обручевъ, весьма довольный альбомомъ, наглядно дополнявшимъ опись Аральскаго моря, сдѣлалъ въ свою очередь представленіе о Шевченкѣ, но изъ С.-Петербурга ему выразили неудовольствіе, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ допустилъ Шевченко рисовать. Впослѣдствіи я узналъ, что за представленіе Шевченко Бутаковъ подвергался тайному наблюденію 3-го отдѣленія, продолжавшемуся еще во время его командировки въ Швецію для заказа пароходовъ. Между тѣмъ альбомъ былъ возвращенъ Шевченко, и онъ подарилъ его К. И. Герну, въ благодарность за гостепріимство. Желая извлечь альбомъ изъ забвенія и издать его, я обращался къ женѣ покойнаго Герна съ просьбою объ отысканіи его и доставленіи ко мнѣ, но, къ сожалѣнію,

она не могла найти среди вещей своего деревенскаго дома ни одного рисунка изъ разрозненнаго альбома.

Хотя генералъ Обручевъ имѣлъ непріятность изъ за Шевченки, но не принялъ противъ него никакихъ стѣснительныхъ мѣръ; тѣмъ не менѣе положеніе послѣдняго вскорѣ измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса. Доносъ заключался въ томъ, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, Шевченко снимаетъ портреты даже съ оффиціальныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, напримѣръ, съ коменданта и прочее. По общему мнѣнію авторомъ этого доноса было лицо, негодовавшее на Шевченко за то, что тотъ мѣшалъ ему въ одной любовной интригѣ. Послѣ доноса генералъ Обручевъ получилъ вторично непріятную бумагу изъ Петербурга и долженъ былъ отправить Шевченко въ отдаленное Новопетровское укрѣпленіе, на восточномъ берегу Каспійскаго моря (нынѣ Александровскій фортъ), съ приказаніемъ коменданту строго наблюдать, чтобы онъ ничего не рисовалъ.

Шевченко безвыѣздно оставался въ Новопетровскомъ укрѣпленіи до прощенія и отъ нечего дѣлать сталъ, говорятъ, сильно пить. Попытки вырвать его изъ этой трущобы не имѣли успѣха. Такъ вскорѣ послѣ смѣны Обручева генералъ-адъютантомъ В. А. Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣдняго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ степныхъ рисунковъ Шевченко, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе, спроситъ, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ, дастъ возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ, но Перовскій, лишь только увидалъ рисунокъ, догадался, чей онъ, бросилъ на полъ и грозно сказалъ окружающимъ, „чтобы не смѣли напоминать ему объ этомъ негодяѣ!“

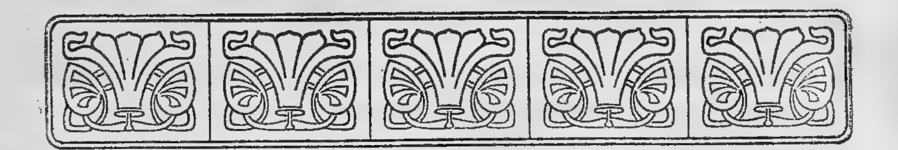
Въ Петербургѣ разсказывали, что какъ только въ Новопетровскомъ укрѣпленіи было получено извѣстіе о прощеніи Шевченка, комендантъ укрѣпленія, не дождавшись приказа по корпусу, отпустилъ его съ первымъ отходящимъ пароходомъ. Шевченко отправился прямо въ Петербургъ, но въ Казани былъ задержанъ по распоряженію оренбургскаго начальства, требовавшаго, чтобы онъ былъ препровожденъ въ Оренбургъ за полученіемъ бумагъ объ отставкѣ. Слѣдовало отправить его, какъ нижняго чина, пѣшкомъ по этапу, но казанскій губернаторъ сжалился надъ несчастнымъ, вытребовалъ бумаги изъ Оренбурга и отпустилъ наконецъ его на свободу.

Въ Петербургѣ Шевченко чуть не носили на рукахъ, онъ сдѣлался знаменитостью, но я съ нимъ не видѣлся. Онъ не

нашелъ нужнымъ навѣстить стараго товарища, съ которымъ въ трудную эпоху своей жизни дѣлилъ хлѣбъ и соль и не имѣлъ никогда ни малѣйшей непріятности, а я не счелъ возможнымъ ѣхать на поклонъ къ знаменитости, въ которой желалъ видѣть прежде всего человѣка. Только разъ мы встрѣтились издали на какомъ-то представленіи въ огромномъ залѣ Руадзе, и Шевченко послалъ мнѣ глазами и рукою дружеское привѣтствіе, на которое я отвѣтилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ онъ скончался.

Сообщ. **Н. Макшеева.**

Матеріалы по изслѣдованію войны 1812 г.

Отзывъ генералъ-лейтенанта Тормасова князю Багратіону съ приложеніемъ письма (неизвѣстнаго) изъ Бреславля.

(Изъ собраній документовъ *П. Я. Дашкова*) [1].

Милостивый государь, князь Петръ Ивановичъ!

Доставленную ко мнѣ выписку письма изъ Бреславля для свѣдѣнія вашего, какъ вещь довольно любопытную, при семъ сооobщаю.

Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ и таковой же преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Александръ Тормасовъ.

Іюня 10-го дня, 1812 г. № 70. По собственной канцеляріи Главнокомандующаго.

Приложеніе.
Письмо изъ Бреславля.

(Выписка письма изъ Бреславля).

(Переводъ съ французскаго).

Здѣсь существуетъ „Общество Черныхъ Рыцарей". Принцъ Августъ Прусскій, который находится здѣсь, такъ какъ не пожелалъ оставаться въ Берлинѣ съ иностранцами,—одинъ изъ главныхъ членовъ этого общества, а генералъ Блюхеръ, кото-

---

[1]) Документы по 1812 г. изъ собранія П. Я. Дашкова, любезно предоставленные братьями покойнаго Андреемъ и Димитріемъ Яковлевичами Имп. Русс. воен. ист. Обществу, предполагается обществомъ этимъ выпустить отдѣльнымъ томомъ трудовъ Общества. *Б. К.*

рый тоже состоитъ членомъ, подалъ въ отставку, не желая служить при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Слишкомъ долго было бы вамъ разсказать о происхожденіи этого общества, любовь къ родинѣ положена ему въ основаніе, а также безграничная преданность истиннымъ интересамъ страны; теперь всѣ принципы, которые легли въ основаніе общества, должны быть отложены на время; одному только поклялись—ненависти къ французамъ. Недавно здѣсь былъ одинъ русскій, велъ себя весьма таинственно; по всему было видно, что онъ обладаетъ хорошими средствами, но нигдѣ не бывалъ, но лишь только принцъ Августъ и Блюхеръ пріѣхали, онъ сейчасъ же къ нимъ отправился; черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ, на свое счастье, такъ какъ изъ Берлина пришло приказаніе его арестовать, но оно его уже не застало. Комендантъ и губернаторъ также получили приказаніе строго слѣдить за „Черными Рыцарями", но когда губернаторъ явился къ принцу Августу, чтобы его предупредить, принцъ съ величайшимъ самообладаніемъ отвѣтилъ, что не понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь; это извѣстіе вполнѣ достовѣрно.

Бѣдныхъ силезцевъ подвергаютъ такимъ сильнымъ притѣсненіямъ, что, несмотря на свои личныя несчастія, находишь еще возможность сочувствовать и ихъ несчастіямъ: монастыри закрыты, духовенство раззорено, капитулы орденовъ захвачены для короля; каноникамъ каѳедральныхъ церквей и капитуламъ орденовъ обѣщаны пенсіи, но до сихъ поръ еще не назначены. Дома разрушаютъ; владѣльцевъ мельницъ и домовъ обложили чудовищными повинностями, какъ домовладѣльцы, такъ и квартиранты, должны платить налоги; городъ заставили дать королю въ долгъ 400.000 талеровъ (écus). Вышелъ указъ, по которому каждый владѣлецъ обязанъ въ теченіе двухъ мѣсячнаго срока выплатить сумму, составляющую 3% съ его капитала; обложенію подлежатъ, какъ капиталы, такъ и земельныя владѣнія каждаго и имѣнія, покрытыя долгами, не освобождены отъ обложенія; каждый обязанъ платить согласно оцѣнкѣ земли; говорятъ, что дворянство хочетъ ослушаться этого приказанія, такъ какъ оно не въ состояніи его выполнить.

Несомнѣнно, что если бы на свѣтѣ нашелся монархъ, царствованіе котораго предвѣщало бы болѣе гуманный образъ правленія—всѣ бы перешли подъ его владычество.

Вчера здѣсь проѣхалъ французскій прелатъ; сообщая полиціи, согласно требованіямъ, свое имя и званіе, онъ написалъ: „Монсиньоръ графъ Праде, архіепископъ города Малина, пер-

вый духовникъ императора, посланникъ въ Варшавѣ". Никто не можетъ понять, что означаетъ послѣдній титулъ, но предполагаютъ, что въ скоромъ времени будетъ объявленъ новый польскій король.

Раззореніе Варшавскаго герцогства достигло своего апогея; мы не можемъ ничего получить, такъ какъ тѣ, которые ближе къ столицѣ, терпятъ еще большія притѣсненія; мы покорились своей участи, но убытки нашихъ крестьянъ непоправимы и разрываютъ сердце.

Изъ Варшавы пишутъ, что солдаты всѣхъ націй ведутъ себя ужасно и только войска итальянскаго вице-короля не дѣлаютъ зла, хвалятъ также и самого вице-короля.

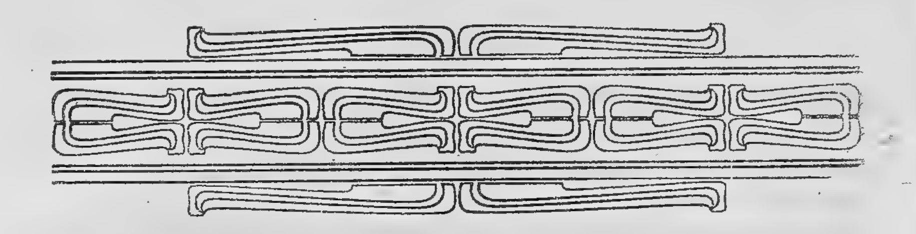
Дрожу за свою несчастную родину, когда въ нее войдутъ неаполитанцы, которые уже находятся въ пути; я знаю этотъ народъ—тогда безпрестанно будутъ происходить убійства; всѣ войска идутъ по принужденію, но каждый солдатъ увѣряетъ, что идетъ только на поляковъ, и это убѣжденіе, при всей его несправедливости, можетъ только усугубить наши несчастья.

Говорятъ, что въ Силезіи перемѣнится властелинъ, Вестфалія будетъ принадлежать прусскому королю; несчастную Силезію разрѣшено давить въ тискахъ, а потомъ ее отдадутъ,—неизвѣстно кому.

(подписи не имѣется).

Сообщ. **Б. Колюбакинъ.**

За 38 лѣтъ [1]).

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти Милія Алексѣевича Балакирева.

Часть вторая [2]).

Вышеприведенное письмо Балакирева произвело на меня своими словами о Торквемадѣ странное впечатлѣніе.

Когда я была молоденькой дѣвушкой, Милій Алексѣевичъ высоко ставилъ того, кого онъ называлъ теперь Торквемадой. Онъ пропагандировалъ его сочиненія, считалъ его славянофиломъ, складывалъ въ памяти своей все, что слышалъ объ его политическомъ Credo, и потомъ, при случаѣ, разсказывалъ о слышанномъ съ восторгомъ, съ упованіемъ: что вотъ есть у насъ великій государственный мужъ, настоящій политическій дѣятель...

---

[1]) См. „Русская Старина“. Январь 1914 г.

[2]) Я получила письмо, въ которомъ мой корреспондентъ указываетъ на нѣкоторыя неточности въ моемъ описаніи обстановки квартиры М. А. Балакирева. Охотно исправляю эти неточности: лампа въ столовой была не висячая, а стояла на столѣ. Въ гостиной не висѣлъ фонарикъ, а стѣнная лампа съ синимъ колпачкомъ. Балакиревъ, по словамъ моего корреспондента, не выносилъ освѣщенія съ потолка и говорилъ, что ему при этомъ „всегда хочется надѣть шляпу или раскрыть зонтикъ“. Портретъ Н. Рубинштейна былъ не небольшой, какъ сказано у меня, а большой, висѣвшій симметрично съ портретомъ Гензельта.

Кн. М. В. Волконская.

Въ царствованіе Александра II онъ скорбѣлъ, что дѣятель этотъ не у дѣлъ, что силами его пренебрегаютъ, не умѣютъ или не желаютъ воспользоваться на благо родинѣ.

...Одно время лѣтомъ того же года мнѣ было какъ-то особенно тяжело на душѣ. Съ Балакиревымъ я никогда откровенно ни о чемъ не говорила. Онъ былъ внѣ жизни, выше ея и не понималъ того, что мнѣ было больно. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, и я избѣгала говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было личномъ. Разъ, утромъ, я ѣхала съ младшей дочерью изъ Гатчины въ Петербургъ и дожидалась поѣзда на дебаркадерѣ. Вдругъ, сзади, ко мнѣ подошелъ Милій Алексѣевичъ. Онъ тоже ѣхалъ въ городъ и, узнавъ, что я ѣду туда же, будто чему-то обрадовался.

— Вы въ какомъ классѣ ѣдете?—спросилъ онъ и, узнавъ, добавилъ: ну-съ все равно-съ. Я къ вамъ сяду. (Онъ вопросительно поглядѣлъ на меня).—Поѣдемте вмѣстѣ, съ улыбкой закончилъ онъ, очевидно читая согласіе на моемъ лицѣ.

Мы сѣли въ отдѣльное купэ, которое открылъ намъ кондукторъ, и на какія-то мои слова, Балакиревъ, понявъ, что мнѣ тяжело, почувствовавъ, что нужно не простое утѣшеніе перемелется, мука будетъ,—а что нужно что-нибудь большее что-нибудь глубокое,—просто и убѣдительно сталъ говорить о Богѣ.—„И хвала его непритворна была“!..

Сначала онъ говорилъ только о Немъ, потомъ сталъ говорить о себѣ, какъ ему трудно было въ жизни, какъ онъ молодой, здоровый, полный силъ,—не слабая женщина-съ, а работоспособный мужчина—долженъ былъ брать у знакомыхъ, долженъ былъ пользоваться ихъ помощью! — „И бралъ-съ, и думалъ, и считалъ, что Самъ Спаситель помогаетъ мнѣ ихъ руками“.

Онъ долго говорилъ, а я слушала его съ волненіемъ, изрѣдка поглядывая на мою маленькую дочь, тоже не спускавшую съ него глазъ, и радуясь, что наконецъ-то она видитъ его не такимъ, какъ она видѣла его всегда, согбеннымъ, такъ сказать, жизнью и старостью, а выпрямившимся, помолодѣвшимъ отъ дыханія Духа, такимъ, какъ я его знавала въ дни юности моей, и о какомъ я разсказывала имъ, т. е. ей и ея сестрамъ.

Успокоенная, тронутая и умиротворенная пріѣхала я въ Петербургъ...

Милій Алексѣевичъ вдунулъ въ сердце мое увѣренность, что то, что происходитъ въ рукахъ Божіихъ, что такъ, значитъ, надо...

Моя маленькая дочь, которую я спросила: что скажетъ она теперь о Балакиревѣ? къ моей радости, тоже иначе чѣмъ всегда отнеслась къ нему и тоже о чемъ-то какъ будто задумалась и съ чѣмъ-то примирилась...

Въ эту же осень у нея съ Миліемъ Алексѣевичемъ завязались краткія, но все же свои личныя отношенія. Произошло это изъ-за птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда, котораго моей дочери принесъ въ подарокъ сынъ кого-то изъ дворцовыхъ служащихъ.

Птенецъ оказался дроздомъ.—Его посадили въ клѣтку, дали ему корма того самаго, котораго даютъ канарейкамъ, дали коноплянаго сѣмени, взятаго взаймы у моего старика-попугая, дали булки сухой, намоченной въ водѣ, въ молокѣ, дали мухъ...

Дроздъ ничего изъ предлагаемаго не желалъ ѣсть, кромѣ мухъ, которыхъ онъ глоталъ усердно, жадно и замѣчательно быстро, требуя еще и еще. Черезъ нѣсколько часовъ онъ намъ, старшимъ, страшно надоѣлъ, а черезъ сутки или двое я положительно не знала, что́ сдѣлать, чтобы отъ него избавиться. Его вынесли въ проходную комнату, въ родѣ передней, гдѣ стояли сундуки, и черезъ которую надо было проходить въ дѣтскую, но онъ и тамъ мѣшалъ, такъ какъ былъ, страшно, противно нечистоплотенъ.

Моя маленькая дочь, между тѣмъ, не хотѣла съ нимъ разстаться. И вдругъ пришелъ Балакиревъ. Я разсказала ему о моемъ замѣшательствѣ, о любви моей дочери ко всѣмъ животнымъ, о невозможности оставить у насъ дрозда и о горѣ моей дѣвочки, вызываемомъ моимъ желаніемъ вернуть птицу сыну служителя.

Милій Алексѣевичъ сталъ на сторону моей дочери и выразилъ желаніе помочь ея горю, т. е. узнать, чѣмъ надо кормить дроздовъ.

— Онъ оттого и нечистоплотенъ-съ,—серьезно говорилъ Балакиревъ про птицу,—что вы его не такъ-съ кормите... Да! Да! А это прекрасно-съ, когда дѣти любятъ животныхъ, прекрасно-съ!

Милій Алексѣевичъ ушелъ, а на слѣдующій день, 19-го августа, я получила отъ него письмо, изъ котораго ясно было видно, какъ близко къ сердцу принялъ онъ происшествіе съ дроздомъ.

„Вчера прямо отъ Васъ я отправился къ Фриде и узналъ слѣдующее: дрозда слѣдуетъ пока кормить мякишемъ бѣлаго хлѣба, смоченнымъ молокомъ или водою.—Дня черезъ два M-elle Фриде обѣщалась мнѣ дать болѣе точныя свѣдѣнія касательно кормленія дрозда, которыя она добудетъ, справившись у своего знакомаго птицевода.

Она вспоминала Васъ и проситъ меня передать Вамъ поклонъ.

Совершенно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

P. S. Хорошо также кормить дрозда и мухами, но только этотъ способъ я не рекомендую, какъ пріучающій дѣтей къ жестокости“...

На другой день, т. е. 20 августа пришло второе письмо по тому же вопросу.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

M-me Фриде сейчасъ прислала мнѣ длинный списокъ родовъ пищи, употребляемой дроздами различныхъ видовъ. Изъ этого списка видно, что всѣ они питаются насѣкомыми, улитками и тому подобными невкусными яствами, но это не исключаетъ возможности питать Вашего птенца мякишомъ бѣлаго хлѣба, смоченнаго водою или молокомъ. — M-elle Фриде именно этимъ способомъ вскармливала своихъ птенцовъ.

Душевно желаю, чтобы Вашъ младенецъ укрѣплялся тѣломъ и духомъ и радовалъ бы Васъ своимъ чириканьемъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, дававшіяся письмами, были крайне недостаточны для выращиванія дрозда. Онъ, очевидно, любилъ „живность“,—какъ люди любятъ мясо, не могъ обходиться безъ нея и, за неимѣніемъ ея, сталъ самъ чистить за собой клѣтку... Исхудалъ страшно, перья его слиплись, во всей передней явился отвратительный запахъ, и наконецъ сама моя дѣвочка поняла, что дальше держать дрозда невозможно.

Въ сентябрѣ всѣ мы вернулись въ Петербургъ, и снова началась зимняя жизнь... и снова, между другими удовольствіями, домашніе концерты Балакирева.

V.

Въ 1899 году Милію Алексѣевичу снова пришлось испытать маленькую неудачу, или точнѣе маленькую непріятность, которую ему тяжело было снести. Онъ написалъ небольшой хоръ на слова: „Боже, Царя храни“. Этотъ хоръ ему не позволили напечатать съ заглавіемъ русскаго національнаго гимна.

Рыдзевскій, несмотря на всѣ просьбы и доводы, стоялъ на своемъ, что этого нельзя, и наконецъ Балакиревъ въ декабрѣ написалъ мнѣ записочку, въ которой сквозитъ усталость его души.

„Дорогая Марія Васильевна.

Сегодня я имѣлъ объясненіе съ Рыдзевскимъ, который упорно стоялъ на своемъ и предложилъ мнѣ назвать мой хорикъ вмѣсто „Боже, Царя храни“,—„Гимнъ русскому Царю“, на что я долженъ былъ согласиться, чтобы избавить себя и моихъ друзей отъ хлопотъ, которыя едва-ли привели бы къ успѣху. Худой миръ вѣдь лучше доброй ссоры.

Сообщаю Вамъ объ этомъ, такъ какъ этотъ вопросъ Васъ интересовалъ“...

Первый концертъ по переѣздѣ въ городъ Балакиревъ далъ намъ 20-го октября снова, по обыкновенію, прислать мнѣ отъ Циммермана (т. е. изъ его магазина) чудный рояль Блютнера. Предполагалъ и предлагалъ онъ играть раньше (разъ въ „подарокъ“ мнѣ игралъ вечеромъ для меня одной, не считая моихъ дѣвочекъ и ихъ гувернантки послѣ всенощной, наканунѣ 1-го октября, дня моего рожденія, на моемъ старомъ Steinway), но раньше 20-го концертъ не могъ состояться, такъ какъ то ему было неудобно, то никто изъ моихъ друзей не былъ свободенъ, и концертъ все переносился съ 5-го на 11, съ 11-го на 15-е, при чемъ мѣнялась и программа. Наконецъ 15-го я получила слѣдующее письмо:

„Изъ сообщеннаго Вами перечня удобныхъ дней я избираю среду 20-го числа.—Въ этотъ печальный день вполнѣ умѣстно будетъ чествовать 50-ти-лѣтіе со дня кончины Шопена и исполнить его похоронную сонату.

Видѣлся я также съ докторомъ Логиновымъ, изъявившимъ мнѣ полную готовность служить дѣлу Вашего выздоровленія, въ благопріятномъ исходѣ коего я почти увѣренъ.

Онъ будетъ ожидать Вашего зова.—Сообщаю Вамъ его адресъ: Слоновая улица, 23, Г. М. Логиновъ.

И такъ до пріятнаго свиданія въ среду вечеромъ.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ".

Черезъ четыре дня пришло еще письмо:

„Сегодня я сдѣлалъ распоряженіе о роялѣ, который завтра къ Вамъ принесутъ. — Постарайтесь устроить, чтобы Вашъ старый рояль былъ заблаговременно вынесенъ въ другую комнату.

Согласно Вашему желанію я включилъ въ программу (которую при семъ препровождаю), — Polonaise C. moll, но что касается до другого Полонеза Cis moll, то прошу Вашего позволенія сыграть Вамъ его *въ другой разъ*. Въ данномъ случаѣ онъ не будетъ умѣстенъ. За то *при первомъ* случаѣ я Вамъ его обѣщаю сыграть.

Конечно я буду къ 8-ми часамъ. Я самъ не люблю позднихъ вечеровъ, и назначенный Вами часъ совершенно совпадаетъ съ моими привычками. И такъ до свиданія.

Искренно Вамъ преданный
М. Балакиревъ".

Я очень хворала въ это время, чѣмъ и объясняется его предложеніе доктора Логинова, но совѣтчиковъ кромѣ Балакирева у меня,—какъ всегда бываетъ у всѣхъ больныхъ,—нашлось много, и я, такъ какъ Логиновъ былъ совершенно неизвѣстенъ никому изъ моихъ близкихъ, выбрала другого врача. Этого долго не могъ простить мнѣ Милій Алексѣевичъ и, между прочимъ, въ отвѣтѣ на поздравленіе, которое я послала ему ко дню его именинъ, отвѣтилъ мнѣ слѣдующей язвительной запиской:

„Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна

Премного благодаренъ Вамъ за Вашу память о моихъ именинахъ. Сожалѣю, что Вы поскупились на извѣстія о Вашемъ здоровьѣ. Желательно бы знать, началось ли Ваше лѣченье у доктора, рекомендованнаго княгиней ***, и *когда* онъ обѣщаетъ Вамъ возможность подниматься по лѣстницамъ, а (слѣдовательно) мнѣ возможность имѣть удовольствіе видѣть Васъ своей дорогой гостьей.

Совершенно Вамъ преданный
М. Балакиревъ".

Затѣмъ, придя ко мнѣ вечеромъ, Милій Алексѣевичъ не стѣсняясь присутствіемъ брата этой дамы, вдобавокъ человѣка, котораго онъ глубоко цѣнилъ и уважалъ—обратился ко мнѣ со словами:

— Какъ можете-съ вы слушать *$_*$*.—Онъ сверкнулъ глазами и гнѣвно продолжалъ:—Вѣдь у нея-съ куриные мозги-съ...—и картиннымъ жестомъ, быстро разжимая, сжимая кулаки и ударяя то тѣмъ, то другимъ, по противоположной ладони, онъ показалъ, какіе у дамы мозги.

— Милій Алексѣевичъ, это сестра вотъ... — прервала я, страшно смущенная, и жестомъ показала на присутствовавшаго господина.

— Ну такъ что же-съ, что сестра-съ?—не унялся Балакиревъ—Я вамъ рекомендую-съ врача, въ которомъ увѣренъ, что онъ вамъ поможетъ,—я убѣдился въ этомъ на опытѣ съ другими больными (я вамъ вѣдь разсказывалъ),—а вы слушаетесь свѣтскую даму-съ...

Я стала что-то отвѣчать, чтобы затушевать рѣзкія выраженія моего стараго друга, и разговоръ на скользкую тему прервался. Но надо отдать справедливость добрѣйшему и великодушному NN. Онъ въ ту же минуту совершенно забылъ и простилъ Милію Алексѣевичу его выходку и съ годами сталъ все больше цѣнить и любить Балакирева.

...Въ эту осень по поводу сильно распространявшагося въ обществѣ католицизма у насъ съ нимъ снова начали происходить богословскіе разговоры. Въ декабрѣ же онъ прислалъ мнѣ въ подарокъ книгу Прокоповича: „Письма православнаго отца къ сыну съ милѣйшимъ письмомъ", которое я вклеила въ книгу Прокоповича, а въ отвѣтъ на мою благодарность слѣдующія строки: (сначала въ открытомъ письмѣ отъ 21 декабря, а потомъ и въ закрытомъ).

— „На стр. 101 присланной Вамъ книжки, найдете неоспоримое подтвержденіе православности папы Дамаза, предсѣдателя 2-го вселенскаго Собора, на которомъ Символъ вполнѣ законченъ исповѣданіемъ Св. Духа.

М. Б."

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Весьма радъ, что Вы довольны присланной Вамъ книжкой Прокоповича. Хотя я не могъ отыскать въ моемъ изданіи постановленій Вселенскихъ соборовъ анаѳемы на посягающихъ

на символъ вѣры, за то указанная мною на стр. 101 энциклика папы Дамаса равносильна тому, что я Вамъ говорилъ. Знаменательно, что въ подтвержденіе 2-го вселенскаго собора Папа собралъ мѣстный соборъ въ Римѣ, которымъ *провозглашена анаѳема на тѣхъ, кто не исповѣдовалъ бы, что Св. Духъ имѣетъ бытіе отъ Бога Отца, какъ и Сынъ Божій и есть истинный Богъ.* — Нынѣшніе католики окончательно посрамлены и отлучены отъ церкви этой энцикликой.

Вы интересовались знать о времени введенія опрѣсноковъ въ Римской Церкви. Въ концѣ стр. 225 вы найдете достовѣрное свидѣтельство о томъ, что еще въ IX-мъ вѣкѣ опрѣсноковъ не было въ употребленіи въ Римской Церкви. Это свидѣтельство подтверждается и далѣе, и на стр. 239 вы найдете изложеніе окончательнаго раздѣленія церквей, совершавшагося при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ.

Надѣюсь, что эта книжка Васъ вполнѣ удовлетворитъ.— Недостатокъ ея—это излишнее распространеніе о томъ, что уже сказано и безъ того ясно и убѣдительно.

Пишу къ Вамъ съ тѣмъ, чтобы Вы не отрывались отъ Вашихъ спѣшныхъ работъ и отнюдь не отвѣчали бы мнѣ теперь, когда Вы такъ заняты.

Искренно Вамъ преданный

М. Балакиревъ".

Приблизительно въ это же время, я первый разъ въ жизни дала ему прочесть нѣсколько моихъ маленькихъ разсказовъ.

Беллетристики онъ обыкновенно не читалъ, о чемъ я отъ него самого слышала еще въ молодости, не читалъ даже Толстого, „не интересуясь имъ"—какъ онъ выражался. Тѣмъ съ большей опаской дала я ему мои произведенія, выбравъ такія, гдѣ не было ничего романическаго.

Къ удивленію моему, онъ прочелъ ихъ быстро и также, какъ всегда теперь, тотчасъ написалъ мнѣ нѣсколько строкъ.

— „Съ благодарностью возвращаю Вамъ при семъ Вашу книжку, которую прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большимъ интересомъ. По поводу ея поговоримъ при свиданіи"...

Разсказы мои были слѣдующіе: „Отрывки изъ Неизданныхъ Воспоминаній" (Первая Любовь Тургенева), „Одинъ изъ Малыхъ сихъ" и еще какой-то.

При первомъ же свиданіи, которое произошло у него на дому, въ вечеръ концерта, онъ очень просто и благосклонно отнесся къ этимъ разсказамъ, назвалъ ихъ „таланливыми повѣстушками“, узналъ дѣйствующихъ лицъ въ первомъ разсказѣ, сказалъ, что они вылитые, что на него такъ и пахнуло прошлымъ. Второй разсказъ онъ назвалъ прелестнымъ—и сказалъ, что ему особенно понравилась реальность, напр. то, что я назвала мальчика Антипой,—т. е. что дала имя, которое дѣйствительно можетъ приходиться въ субботу страстной седьмицы, и что я вѣрно подмѣтила нелюбовь русскаго духовенства къ слову „попъ“.

—Да-съ, они, дѣйствительно, теперь велятъ называть себя священниками,—сказалъ онъ, блестя глазами,—забывъ, не зная, что „попъ“ слово древнее, благочестивое, означающее отецъ, папа... А что такое „священникъ“? Въ каждой языческой религіи есть священнослужители, т. е. священники. Отцовъ же, или батюшекъ, или поповъ — вы найдете только въ христіанствѣ. Но они этого не понимаютъ-съ, и не вина народа, что слово отецъ, попъ стало браннымъ. Вина всецѣло самихъ ихъ...

Съ этой минуты онъ сталъ интересоваться моими работами. По его желанію я дала ему мою повѣсть: „Пѣсни спѣты“. Эта книжка уже не была такая маленькая, тоненькая, какъ первая. (Вдобавокъ въ ней есть „любовь“). Онъ взялъ ее съ какой-то неловкостью, напомнившей мнѣ мою юность, когда онъ разъ, въ Петергофѣ, лѣтомъ принесъ мнѣ изъ дому въ садъ мою большую, соломенную шляпу,—взялъ книжку и... не прочелъ ее, а далъ прочесть какой-то своей знакомой, послѣ чего у него пропала охота читать эту по ѣсть.

Когда, послѣ довольно большо перерыва, я наконецъ спросила его: почему онъ ничего не го оритъ мнѣ о „Пѣсняхъ спѣтыхъ“ онъ рѣзко-стремительно отвѣтилъ:

— Я самъ ихъ не читалъ-съ. — Нѣтъ! Мнѣ моя знакомая, которой я далъ книги, разсказала, что тамъ у васъ артистка-съ въ первой же сценѣ перебиваетъ игру другого артиста... Раз дѣлается-съ?.. —(онъ суровыми глазами посмотрѣлъ на меня).—Какая же она артистка-съ?!.—(Онъ постучалъ рукой по столу)—Ну, вотъ, узнавъ это-съ, я и не сталъ читать.

Съ улыбкой и, разумѣется, смущеніемъ слушала я его, и мнѣ приходило въ голову:—что хоть это и вѣрно подмѣченная психологически „невѣрность“ въ моей повѣсти (которую я и

сама не очень любила; она написана на англійскій ладъ, для молодыхъ дѣвушекъ), всеже не вся же повѣсть заключается именно въ этой неудачной сценѣ, и что надо же было ему дать читать повѣсть такому недоброжелательному критику, какъ его да-а-а-ма!!!

Въ 1900 году кромѣ дѣлъ капеллы и С. М. Ляпунова, Балакиревъ сталъ хлопотать о какомъ-то мальчикѣ Ш—мъ, дворянинѣ по отцу, котораго мать, вдова, по бѣдности, никуда не могла опредѣлить, и котораго задумали отдать въ ученіе къ цирульнику.

Это рѣшеніе глубоко возмутило и опечалило Балакирева. Онъ принялъ мальчика подъ свое особое покровительство, сталъ хлопотать о немъ вездѣ, гдѣ только могъ, у всѣхъ, кого только зналъ, между прочимъ, у Григорія Григорьевича Даниловича и Озеровыхъ и неотступно напоминалъ о немъ, молилъ за него.

Не получая однако быстраго, благопріятнаго отвѣта на свои мольбы, онъ не вытерпѣлъ и написалъ мнѣ письмо, которое я привожу въ сокращенномъ видѣ.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Посылаю Вамъ только-что полученное письмо Дворянки (по мужѣ) Анны Павловны Ш., изъ коего Вы увидите, что нужно поспѣшить устройствомъ куда-либо сына ея Георгія, о чемъ я передъ праздниками просилъ NN. Мнѣ казалось, что для нея не представитъ затрудненія, благодаря близкому родству съ ***, пристроить мальчика въ какое-либо заведеніе, но самъ я не рѣшаюсь повторить эту мою просьбу.

Озеровы такъ сердечно отнеслись къ положенію капеллы и такъ много уже сдѣлали изъ того, что могли сдѣлать, что безпокоить ихъ еще какой-либо просьбой я не могу рѣшиться, а потому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой или напомнить NN о мальчикѣ Георгіи Ш—мъ, или, если напоминаніе Вы найдете неумѣстнымъ, возвратите мнѣ письмо Ш—ой, и тогда я буду выискивать другіе пути для устройства ея симпатичнаго мальчика.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

Увы, на этотъ разъ мои друзья не могли быть ему полезны. Всѣмъ всегда кажется, что человѣку легко пристроить помѣ-

стить мальчика или дѣвочку въ какое-нибудь учебное заведеніе или пріютъ и т. д.—разъ человѣкъ этотъ болѣе или менѣе у власти. На самомъ дѣлѣ и людямъ у власти очень трудно бываетъ это сдѣлать, и въ этомъ случаѣ такъ это и оказалось для моихъ друзей, но зато Г. Г. Даниловичъ помогъ Балакиреву, и черезъ нѣкоторое время, я получила отъ моего дорогого стараго друга письмо, въ припискѣ къ которому онъ говорилъ: „Г. Г. Даниловичъ выхлопоталъ моему otégé—стипендію".

Черезъ годъ или полтора, по случаю того, что мнѣ самой представилась возможность помѣстить какого-нибудь мальчика въ одно изъ лучшихъ учебныхъ правительственныхъ заведеній, въ отвѣтъ на мое предложеніе, Балакиревъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ съ восторгомъ говорилъ, что этого Ш. уже не нужно, что protégé его уже давно хорошо устроенъ въ Москвѣ, въ Ремесленномъ училищѣ.

Въ этомъ же 1900 году Милій Алексѣевичъ сталъ присылать мнѣ записочки и письма своихъ иностранныхъ корреспондентовъ (особенно англичанъ и американцевъ) для перевода на русскій языкъ, и для разбора неразборчиво написанныхъ словъ, французовъ.

Такъ разъ онъ прислалъ мнѣ тщательно скопированную имъ самимъ фразу изъ письма къ нему профессора Парижской консерваторіи Бурго Дюкудрэ и написалъ мнѣ, что выписываетъ всю фразу для того, чтобы я по смыслу могла догадаться, какія слова написаны въ письмѣ.

Въ это время онъ былъ опять боленъ, или вѣрнѣе, сердечная болѣзнь его въ это время обострилась (почему ему былъ прописанъ его любимымъ докторомъ Бородулинымъ, зятемъ покойнаго профессора С. П. Боткина, продолжительный курсъ молочнаго лѣченья), и самъ лично онъ у меня не могъ часто бывать.

Не помню, отвѣтила ли я, т. е. успѣла ли отвѣтить ему на это письмо или нѣтъ (слова не представляли затрудненія для разбора), но на слѣдующее утро я получила вновь записку:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Мнѣ очень совѣстно, что я Васъ по пустякамъ безпокоилъ вчерашнимъ письмомъ.—Пришелъ Ляпуновъ и помогъ мнѣ разобрать слова въ письмѣ Бурго Дюкудрэ, которыя я не могъ

понять.—Кромѣ того, онъ мнѣ сообщилъ важное извѣстіе: въ газетахъ было, что въ понедѣльникъ Рыдзевскій представлялся Ея Величеству въ Аничковомъ Дворцѣ"...

Дальше, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ опубликовать это письмо.

Въ тотъ же день вечеромъ я получила еще письмо съ повтореніемъ извиненій за то, что онъ изъ-за вздора оторвалъ меня отъ серіозной работы. Письмо было съ нужной мнѣ для работы справкой. Справка эта касалась величанья Воскресенью, и онъ писалъ мнѣ слѣдующее:

— „Вамъ нуженъ текстъ величанія Воскресенью, вотъ онъ: „Величаемъ Тя Живодавче Христе насъ ради во адъ сшедшаго и вся съ Собою воскресившаго".

Я не имѣю книги, въ которой это величаніе было бы означено, и пишу Вамъ его на память съ увѣренностію, что я не ошибся ни въ чемъ.

Дорогимъ Вашимъ искренній мой поклонъ.

Преданный Вамъ М. Балакиревъ".

Въ концѣ перваго письма отъ 3-го марта, въ припискѣ онъ сообщалъ мнѣ, я забыла сказать, что въ состояніи его здоровья послѣдовало небольшое улучшеніе.

Затѣмъ 5-го марта, въ отвѣтъ на мой вопросъ: въ какой исторіи можно прочесть подробныя свѣдѣнія о Чехіи? онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

„Интересующія Васъ свѣдѣнія о Чехіи Вы прочтете въ полномъ собраніи сочиненій Гильфердинга, состоящемъ, сколько помню, изъ двухъ только томовъ, которые, въ настоящее время, составляютъ библіографическую рѣдкость. Къ сожалѣнію, я не имѣю ихъ, иначе охотно ссудилъ бы ими Васъ.

Попробуйте справиться о возможности ихъ добыть въ конторѣ Славянскаго общества, помѣщающагося въ угольномъ домѣ (на площади Александринскаго театра), примыкающемъ къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ"...

Въ апрѣлѣ же, т. е. черезъ шесть недѣль послѣ начала молочнаго леченія, въ здоровьѣ его произошло такое улучшеніе, онъ почувствовалъ себя настолько лучше, настолько молодцомъ, что со своей всегдашней готовностью и желаніемъ сдѣлать пріятное друзьямъ, написалъ мнѣ слѣдующія строки:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Очень желаю знать, въ какомъ положеніи Ваше драгоцѣнное здоровье. Я собираюсь въ началѣ мая переѣхать въ Гатчину и мнѣ хотѣлось бы имѣть удовольствіе передъ отъѣздомъ Васъ всѣхъ видѣть у себя.

Душевно Вамъ преданный М. Балакиревъ“.

24 апр. 1900 г.

Затѣмъ 3-го мая новое письмо, въ которомъ, на третьей страницѣ, онъ присоединилъ программу своего концерта.

Концерты его я съ семьей и мои ближайшіе друзья Д. А. и Е. П. Озеровы очень любили, испытывая то рѣдкое счастье, которое доставляетъ истинно прекрасная музыка. Но въ эти первые годы моего вторичнаго сближенія съ Миліемъ Алексѣевичемъ, мнѣ казалось, что ему не можетъ доставлять удовольствіе играть мнѣ одной въ маленькомъ кругу моихъ близкихъ, и я, съ моими друзьями, мысленно отыскивала: кого можно было бы еще пригласить послушать игру Балакирева, кому доставило бы это искреннее наслажденіе?

Увы, какъ ни искали мы мысленно такихъ людей, — ихъ было не много. Помню, какъ разъ я пригласила на такой концертъ дорогую и знакомую мнѣ съ моего дѣтства женщину изъ педагогическаго міра. Насталъ вечеръ, пріѣхали другіе приглашенные, а она нѣтъ. Мы ждали ее до 9-ти часовъ (съ 8-ми). Смущенно просила я Милія Алексѣевича, который произносилъ свои гм-гм, повременить еще пять минутъ, еще... Минуты проходили за минутами, ее ждали, а она все не пріѣзжала.

Наконецъ концертъ начался и прошелъ безъ нея. А послѣ концерта Балакиревъ, со свойственнымъ ему серьезнымъ сарказмомъ, обратился ко мнѣ, смущенной, недоумѣвавшей, почему ея не было?—со словами:

— Вы думаете, что она, дѣйствительно, хотѣла быть? Ошибаетесь! Вмѣсто концерта она предпочла, конечно, извлекать у себя дома ко-орни-съ! Да! Да!.. Вѣдь она математичка? Не такъ ли-съ? Ну вотъ-съ, она и извлекала корни...

... Въ другой разъ на концертъ Милія Алексѣевича я пригласила довольно много свѣтскихъ людей. Между ними была и милѣйшая А. І. В—ва, вдова извѣстнаго меломана генерала В., знакомаго также и Балакирева. Шведка по происхожденію,

дама эта приняла православіе, „обожала“ память своего мужа и сама по себѣ принадлежала къ породѣ людей съ „артистическими наклонностями“. Она и немного пѣла, и немного рисовала, и играла на фортепіано, и занималась мелодекламаціей, тогда только еще входившей въ моду. Послѣдней она очень интересовала знакомыхъ, такъ какъ мелодекламировала по-шведски, всегда что-нибудь крайне трагичное, переводила лишь вкратцѣ сюжетъ передъ началомъ по-французски, и сама блѣднѣла до зелени во время исполненія, переживая душой всѣ передаваемые ею ужасы скандинавскихъ мрачныхъ сагъ, легендъ, стихотвореній и пр.

Балакиревъ священнодѣйствовалъ на концертахъ и молчаливо требовалъ, чтобы священнодѣйствовали и всѣ присутствующіе. Никто изъ запоздавшихъ не впускался въ гостиную, никто не смѣлъ выйти изъ нея. Лакеи не смѣли открыть двери. Словомъ это былъ настоящій концертъ, не свѣтское увеселеніе, когда „вѣжливо“ разрѣшается всѣмъ перешептываться, пересмѣиваться, заниматься flirt'омъ и пр., т. е. иными, Пушкинскими словами, переведенными на прозу, разрѣшается „плевать на тотъ алтарь, гдѣ горитъ огонь и въ дѣтской рѣзвости колебать оракульскій треножникъ“...

Этого плеванія и колебанія Балакиревъ не выносилъ, и всѣмъ приглашаемымъ на концерты это ставилось на видъ.

Всѣ всегда, разумѣется, и вели себя крайне корректно, молодые, боясь даже двинуться.

Также корректно держала себя и M-me B., восторженная по природѣ, но по окончаніи концерта, когда всѣ встали, чтобы перейти пить чай,—она, раньше никогда не слыхавшая игру Милія Алексѣевича, вдругъ, громко обратилась ко мнѣ со словами:

— Princesse, mais où demeure donc cet ange?

Окружавшіе насъ засмѣялись, Балакиревъ, стоявшій еще у рояля и бесѣдовавшій съ кѣмъ-то, поднялъ глаза и посмотрѣлъ на меня, а я, улыбаясь ему, повторила слова M-me B.

— Милій Алексѣевичъ, M-me B. спрашиваетъ про васъ: гдѣ живетъ этотъ ангелъ?

Въ первую секунду Балакиревъ, не разслышавъ слова: „про васъ“, не понялъ, о комъ шелъ вопросъ, но когда Е. А.*** и еще другіе сказали ему: — „про васъ, про васъ M-me B. это спрашиваетъ“, — онъ даже весь вздрогнулъ, потомъ по лицу

его побѣжали какія-то свѣто-тѣни и, подпявъ отъ крышки рояля немного руки, онъ произнесъ съ укоромъ:

— Ахъ, Бо-о-оже мой! — потомъ смущенно, открывая старческій, беззубый ротъ, засмѣялся.

Тѣмъ дѣло бы и кончилось, если бы M-me B., съ которой благодушно сталъ бесѣдовать Балакиревъ, узнавъ отъ него его адресъ и то, что онъ почти всегда живетъ и жилъ въ Петербургѣ и пр., не обратилась къ нему съ вопросомъ: — знакомъ ли онъ съ „Crescendo Lassong'а"?

Въ одинъ мигъ все благодушное выраженіе исчезло съ лица Милія Алексѣевича, сбѣжало, какъ съ перьевъ вода.

(Вѣрно такъ посмотрѣлъ на говорившихъ соловей въ баснѣ Крылова).

— Нѣтъ-съ, не знакомъ!—отрѣзалъ онъ, и глаза его, встрѣтившіе мой взглядъ, метнули насмѣшливыя искры, а M-me B., между тѣмъ, восторженно закатывая глаза, продолжала:

— Ахъ, неужели вы незнакомы? Вамъ слѣдовало бы его играть!.. Именно вамъ. Lassong... онъ умеръ въ чахоткѣ. Онъ только это Crescendo и написалъ и... умеръ... Вотъ фрейлина О—ни тоже не знала Crescendo, но когда я сыграла ей его, она пришла въ такой восторгъ... въ такой!..

Балакиревъ давно издавалъ свои гм-гм, давно съ ехидно-язвительнымъ и вмѣстѣ наивнымъ видомъ, прищурившись, повторялъ: Лассонъ, Лассонъ! Никогда имени его не слыхалъ-съ,— и обводилъ присутствовавшихъ глазами, а я стояла и не знала, какъ прекратить совершенно излишнія изліянія нашей бѣдной свѣтской знакомой.

Долго потомъ, и въ этотъ вечеръ, когда всѣ разъѣхались, и послѣ, приходя ко мнѣ, вспоминалъ Балакиревъ объ этомъ разговорѣ и смѣшилъ меня, разсказывая, какъ Lassong написалъ сначала Crescendo, а потомъ Diminuendo, послѣ котораго... н-да,—да, и умеръ!..

Послѣ концертовъ за чаемъ и легкимъ ужиномъ Милій Алексѣевичъ, зная, что людей надо занимать, чувствуя, что этого отъ него ждутъ, что иначе временами будетъ наступать молчаніе,—портящее вечеръ, какъ портятъ ткань не затканныя, голыя, съ просвѣчивающей основой мѣста, всегда переходилъ на близко знакомую ему жизнь двухъ сановниковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже нашимъ другомъ, прохаживался на ихъ

счетъ, разсказывалъ безобидные анекдоты, острилъ и смѣшилъ всѣхъ.

Серіозно, т. е. на серіозныя, близкія его душѣ темы онъ въ эти вечера никогда не говорилъ. Помню, какъ разъ онъ насмѣшилъ всѣхъ до слезъ, разсказавъ о томъ, какъ какой-то французъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для изученія русской свѣтской жизни, чтобы написать потомъ романъ изъ этой жизни, обратился къ кому-то съ просьбой-вопросомъ:

— Скажите мнѣ, есть у русскихъ особыя, національныя имена? — Есть. — Назовите, пожалуйста, какое-нибудь женское имя.

— Ну... Телятина.

— На слѣдующее утро новая глава была написана французомъ, изучающимъ русскую жизнь,—продолжалъ Балакиревъ:— и начиналась такъ; это про молодую дѣвушку, героиню: — „Télatine était seule dans sa chambre...“

Балакиревъ картавилъ, т. е. отъ рожденія произносилъ р какъ французы, и потому короткія французскія фразы (хорошо французскаго языка онъ не зналъ) выходили всегда у него съ чисто парижскимъ акцентомъ.

Забавно разсказывалъ онъ также про покойнаго петербургскаго митрополита Исидора.

Нѣкоторые анекдоты, впрочемъ, не представляется возможнымъ передать. Они касаются дѣятелей, живущихъ понынѣ; другіе же, такъ сказать, уже безобидны, такъ какъ затрагиваютъ лицъ „сраму не имущихъ“.

Изъ послѣдней категоріи уморителенъ былъ его разсказъ про покойную игуменью Новодѣвичьяго монастыря Валентину, пріѣхавшую по дѣлу утромъ къ Владыкѣ.

— Она выпивала-съ,—разсказывалъ серіозно Балакиревъ.— Вы не слыхали? Какъ же-съ. И вотъ пріѣзжаетъ она разъ къ Исидору. А ему уже донесли на нее. Н-да-да!.. Здоровается, дѣлаетъ метаніе, начинаетъ говорить. А Исидоръ ей...—(Балакиревъ мѣняетъ тонъ и голосъ на очень тонкій). — Ближе!.‘ Валентина дѣлаетъ шагъ впередъ и опять говоритъ, а онъ ей опять: (Голосъ Балакирева еще тоньше)—ближе! ближе!.. (Интонаціи Балакирева непередаваемы по юмору). Наконецъ Валентина совсѣмъ у кресла Владыки. — Ногнись... ногнись! — говоритъ старчески тихо Исидоръ на о... Іещэ... Іещэ!... Не слышу... Къ уху ногнись... — Она какъ нагнулась... (Балакиревъ говоритъ своимъ собственнымъ голосомъ). Онъ потянулъ носомъ,

почувствовалъ запахъ водки и закачалъ головой. (Опять подражаніе жиденькому тенорку Исидора)—И это ты такъ съ утра!!..

Другой анекдотъ, который запомнился мнѣ и относился также къ тому же митрополиту, касался его и пріѣзжихъ откуда-то изъ провинціи монахинь. Онѣ пріѣхали къ митрополиту и вошли въ пріемный залъ. Митрополитъ вышелъ къ нимъ, благословилъ ихъ, потомъ ихъ напоили чаемъ, накормили, затѣмъ владыка вторично вышелъ къ нимъ, сталъ разглядывать ихъ, разговаривать съ ними и вдругъ поднялъ руки и говоритъ: матери мои, гляжу я на васъ, да какія же вы всѣ рожи!!..

Въ этихъ и подобныхъ разсказахъ, весело проходило время послѣ концерта, и всѣ разъѣзжались, смѣясь и съ удовольствіемъ поминая остроуміе Милія Алексѣевича.

Впрочемъ, нѣкоторые оставались и этимъ недовольны и говорили, что „предпочитаютъ“ игру Балакирева его всегда вызывавшимъ смѣхъ, но „злымъ“ разсказамъ!!

Письмо отъ 3-го мая было слѣдующее:

Глубокоуважаемая Княгиня Марія Васильевна.

Распоряженія касательно рояля сдѣланы. Онъ будетъ доставленъ къ Вамъ въ четвергъ. На оборотѣ письма Вы увидите программу піэсъ, которыми я намѣренъ Васъ угостить. Желательно, чтобы она была переписана въ нѣсколькихъ экземплярахъ для Вашихъ гостей. Въ этомъ могли бы помочь Ваши милыя дѣти, а можетъ быть и добрѣйшая Екатерина Петровна не откажется написать машинкой нѣсколько экземпляровъ.

И такъ до четверга.

Искренно Вамъ преданный М. Балакиревъ.

Liszt.	Nocturne № 1.
„	Consolation № 9.
„	Sonnetto di Petrarca № 1.
„	„Il Penseroso“ (написано подъ вдохновеніемъ статуи Микель-Анджело надъ гробницей Medici во Флоренціи).
„	Polonaise (C-moll).
Schumann.	Romance (Fis-dur).
„	Novelette № 3.
„	Vogel als Prophet.
„	Novelette № 2.

Chopin. Mazurka (A-moll).
„ Nocturne (Des-dur).

Балакиревъ. Фантазія на темы изъ оперы „Жизнь за Царя".

...Надо сказать, что другъ мой, Екатерина Петровна Озерова, часто переписывала для редакцій мои литературныя работы и для того взяла взаймы у князя А. В. Б. маленькую печатную машинку Diamond. Про это и вспомнилъ теперь Милій Алексѣевичъ.

Не помню только, была ли переписана программа на машинкѣ или нѣтъ, но помню то неизгладимое впечатлѣніе, которое оставило его исполненіе „Il Penseroso" („Задумавшійся" рыцарь, одиноко смотрящій на входящія въ гробницу одно за другимъ поколѣнія людей).

Это было что-то непередаваемое по глубинѣ и философски-религіозному величію. Думы Il Penseroso о каждомъ поколѣніи въ звукахъ рождались, росли, крѣпли... Поколѣніе надѣялось, любило, строилось, укрѣплялось и вдругъ... умирало, уничтожалось, падало въ одинъ мигъ, сокрушеннымъ!.. И снова являлись новыя думы, новое поколѣніе, которое также росло, также переживало всю положенную ему эволюцію и также разрушалось безъ остатка, уступая мѣсто слѣдующимъ и слѣдующимъ думамъ и слѣдующимъ живущимъ... и все исчезало, рушилось.. оставалось одно: вопросъ... и вѣчность.

Это геніальное симфоническое произведеніе великаго симфониста Листа, я думаю, никогда еще не находило такого подходящаго для себя исполнителя, какъ Балакиревъ. Изъ-подъ пальцевъ его, какъ изваянныя на мраморномъ челѣ думы, выходили звуки, увеличивающіеся до громадъ, и затѣмъ сокрушались, какъ гранитныя глыбы... Холодокъ точно морозилъ щеки, и душа слушающихъ вмѣстѣ съ исполнителемъ переживала восторгъ...

Съ этого вечера „Il Penseroso" сталъ одной изъ нашихъ самыхъ любимыхъ пьесъ, и Балакиревъ нѣсколько разъ въ годъ, пока былъ въ силахъ, исполнялъ ее.

Послѣ этого концерта въ началѣ мая онъ скоро переѣхалъ въ Гатчину, и оттуда, 20-го того же мѣсяца, я получила оригинальное и вмѣстѣ трогательное по своей какой-то милой наивности письмо. Привожу его почти цѣликомъ, такъ какъ, по-моему, оно освѣщаетъ ту сторону души Милія Алексѣевича, которая какъ бы говоритъ: homo sum et humani nihil a me alienum puto.

Гатчина. Новая улица 4. 20 мая 1900 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Давно собирался написать вамъ и спросить васъ о вашихъ дѣлахъ и о душевномъ вашемъ настроеніи. Объ этомъ трудно бесѣдовать письменно, но до нѣкоторой степени возможно.

Сегодня пишу къ вамъ подъ впечатлѣніемъ сна. — Этой ночью я видѣлъ во снѣ вашего отца, который былъ веселъ, доволенъ, улыбался и радовался тому, что разбогатѣлъ, при чемъ я подумалъ: *надолго ли?*—Онъ мнѣ подарилъ что-то много денегъ, и я слышалъ внутри себя какой-то нехорошій голосъ, говорящій мнѣ: „не будь щепетиленъ и бери, коли даютъ. Тебѣ же деньги вѣдь очень нужны".

Я дѣйствительно взялъ отъ него въ подарокъ деньги и такъ радовался обладанію значительной суммой, что едва повѣрилъ проснувшись, что это было *во снѣ*.

Я всегда замѣчалъ, что если во снѣ я получаю деньги, то на яву мнѣ приходилось очень расходоваться не по средствамъ и къ тому же совсѣмъ неожиданно. — Такъ и теперь я жду какой-нибудь непріятности денежной и неожиданной.

Во снѣ я такъ былъ тронутъ добрымъ ко мнѣ чувствомъ вашего отца, что не переставалъ его обнимать и *крестить*, при чемъ я сталъ замѣчать, что лицо его какъ-то незамѣтно измѣнилось.

Сообщите о вашемъ здоровьѣ...

Буду ждать отъ васъ извѣстій.

Душевно вамъ преданный М. Балакиревъ".

На это письмо я отвѣтила ему откровенно, и у насъ завязалась переписка, которую онъ называлъ полемикой, и которая представляетъ изъ себя не мало интереса, для выясненія его глубокой вѣры, но которая, въ настоящее время, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опубликована.

Впослѣдствіи, по поводу его письма о моемъ отцѣ, я нѣсколько разъ спрашивала его: не оправдалось ли его предчувствіе денежныхъ непріятностей? Но, къ счастью, оказалось,— нѣтъ, не оправдалось!

Въ этомъ же году я съ удивленіемъ узнала еще черту Милія Алексѣевича. Онъ, такъ тонко понимавшій все неосязаемо высокое, прекрасное, если позволено будетъ такъ выразиться,—музыку, поэзію, религію, вѣру—онъ оставался совершенно чуждымъ тому, что принято называть эстетикой. Онъ не признавалъ красоты внѣшняго устройства жизни, оставался глухъ и слѣпъ къ ней.

Разъ онъ поразилъ меня въ разговорѣ, серіозно заявивъ, что не видитъ разницы между чудной, старинной работы, стоявшей тутъ же громадной бронзовой, лампой-вазой, и голубымъ рыночнымъ фонарикомъ (точнѣе лампой съ синимъ колпакомъ), висѣвшимъ у него въ гостиной.

На мое возраженіе: что этого не можетъ быть! (онъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной) онъ остановился передо мной и нѣсколько разъ серіозно, глядя мнѣ въ глаза, повторилъ:

— Не вижу-съ! Какая же въ этой лампѣ особая красота? Какая разница? Не вижу-съ... Не вижу разницы-съ... и этимъ навсегда прекратилъ у меня охоту доказывать ему что-нибудь, спорить съ нимъ о чемъ-нибудь, касающемся эстетики. Впрочемъ, совершенно не знаю, былъ ли онъ, до рѣзкости искренній и правдивый вообще,—искрененъ въ этомъ случаѣ или была это просто то, что французы называютъ une boutade, камешекъ въ мой огородъ, такъ какъ я преклоняюсь до сихъ поръ и всю жизнь преклонялась передъ всѣмъ прекраснымъ въ мірѣ, т. е. даже передъ любыми красивыми предметами любого прикладного искусства.

Лѣто 1900 года мы проводили въ Гапсалѣ, но въ концѣ іюля, вслѣдствіе кончины дорогого Александра Петровича Озерова, отца Давида Александровича и нашего большого друга, спѣшно должны были вернуться въ Петербургъ, къ его похоронамъ. Послѣ похоронъ въ Гапсаль мы уже не вернулись, а осень снова провели въ Гатчинѣ, въ помѣщеніи, данномъ Е. П. и Д. А. Озеровымъ въ императорскомъ дворцѣ.

Балакиревъ обрадовался нашему переѣзду въ его любимую Гатчину и по-прежнему сталъ бывать у насъ.

Разъ какъ-то я, предупредивъ его письмомъ о моемъ посѣщеніи, зашла къ нему, но онъ спалъ и я, не велѣвъ будить его, ушла. На слѣдующее утро я получила письмо:

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

Въ воскресенье посѣщеніе ваше было совсѣмъ неожиданнымъ для меня, и я очень сожалѣю, что вы не позволили меня разбудить. — Вечеромъ въ тотъ же день я заходилъ къ вамъ, чтобы сказать, что я никакого письма отъ васъ не получалъ. Изъ словъ вашихъ дѣтей я узналъ, что и вы не получали моего письма. Что бы это значило!?

На этой недѣлѣ у меня пятница, суббота и воскресенье не свободны. Остальные же дни я свободенъ, и отъ васъ зависитъ

выбрать удобный для васъ день нашего свиданія, которое можетъ произойти у васъ или у меня.

Я предпочелъ бы сдѣлать наше собраніе у меня, такъ какъ у меня имѣется недурной рояль, и я могъ бы угостить моихъ дорогихъ гостей музыкой.

Пишу вамъ *заказнымъ*, и потому надѣюсь, что это письмо не пропадетъ.

Душевно вамъ преданный

М. Балакиревъ".

23-го августа 1900 г.

Новая улица 4.

„Отвѣтъ вашъ отправьте *заказнымъ*, или пришлите съ нарочнымъ, чтобы онъ не пропалъ, подобно вашему письму".

Когда мы свидѣлись съ нимъ, у насъ произошелъ слѣдующій комическій разговоръ о почтовыхъ порядкахъ.

Милій Алексѣевичъ почему-то былъ увѣремъ, что особенно много теряется писемъ, опущенныхъ въ почтовые ящики, помѣщающіеся въ стѣнахъ дворцовъ.

Какъ ни разубѣждала я его въ противномъ,—онъ стоялъ на своемъ и бранилъ наши почтовые порядки вообще.

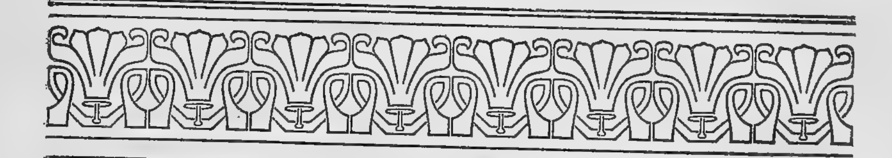
— Вы знаете ли-съ, что у насъ дѣлается?—по привычкѣ откашливаясь, говорилъ онъ.—Нѣтъ, не знаете-съ! Представьте себѣ, разъ мнѣ спѣшно нужно было послать телеграмму...

(Тутъ, для точности, я должна оговориться, что навѣрное не помню, въ Царское ли, въ Павловскъ, или въ Петергофъ нужно ему было, по его словамъ, изъ Гатчины послать депешу).

— Пишу, — продолжалъ Балакиревъ, — отношу самъ и думаю,—телеграмма будетъ на мѣстѣ черезъ нѣсколько минутъ, а черезъ часъ или два придетъ ко мнѣ отвѣтъ. Спрашиваю на телеграфѣ: какъ скоро будетъ моя телеграмма доставлена адресату? Это, говорятъ, неизвѣстно. Мы ее сейчасъ отправимъ а когда она изъ Петербурга пойдетъ, этого мы сказать не можемъ.—Изъ Петербурга? Зачѣмъ же-съ вы ее отправите въ Петербургъ?..—спрашиваю. И что же-съ оказалось?.. Нда, да!.. Всѣ телеграммы изъ Гатчины-съ идутъ не прямымъ путемъ, а кружнымъ, черезъ главный столичный почтамтъ! Видите-съ!.. Гені-а-аальное-съ распоряженіе!.. — проговорилъ громко Милій Алексѣевичъ.—Я и говорю на телеграфѣ чиновникамъ: а что снята форма головы вашего почтъ-директора? Его черепъ измѣрить бы надо для вразумленія потомства. Нда... нда!..

Княгиня **М. В. Волконская.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ Г. А. Де-Воллана.

После некотораго размышленія я решилъ поступить въ Министерство Иностранныхъ Делъ. Тамъ занимались политикою, которая была моею всегдашнею слабостью.— Я буду знать пружины, по которымъ движется все, говорилъ я себе.—Первый приступъ былъ неудачный. Товарищъ министра Вестманъ поразилъ меня своимъ самодовольнымъ и своимъ высокомернымъ видомъ. Онъ долго объяснялъ мне, что все занято. Только благодаря Гамбургеру и Стремоухову я попалъ въ Азіатскій Департаментъ.—Незнаніе жизни и некоторая замкнутость въ себе не понравилась сначала товарищамъ. Они сказали про меня il se prend au sérieux. Но это было только вначале. Потомъ большинство меня полюбило, выгораживало передъ начальствомъ и восхваляло мои способности. Такими друзьями моими сделались бар. Розенъ, бар. Стуартъ, Персіани, Шимановскій и проч. Были и чернорабочіе, которые не были приняты въ наше общество. Такимъ былъ Суровцевъ.—Несчастный умеръ въ чахотке въ Швейцаріи.—Я сначала не ходилъ къ Стремоуховымъ, но потомъ сделалъ ему визитъ.— Серьезнее всехъ понималъ свои обязанности самъ Стремоуховъ, весьма талантливая личность. Лицо у него было бритое (à lame de couteau), острое, какъ лезвіе ножа. Онъ былъ чрезвычайно ловокъ, вкрадчивъ и имелъ большое вліяніе на канцлера. Ко мне онъ благоволилъ, и я остался ему за это очень благодаренъ, и не отказался отъ него тогда, когда онъ палъ. Онъ работалъ чрезвычайно легко, зналъ великолепно Востокъ. Ему поручалось самое важное въ министерстве. Главнымъ достоинствомъ его было то, что онъ былъ русскій въ полномъ смысле

этого слова. Русскіе интересы стояли у него на первомъ планѣ, не такъ, какъ у нѣмцевъ министерства (Вестмана и друг.). Обращеніе его съ подчиненными было безукоризненное. Никогда не слышался начальническій тонъ, напротивъ, онъ былъ всегда вѣжливъ, любезенъ и если былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то онъ никогда не позволялъ себѣ ни одного обиднаго слова.

Изъ бумагъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ, я узналъ о разговорѣ Стремоухова съ Тьеромъ, а потомъ съ Бисмаркомъ. Послѣднее тѣмъ меня поразило, что Желѣзный Князь предлагалъ по-просту подѣлить Австрію. Отчего не согласились наши великіе мужи, или они боялись, что Германія захватитъ себѣ львиную часть? — Кончилось тѣмъ, что Бисмаркъ заключилъ союзъ съ Австріей противъ насъ. Стремоуховъ умѣлъ отличать способныхъ людей, но онъ не особенно приближалъ ихъ къ себѣ. Іонинъ, Стуартъ послѣ долгихъ лѣтъ получили выдающіеся посты.—Онъ выдвигалъ такихъ, которые придерживались пословицѣ: „кадиломъ рыла не разобьешь“. Такими были: Мельниковъ—бездарная и надутая личность. Правда, онъ работалъ какъ волъ. Находясь даже въ качествѣ вице-директора, онъ былъ на побѣгушкахъ у Стремоухова. А когда Стремоуховъ лишился своей власти вязать и рѣшать, онъ повернулъ ему спину и прилѣпился къ Жомини. — „Не смѣть свое сужденіе имѣть“ было Мельникова лозунгомъ; а когда онъ начиналъ говорить, то *мякалъ* (мя... мя) по выраженію Стуарта.

Когда я поступилъ въ Азіатскій Департаментъ, то вице-директоромъ былъ баронъ Остенъ-Сакенъ, начальникомъ отдѣленія баронъ Дмитрій Ѳедоровичъ Стуартъ и дѣлопроизводителемъ VIII к. или столоначальникомъ былъ баронъ Романъ Романовичъ Розенъ... Экзаменъ дипломатическій не трудно было сдать. На первыхъ порахъ я поспорилъ съ своимъ начальствомъ, которое требовало, чтобы я писалъ Азіятскій съ *я*, а не съ *а*, какъ это принято въ литературѣ. Я сошелся и съ моимъ начальствомъ и съ товарищами. Барона Остенъ-Сакена многіе знаютъ по Географическому Обществу. — Онъ былъ тогда недоступенъ для насъ, молодежи. Прежде всего потому, что у вице-директора особый кабинетъ и туда пойдешь только по дѣлу.—Онъ зналъ очень хорошо покойнаго Гильфердинга. Баронъ Остенъ-Сакенъ представлялъ собою типъ основательнаго германца. Немного педантъ, но человѣкъ въ высшей степени порядочный, знающій свое дѣло и любящій Востокъ.

Его Стремоуховъ не долюбливалъ и постарался сбыть его куда-нибудь. Онъ былъ переведенъ директоромъ внутреннихъ сношеній, — хорошее назначеніе для спеціалиста по Востоку. Баронъ Дмитрій Өедоровичъ Стуартъ былъ душою общества. Остроумный даже съ излишествомъ, потому что изъ-за краснаго словца не жалѣлъ ни матери, ни отца, онъ маленькими шажками перебѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, сыпалъ остротами. Онъ подсмѣивался рѣшительно надъ всѣми, но на него никто не обижался. Хотя онъ казался легкомысленнымъ, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ добросовѣстный работникъ, любящій свое дѣло. Онъ хвалился тѣмъ, что у него былъ священный огонь. Я близко сошелся съ нимъ и со всею его семьею, съ женою и съ двумя мальчиками, съ которыми я возился, игралъ. Съ Стуартомъ мы спорили напропалую и вели нескончаемые русскіе разговоры. Потомъ мы выпили на брудершафтъ и вообще, я считалъ его однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей. Въ то время, когда я его встрѣтилъ, онъ былъ не очень красивъ, обликъ британскій: бритое лицо съ баками, подслѣповатъ, въ очкахъ и съ лысиной во всю голову. — Его друзья иногда въ шутку цѣловали его лысину и вообще прохаживались на его счетъ. Больше всего ему доставалось отъ его товарища по Лицею Персіани, котораго мы окрестили Протестъ (вмѣсто Виктора) Ивановичъ.—Онъ всегда шумѣлъ, даже кричалъ, былъ вхожъ къ Стремоухову, который мирился съ его крикливой и протестующей манерой. Персіани былъ единственный человѣкъ съ характеромъ.—Онъ былъ крикунъ, это правда, но въ немъ было много благородныхъ чертъ.

Съ барономъ Розеномъ мы скоро сошлись на ты, и онъ былъ скорѣе моимъ товарищемъ, чѣмъ моимъ начальникомъ. Онъ не былъ такой ретивый работникъ, какъ Стуартъ, не напрашивался на работу (какъ я дѣлалъ сначала по неопытности), но отъ дѣла не бѣгалъ и исполнялъ его очень хорошо. Онъ былъ свой у Стремоухова, какъ и его другъ Григорій Вилламовъ, недоучившійся гимназистъ, какъ о немъ выразился баронъ Остенъ-Сакенъ. Въ департаментѣ былъ Bonichêne (Велецкій), mandarin Bros (Броссе). Всѣ эти клички были даны Стуартомъ. Я бывалъ у Стремоуховыхъ только съ визитомъ и довольно рѣдко. У Стремоуховыхъ, какъ мнѣ говорили, шла большая игра и мнѣ тамъ нечего было дѣлать... При немъ Азіатскій департаментъ сдѣлался осью нашей внѣшней политики. Онъ пользовался благосклонностью канцлера, который

прочилъ его въ товарищи министра... Я забѣгу немного впередъ, чтобы познакомить съ Стремоуховымъ. Но дѣло не выгорѣло, и Петръ Николаевичъ Стремоуховъ подалъ въ отставку, когда на мѣсто товарища министра назначили Гирса. (Я поступилъ еще при Вестманѣ, который потомъ умеръ). Горчаковъ, хотя и выставлялъ кандидатуру Стремоухова, былъ доволенъ назначеніемъ Гирса, который женатъ былъ на племянницѣ канцлера княжнѣ Кантакузиной. Гирса назначили вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющимъ Азіатскимъ департаментомъ. Канцлеръ, котораго я никогда не видѣлъ (теперь не знаю почему), послѣ назначенія Гирса, какъ-то пригласилъ кого-то къ обѣду и сказалъ при этомъ: „у меня за обѣдомъ будетъ каша..." Подаютъ супъ, а каши никакой нѣтъ. Потомъ канцлеръ спрашиваетъ Гирса: ну, что, какъ дѣла... Гирсъ, хватаясь за голову, говоритъ: „ахъ, у меня такая каша въ головѣ". Канцлеръ только взглянулъ на гостя... Это было обычное изреченіе Гирса [1], и онъ мнѣ говорилъ это не разъ... Пока отъ него ожидали богатыя милости, у него на пріемахъ была толчея. У него были, конечно, враги, но ихъ не было видно. Но когда стало извѣстно, что онъ уѣзжаетъ въ свою деревню, то кругъ друзей его порѣдѣлъ. Даже не нашлось людей, чтобы дать ему обѣдъ. И онъ, предвидя все это, скоропалительно собрался, и тѣмъ, которые хотѣли почтить уходившаго начальника, осталось только пригласить его на трапезу передъ самымъ уходомъ поѣзда, къ Палкину. Я не буду говорить, кто не былъ на этомъ обѣдѣ... Былъ, конечно, Стуартъ, Персіани, только-что поступившій въ Азіатскій департаментъ князь Сергѣй Шаховской (впослѣдствіи губернаторъ въ Балтійскомъ краѣ) и еще два-три человѣка... Обѣдъ былъ невеселый. Я никогда не забуду, какъ мадамъ Стремоухова, сидя за закусочнымъ столомъ, роняла крупныя слезы въ свою тарелку. Петръ Николаевичъ держался бодро, но и онъ, произнося прощальный спичъ, прослезился. Онъ все думалъ, что фортуна улыбнется ему, но онъ такъ и остался въ своемъ чудномъ имѣніи (я его посѣтилъ потомъ) въ Курской губерніи.

---

[1]) Мнѣ пришлось ему не разъ докладывать о дѣлахъ. Такъ какъ Мельниковъ (вице-директоръ) и Базилевскій, начальникъ отдѣленія, они оба Александры Александровичи, то Гирсъ спросилъ меня: и вы, можетъ быть, тоже Александръ Александровичъ; ну слава Богу—вы Григорій Александровичъ.

Въ то время я взялъ роскошный номеръ въ гостинницѣ „Демутъ“. Жилось мнѣ въ Петербургѣ очень весело. Я тогда говорилъ про себя В. Е. (jeune, beau, riche и слѣдовало прибавить „stupide“. Въ тѣ времена Патти, Лукка, Нильсонъ, производили по очереди фуроръ. Патти я встрѣчалъ въ обществѣ у Лидіи Михайловны Жербиной, которая давала балы, вечера. Я очень любилъ бывать у брата ея Саввы Михайловича Яковлева и у жены его Зои Юрьевны, которая потомъ написала нѣсколько повѣстей и даже пьесу. Насъ шуткой называли „наши посѣтители“... Она читала свои романы, я свои... Бывалъ также у сенатора Сергѣя Ивановича Заруднаго, очень интереснаго человѣка, автора книги о Беккаріи. У него была многочисленная семья. Жена его Зоя Александровна постоянно ссорилась съ мужемъ, и семейныя сцены происходили даже при чужихъ. Зарудный, насколько я его понялъ, не любилъ заискивать въ людяхъ. Когда Побѣдоносцевъ, съ которымъ онъ былъ хорошо прежде знакомъ, оказался въ силѣ, онъ не навязывался къ нему и даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, а Зоя Александровна, напротивъ, искала укрѣпить такого рода связи, и отъ этого происходили стычки между мужемъ и женою.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ департаментѣ Стуартъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: я слышу, что ты ужасно интересуешься славянствомъ. Хочешь поѣхать секретаремъ консульства въ Сараево?.. Я сказалъ, что я поѣду съ удовольствіемъ. Многіе не понимали, какъ человѣкъ обезпеченный ѣдетъ въ такую глушь. „Да тамъ сопьешься“, говорили мнѣ. Я уже ожидалъ своего назначенія, какъ меня позвали въ кабинетъ Стремоухова...—Я слышу, сказалъ онъ, что вы хотите ѣхать за границу, въ славянскія земли. Есть ли у васъ средства? Я сказалъ, что да и очень достаточныя.—Въ такомъ случаѣ, вотъ что — Ладыженскій, секретарь генеральнаго консульства въ Будапештѣ, жалуется, что онъ не можетъ жить тамъ за недостаткомъ средствъ. Хотите ѣхать туда?.. И тамъ вы познакомитесь съ славянствомъ, во всякомъ случаѣ, это большой городъ, а не какая-нибудь глушь. Я, конечно, согласился и былъ вскорѣ назначенъ въ Будапештъ, а Ладыженскаго перевели въ Бѣлградъ.

Стуартъ озлился на это назначеніе. Розенъ отговаривалъ меня ѣхать, находя, что я сдѣлаю лучшую карьеру въ Петербургѣ.—И что вы тамъ потеряли? Онъ меня, дѣйствительно, любилъ и желалъ мнѣ добра.

Въ Будапештъ я попалъ еще неопытнымъ дипломатомъ. Я былъ слишкомъ молодъ; наличность матерьяльныхъ средствъ дала мнѣ слишкомъ большую независимость. У молодыхъ людей, попадающихъ на такіе отвѣтственные посты, невольно закружится голова.

Подумайте только: въ Петербургѣ я только по наслышкѣ зналъ, что существуютъ государственные люди, и если съ ними встрѣчался, то они меня, какъ молодого человѣка, не удостаивали своими разговорами... Въ Пештѣ же, благодаря извѣстнымъ обстоятельствамъ, я сразу очутился лицомъ къ лицу не только съ видными лицами Пештскаго общества, но и съ самимъ Андраши и другими министрами.

Первое мое знакомство въ Вѣнѣ—посланникъ нашъ Новиковъ. Я говорилъ ему о сочувствіи къ славянамъ, но это его, какъ мнѣ показалось, очень мало тронуло. Онъ мнѣ сказалъ, что Блюмеру (генеральному консулу въ Пештѣ) жизнь тамъ не нравится. Трудно сойтись тамъ съ мадьярами. Они считаютъ его ни во что.

Вообще, мнѣ показалось, что Новикову все равно, существуютъ ли славяне въ Австріи, а скорѣе онъ думалъ о томъ, какое содержаніе получитъ онъ изъ министерства. Въ головѣ его сидѣла мысль сдѣлаться посломъ и получить 14 т. добавочнаго содержанія... Славяне къ нему относились враждебно, потому-то онъ не только не принималъ ихъ, но и не хотѣлъ видѣться съ оппозиціонными депутатами, какъ, напримѣръ, съ гр. Гогенвартомъ [1]. То же говорили и о Блюмерѣ. — Блюмеръ очень хорошій, кажется, семьянинъ, джентльменъ, но Россіи не видѣлъ уже 15 лѣтъ и потому судитъ ее такъ, какъ иностранцы... Педантъ, большой руки. Славянъ онъ просто не знаетъ. Напримѣръ, онъ не зналъ, что сербы и хорваты одинъ народъ, толковалъ о томъ, что хорошо бы было ввести латинскій шрифтъ въ Россіи. Кажется, онъ былъ прежде секретаремъ въ Дрезденѣ, и въ Дрезденѣ осталась жить его семья (впрочемъ изъ видовъ экономіи). Онъ жилъ въ Пештѣ поневолѣ въ гостиницѣ и только и думалъ, какъ бы уѣхать въ Дрезденъ. Когда я пріѣхалъ, онъ познакомилъ меня съ руководителемъ венгерской политики, записалъ въ клубы и уѣхалъ въ Дрезденъ. Мнѣ это очень не понравилось. Не боги горшки обжигаютъ, сказалъ я. Я зналъ, что Блюмеръ, когда писалъ

---

[1]) Теперь я нахожу, что Новиковъ былъ совершенно правъ.

донесенія, то матеріалъ извлекалъ изъ мѣстныхъ газетъ. Я сразу сталъ управляющимъ генеральнаго консульства, сносился съ венгерскими властями, знакомился и съ золотою молодежью, тратилъ свободно деньги и былъ всюду принятъ. Со мною бесѣдовали сѣдовласые старцы, такія личности, какъ лордъ Лофтусъ (англійскій посолъ), вскакивалъ съ мѣста и привѣтствовалъ меня. Все это льстило моему тщеславію и самолюбію, и я вообразилъ себя персоною.

На первыхъ порахъ мнѣ повезло, и я очень хорошо справлялся съ своей обязанностью. (Конечно, эти „частые отпуски" Блюмера были неизвѣстны въ Петербургѣ). Какъ-то я прочиталъ въ газетѣ, что Великая Княгиня Александра Іосифовна пріѣзжаетъ въ тотъ же день въ Пештъ и на пароходѣ поѣдетъ по Дунаю. Я бѣгу къ Блюмеру узнать, что нужно дѣлать.— Блюмеру очень не хотѣлось отложить своей поѣздки, и онъ сказалъ мнѣ: „Вамъ нужно ѣхать на пароходъ представиться Великой Княгинѣ. Она, вѣроятно, васъ не приметъ... Ну и все"... Я такъ и сдѣлалъ. Великая Княгиня очень мило приняла меня и, узнавъ въ разговорѣ, что у меня дача въ Крыму, очень заинтересовалась этимъ обстоятельствомъ, справлялась, гдѣ дача и т. д. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, она подала свою руку, которую я поцѣловалъ и потомъ я ушелъ...На пароходѣ я сталъ искать, чтобы проститься, церемоніймейстера барона Рамзая, но въ это время кто-то тоже искалъ его. Я слышалъ слова: „Великая Княгиня требуетъ барона Рамзая". Послѣдній, не обращая на меня никакого вниманія, побѣжалъ къ Великой Княгинѣ. Но онъ сейчасъ же вернулся и передалъ мнѣ приглашеніе Великой Княгини пріѣхать вечеромъ пить чай... Вечеръ былъ чудесный, и Великая Княгиня съ другими дамами пила чай на палубѣ. Великая Княгиня была въ духѣ, разсказывала очень много о своей дочери Королевѣ Греческой, иногда разспрашивала меня про Пештъ и т. д. Вообще разговоръ былъ оживленный, говорили о литературѣ, однимъ словомъ, затрагивались разные предметы. Затѣмъ, когда я уже сталъ прощаться, то Великая Княгиня пожелала мнѣ много успѣха въ моей карьерѣ и т. д.

И съ мадьярами мнѣ сначала повезло, если вспомнить, какъ они обращались съ иностранными консулами и даже съ моимъ начальникомъ Блюмеромъ. Нѣкоторые по цѣлымъ недѣлямъ сидѣли съ нимъ рядомъ и не думали о томъ, что имъ нужно представиться ему.

Я познакомился съ молодежью и былъ представленъ министру графу Андраши, Бала Венкхеймъ. Самъ Блюмеръ, вернувшись изъ Дрездена, изумился моимъ успѣхамъ въ венгерскомъ обществѣ. Разсчитывая каждую копейку и живя на два дома, онъ, конечно, не тратилъ такъ много, какъ его секретарь. Увидѣвъ, что дѣло не страдаетъ, что я пишу донесенія, даже одобряемыя въ Петербургѣ, онъ опять укатилъ въ Дрезденъ.

Изъ мадьяръ мнѣ больше всего пришлось разсуждать съ гр. Чаки (Czaky). Это былъ спокойный мадьяръ, аристократъ, говорящій по-нѣмецки безъ шовинизма и очень начитанный. Стараго гр. Пальфа мадьяры не любили за отступничество отъ мадьяризма, считали австрійцемъ. Типъ стараго аристократа, утонченность, любезность обращенія, говорилъ замѣчательно хорошо по-французски и скептически относился къ новымъ порядкамъ... Былъ также въ это время Батіани, красивый брюнетъ, молодецъ собою, любитель скачекъ, но относительно умственнаго немного слабъ. Вообще молодежь отличалась невѣжествомъ (не то, что старики). Они, послѣдніе, представляли собою аристократію въ полномъ смыслѣ слова на представленіяхъ при дворѣ, на охотахъ, въ которыхъ принимали участіе король и королева.

Въ толпѣ этихъ блестящихъ, красивыхъ и здоровенныхъ рыцарей какъ-то смиренно выглядывалъ король въ своемъ штатскомъ платьѣ, или когда они являлись ко двору въ своихъ атитла (накидка) и небрежною походкою проходили залы дворца, считая себя какъ дома. Въ нихъ заискивалъ вѣнскій дворъ, и они это очень хорошо понимали. Прежде всего Андраши, который былъ приговоренъ къ смертной казни послѣ венгерской революціи, былъ теперь имперскимъ канцлеромъ и persona gratissima.

То и дѣло Императорская семья была въ Геделле (Венгрія). Я самъ видѣлъ императрицу на охотѣ, венгерскіе молодые люди держались тогда, по моему мнѣнію, слишкомъ свободно съ своей королевой (въ Пештѣ она была венгерская королева), но такъ было принято въ Вѣнѣ. Въ Гофбургѣ царилъ строгій этикетъ, а въ Венгріи—свобода. Хотя въ Пештѣ были только генеральные консулы, но венгерцы, желавшіе всячески имѣть свой особый дипломатическій корпусъ, старались повысить значеніе консуловъ, за которыми признавали дипломатическій характеръ. Всякій магнатъ могъ явиться ко двору, для этого ему не нужно было камеръ-юнкерскаго или камергерскаго званія. Король былъ

первымъ среди равныхъ. Они титуловали его *королевскимъ* величествомъ. Передо мною была аристократія, но въ этомъ сословіи уже вывѣтрились хорошія основы. Всѣ они, даже графъ Эстергази были въ долгу, какъ въ шелку. Занятія—охота или steeplechase, или карты. Оттого дѣла страны переходятъ въ руки „новыхъ людей", которые изъ евреевъ превращаются въ самыхъ ярыхъ мадьяръ и вносятъ въ эту мертвенную, разлагающуюся среду свою энергію, свою пронырливость, свой талантъ. Я познакомился съ цѣлымъ выводкомъ гр. Зичи; говорятъ, что первоначальное происхожденіе ихъ было еврейское. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ типъ сохранился. Одинъ изъ приближенныхъ министра Зичи, тоже чистокровный еврей, eo ipso ярый мадьяръ и руссофобъ. — Больше всего мнѣ понравился отецъ министра гр. Зичи (теперь посолъ въ Константинополѣ).— Онъ съ удовольствіемъ заговорилъ о Россіи, о Паскевичѣ. Его тоже не любятъ, потому что съ другими мадьярскими магнатами въ 1849 г. ѣздилъ предлагать королевство Венгерское великому князю Константину Николаевичу. Его обходятъ, но онъ за то сердится на мадьяроманство, говоритъ, что въ странѣ не свобода, а распущенность, что ничего изъ этого путнаго не выйдетъ. — Со мною онъ былъ замѣчательно утонченно вѣжливъ.

Видѣлъ я и принца *Ганноверскаго* (тогда лишеннаго владѣній), котораго титуловали королевскимъ высочествомъ.—Мадьяры ненавидятъ пруссаковъ и вообще нѣмцевъ, но насъ они считаютъ опаснѣе, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ. Вездѣ они видятъ интриги русскихъ соглядатаевъ. Каждый вопросъ, сдѣланный изъ любознательности, они считаютъ за подсматриванье съ предосудительною цѣлью.

Одинъ изъ младшихъ Зичи высказалъ мнѣ [1]), что теперь Бисмаркъ будетъ Россіи препятствовать и не позволитъ ей занять Венгрію и возбуждать панславизмъ... — Тоже сказалъ онъ мнѣ: „Мы не боимся словаковъ — но съ сербами нужна кровавая баня (wir müssen ein Blutbat haben). Другая же сторона, т.-е. старики и даже молодой Чаки говорилъ, что при австрійцахъ было больше порядка, что теперь подкупы и общественная безнравственность дошли до колоссальныхъ размѣровъ.

Главный интересъ сосредоточивается въ этомъ собраніи (т. е. въ Казино) на гр. Андраши. — Мой учитель фехтованія

---

[1]) Въ то время у насъ процвѣталъ союзъ трехъ императоровъ.

(онъ училъ его также раньше) говорилъ про него „Er ist ein halber Slovack“. Дѣйствительно, семейство Андраши де Красногорке, вѣроятно славянскаго происхожденія. Андраши, имѣя русское помѣстье Требимевъ (Terebes), самъ говоритъ по-руснявцки.—Онъ также искалъ спасенія въ Россіи отъ захватывающаго вліянія Германіи и ухватился съ жаромъ за поѣздку въ Петербургъ.—Изъ разговора, который онъ имѣлъ со Стремоуховымъ (я самъ читалъ эту записку), онъ не хотѣлъ усиленія славянскихъ элементовъ въ Венгріи и даже захватъ славянской территоріи не прельщалъ этого государственнаго человѣка. Онъ очень ловко обошелъ Стремоухова и другихъ, которымъ наговорилъ массу комплиментовъ. — Онъ очень хорошо понялъ, что у Австро-Венгріи руки связаны, когда другіе мадьяры требовали войны за Францію въ 1870 г. Его нѣсколько цыганское лицо кажется полное страсти; но при этомъ спокойный сосредоточенный взглядъ. По всему его наружному виду (черные глаза, курчавые черные волосы, характерныя черты лица) можно предположить страстность движеній, жеста. Напротивъ, онъ говоритъ медленно, спокойно, не повышая тона, не перемѣняя наклона головы, какъ бы всматривается въ своего собесѣдника. Я часто видѣлъ такія лица у нашихъ хохловъ... Да, этотъ полу-мадьяръ, также какъ и Кошутъ (словакъ) много дали мядьяризму. Много въ Австріи славянъ, перемѣнившихъ свою національность и оказавшихъ неоцѣнную услугу мадьярскому государству. Безъ этихъ славянскихъ людей въ мадьярскомъ платьѣ давно бы погибло все царство. Мы кажемся имъ страшнѣе, умнѣе, предусмотрительнѣе, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ существуетъ. Гдѣ наши агенты? Имѣемъ ли мы сношенія съ славянами? Ведемъ ли мы интригу противъ мадьяризма? Скажу, нѣтъ и нѣтъ. Ни агентовъ, ни охоты у насъ нѣтъ. А нѣмцы (т. е. пруссаки) давно вошли въ сношенія со всѣми силами страны. Ихъ не терпятъ; но у нихъ есть друзья. А мы и дружбою не можемъ и не умѣемъ воспользоваться. У каждаго славянина болитъ сердце, когда онъ видитъ равнодушіе русскихъ.

Одно мнѣ нравится въ мадьярахъ, — это безграничный патріотизмъ, инстинктъ, который чуетъ въ Россіи Немезиду. Извѣстная прямота, искренность въ томъ, что они любятъ и что ненавидятъ. Они любятъ англичанъ и терпѣть не могутъ насъ и нѣмцевъ, и они это высказываютъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Это съ извѣстной стороны рыцарская черта.

Какъ я сказалъ раньше, я поставилъ себя хорошо. Но все испортило славянство. Мадьяры, даже жуирующая золотая молодежь очень скоро расчухала (извините за тривіальное выраженіе), что я не спроста всѣмъ интересуюсь, даже учусь венгерскому языку. Надо сказать, что въ Пештѣ и Австріи шпіонство доведено до совершенства — за мной слѣдили и потомъ говорили, съ какимъ это славяниномъ вы говорили... куда вы ходили вечеромъ вчера и т. д.

Какъ я ни прятался отъ нихъ, но мои сношенія съ славянами стали извѣстны. И это привело къ враждебнымъ отношеніямъ.

Будь я, какъ князь Святополкъ-Четвертинскій, лихой наѣздникъ, охотникъ, конькобѣжецъ, не прочь выпить, несмѣтно богатый и притомъ щеголяющій своимъ пренебреженіемъ къ Россіи, — я бы могъ еще продержаться. Но для меня и тогда выше всего была книга, а жизнь была на второмъ планѣ, и какъ-то сразу почувствовать перемѣну температуры... Во мнѣ узнали скрытаго панслависта. Можетъ быть и донесенія попались кое-кому въ руки, а въ донесеніи я писалъ о борьбѣ славянъ съ мадьяризмомъ... Вышла глупая исторія. Войдя какъ-то въ клубъ, я спросилъ графа Сапари о чемъ-то, онъ едва отвѣтилъ мнѣ и я, обидѣвшись, вызвалъ его на дуэль. Моими секундантами должны были быть венгерцы же—графъ Чаки и Сентъ Кирали (если мнѣ не измѣнила память). Поводъ былъ, конечно, пустячный, и венгерцы старались уладить дѣло. Я бралъ урокъ венгерскаго языка (дуэль была назначена на слѣдующій день), и вдругъ ко мнѣ входятъ мои секунданты и секунданты графа Сапари. Секунданты признавали, что нѣтъ даже причины для настоящей дуэли, хотѣли помирить насъ. Я былъ не прочь мириться, но требовалъ извиненія со стороны гр. Сапари или, по крайней мѣрѣ, объясненія. Секунданты удалились и достигли цѣли. Мы сошлись въ клубѣ, и графъ Сапари въ присутствіи свидѣтелей высказалъ, что если онъ не обратилъ должнаго вниманія на мои слова, то эта небрежность была безъ всякаго намѣренія меня оскорбить. Наши руки соединили, а потомъ даже мы выпили...

Но эта исторія имѣла громадныя послѣдствія. Я прослылъ бреттеромъ, благо и въ Петербургѣ у меня тоже чуть не разигралась дуэль, а также и въ Крыму. Стуартъ потомъ говорилъ: я боюсь сказать: Де-Волланъ меня вызоветъ на дуэль... Татищевъ разсказывалъ про меня въ департаментѣ, что я высказалъ претензію, отчего Андраши не говоритъ по-русски.

Это, конечно, была остроумная выдумка на мой счетъ. Мои коллеги [1]) неоднократно обижались, что мадьяры, молодое поколѣніе, при иностранцахъ говорили всегда по-мадьярски, и это, конечно, не совсѣмъ вѣжливо. Старое поколѣніе мадьяръ говорили, по крайней мѣрѣ, по-нѣмецки и, кажется, охотнѣе говорили по-нѣмецки, чѣмъ по-мадьярски. Можетъ быть и меня коробило это невниманіе мадьяръ, но, какъ я говорилъ, въ началѣ они были очень внимательны и любезны. И я учился по-мадьярски и навѣрное выучился бы этому языку, если бы оставался дольше въ Венгріи. Интересно то, что гр. Андраши де-Красногорка владѣлъ имѣніями въ Угорской Руси и, конечно, зналъ по-русски (Ruthenish). Долженъ прибавить здѣсь, что всѣ эти магнаты знали мѣстный языкъ и меня тогда увѣряли, что я навѣрно не пойму рутеновъ, такъ какъ это не русскій языкъ...

Прошло нѣкоторое время послѣ исторіи съ Сапари, и я пошелъ въ клубъ. Мы тамъ обѣдали, завтракали, проводили почти цѣлый день. И вдругъ я узнаю, что меня забаллотировали. Я былъ очень изумленъ, такъ какъ думалъ, что мое избраніе въ клубѣ состоялось (я платилъ деньги).—Переполохъ вышелъ ужасный среди консульскаго корпуса... Пошли переговоры. Думали сначала, что они всѣ выйдутъ изъ клуба, но потомъ всѣ остались—и что страннѣе всего, остался Блюмеръ. Я не придавалъ этому значенія.—Встрѣчаясь со своими клубными знакомыми, я пристально смотрѣлъ на нихъ и кланялся имъ, и онъ всегда отвѣчалъ на поклонъ.

Скажу теперь о другомъ кружкѣ—это загнанные, забитые славяне... Дѣйствительно, я былъ славянофиломъ уже въ Петербургѣ, но я не зналъ славянъ, а узнавши ихъ, я перестрадалъ съ ними ихъ страданія, возненавидѣлъ ихъ поработителей.

Ихъ держатъ въ черномъ тѣлѣ. Самый интеллигентный изъ нихъ, если онъ остается славяниномъ, не найдетъ доступа въ кружокъ джентльменовъ. Мадьяры говорятъ: словакъ не человѣкъ, говорятъ они (Iolh nem embes). Пережилъ съ Рубіемъ, Ханатоли, съ разными студентами, техниками, медиками всѣ тяжелые моменты ихъ политическаго рабства. Они входили ко мнѣ, точно дѣлали что-то запретное и, прійдя ко мнѣ, говорили отъ полноты наболѣвшей души. Выходя съ русской книгой

---

[1]) Моими неразлучными пріятелями были тогда французъ Грамотъ и итальянецъ Венанси (тоже секретари), и я тогда шутя говорилъ, что важна лишь политическая система—союзъ Россіи, Франціи и Италіи.

онъ бережно заворачивалъ ее или пряталъ, боясь непріятностей отъ своихъ же товарищей.

Если между ними являлись энергичные характеры [1]), то ихъ старались сломить или даже просто уничтожить (попытка убить Добрянскаго). Сербы въ Пештѣ не стѣснялись высказывать громко свои мнѣнія передъ мадьярами, но это совсѣмъ особенный народъ. Они присылали мнѣ билеты на свои музыкальные вечера, на которыхъ я не могъ быть, потому что возбудилъ бы цѣлую бурю въ пештскомъ обществѣ. Интересно, что мадьяры называютъ то насѣкомое русскимъ, которое у насъ приносятъ изъ кухни (у насъ называютъ пруссаками). Очень часто слышишь по улицѣ Russ и они за ними гоняются. Придраться къ нимъ нельзя, потому что скажутъ что-нибудь пошлое въ оправданіе. Также бранятся они: ахъ, ты словакъ, ахъ, ты Рацъ (т. е. сербъ).—А умственный горизонтъ этихъ повелителей Венгріи не высокъ. Что же грѣха таить, я старался вести пропаганду на свой собственный страхъ, зная очень хорошо, что если меня обвинятъ въ министерствѣ, я всегда могу подать въ отставку,—а дѣло все-таки сдѣлано.

Я поддерживалъ на собственныя средства журналъ Карпатъ, выходящій въ Угорской Руси, журналы словацкіе, посылалъ деньги въ Славянскую матицу, выписывалъ цѣлую массу книгъ и раздаривалъ ихъ славянскимъ и русскимъ студентамъ. Потомъ снабдилъ Мукочевскую и Ужгородскую библіотеку новыми книгами, которыя читались тайкомъ. Задумалъ я составить сборникъ объ Угорской Руси, собиралъ угорскія русскія пѣсни, составилъ этнографическую карту Венгріи и т. д. Но собирать эти вещи сущее наказаніе. Всѣ боялись даже работать для васъ и потому для каждаго заказа надо искать оказіи вѣрнаго человѣка. Ну и не взлюбили меня господа мадьяры... Славяне сѣтовали на равнодушіе Россіи, на то, что Россія уже въ 1849 г. не овладѣла Венгріей, когда всѣ съ энтузіазмомъ принимали русское воинство. Мечта славянъ была увидѣть государство, гдѣ бы свободно раздавалась славянская рѣчь, гдѣ пѣли, играли бы на этомъ языкѣ, гдѣ не только мужики, но и образованные говорятъ по-русски.—Вечера проходили въ разговорахъ о Россіи, потомъ они разсказывали мнѣ о своихъ дѣлахъ. Всѣхъ писателей славянофиловъ они знали очень хорошо.—Пріѣхалъ въ

---

[1]) Словакъ патеръ въ Вышеградѣ, когда мы посѣтили его съ Будиловичемъ, поднялъ русскій флагъ.

Пештъ проф. Будиловичъ. Онъ посѣтилъ всѣ общественныя собранія славянъ, посѣтилъ и Фенепци, Вамбери, Гунфальви. Конечно, они его приняли за соглядатая и даже высказали ему это. Ламанскій былъ заарестованъ и никто не вступился за него. Больше всего я смѣялся, когда узналъ, что бар. Остенъ-Сакенъ тоже арестованъ. Что же, вы думаете, кто-нибудь за нихъ заступился.—Это не въ нашихъ правилахъ.—Я пророчилъ Будиловичу, который приходилъ ко мнѣ заниматься полемикою, ту же участь. Онъ ѣхалъ въ Загребъ. Туда я послалъ тоже книги и даже музыкальныя и драматическія произведенія въ Хорватскій театръ. Жизнь русскаго не могла быть особенно пріятна въ Пештѣ. Ему нужно было отказаться отъ самого себя, чтобы потрафить мадьярамъ, и тогда они не довѣрились бы ему вполнѣ.—Потому я рѣшился прожить въ странѣ настолько, насколько нужно будетъ для изученія края. Для изученія края надо было видѣть, познакомиться съ администраціею, съ депутатами, съ мадьярскимъ народомъ, а затѣмъ поѣхать въ окраины страны.

Деморализація страны дошла, говорилъ я, до колоссальныхъ размѣровъ.—Депутаты, затрачивая на избраніе свое до 20.000 гульденовъ, старались наверстать это, пріѣхавъ въ столицу и получая директорскія мѣста въ разныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Желѣзныя дороги строились просто въ угоду многимъ высокимъ лицамъ, напр. Требишевъ находится въ треугольникѣ желѣзныхъ дорогъ. Потому онѣ не даютъ почти никакого дивиденда.—Помощникъ министра Зичи удивлялся, что у насъ есть дороги (какъ Моск.-Рязанск.), которыя даютъ 25%.—Этого у насъ нѣтъ, замѣтилъ онъ. Если посмотрѣть на карту, то увидите зигзаги (т. е. подчинено разнымъ соображеніямъ), не говоря о безумной расточительности для украшенія Пешта и острова Маргариты. Мадьяры, несмотря на свой патріотизмъ, это признавали и на это жаловались. Потомъ прошелъ законъ, который не дозволялъ депутатамъ занимать должности въ акціонерныхъ обществахъ. Лучше всего я сошелся съ русско-мадьярскимъ кружкомъ.—Нѣсколько ученыхъ въ Венгріи, не увлекаясь шовинизмомъ, посвятили свое время на изученіе русскаго языка. Мотивы къ этому были изученіе средне-азіатскихъ странъ, въ которыхъ мадьяры ищутъ своихъ родичей. Другіе же стали разыскивать мадьяризмъ въ вогулахъ, остякахъ и получили чрезвычайно интересные результаты. На этомъ поприщѣ въ Россіи сдѣлали чрезвычайно много, и это заставило людей подобно Буденцу, Сентъ-Кирали, и. т. д. изучать русскій языкъ.

Когда эти господа со мной познакомились, я сталъ знакомить ихъ съ нашею литературою и нашими научными изслѣдованіями. Сентъ-Кирали такъ восхитился Гоголемъ, что перевелъ его „Ревизора" на мадьярскій языкъ. Черезъ годъ онъ былъ поставленъ на мадьярской сценѣ. Онъ восхищался „Войною и Миръ" Толстого. Съ Буденцемъ мы дѣлали экскурсіи въ области археологіи, сравнительнаго языкознанія. Онъ знакомилъ меня съ послѣдними результатами своихъ изслѣдованій въ области угро-финскихъ языковъ... Такъ проводили мы цѣлые вечера вмѣстѣ, находя тожество точекъ соприкосновенія, и доказывали, что для людей, любящихъ истину выше всего, злобы дня не существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ взаимно понимать другъ друга.—Нельзя привести все то, что мы переговорили въ это время, но эти господа встрѣчались у меня съ славянами, съ русскими и кажется полюбили Россію. Сентъ-Кирали даже хотѣлъ ее посѣтить... [1])

Въ это время сестра, проѣздомъ изъ Италіи, захотѣла проѣхать въПештъ. Мы съ ней, съ Вильгельминой Егоровной и Анной Ивановною Кенигъ поѣхали вмѣстѣ внизъ по Дунаю до Бараша. Тамъ пути наши раздѣлились. Я рѣшился посѣтить Новый Садъ, Карловцы, часть Славоніи и Бѣлградъ.—Мы, дѣйствительно, ужасно мало знаемъ нашихъ родичей. Напр., я былъ въ Италіи 3 раза, зналъ Германію великолѣпно, воспитывался въ Германіи и потомъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, въ Лейпцигѣ, былъ во Франціи, Голландіи, Бельгіи, въ Греціи, Константинополѣ, и вотъ моя первая поѣздка въ Славянскія земли.—Конечно, я приготовился слушать, изучать (конечно бѣгло, потому что времени у меня было мало). Какъ только узнали, что я русскій и даже секретарь генеральнаго консула, то все вниманіе было устремлено на меня. Я попалъ въ Новый Садъ въ то время, какъ избирали сербскаго патріарха. Въ Новомъ Саду я познакомился съ Костичемъ (депутатомъ сербскимъ въ Пештѣ), который поразилъ меня хорошимъ знаніемъ русскаго языка. Затѣмъ былъ у Милетича, который негодовалъ на русскихъ за ихъ равнодушіе къ сербскому дѣлу. Мнѣ приходилось говорить имъ, что Россія не можетъ зря броситься въ борьбу за славянъ, что, погибая, она скомпрометтируетъ и славянское дѣло.—Былъ въ Матицѣ (литературное общество) и тамъ нашелъ русскія книги, но только 30-хъ и 40-хъ годовъ. Новыхъ сочиненій они не знали. Надо сознаться, что мы весьма мало знакомили на-

[1]) У меня много писемъ отъ Буденца, написанныхъ по-русски...

шихъ братьевъ съ тѣмъ, что у насъ дѣлается. Поневолѣ они обращаются за образованіемъ въ Германію. Русскихъ книгъ вы не найдете нигдѣ за границею (кромѣ запрещенныхъ), и вотъ почему славяне, при всемъ желаніи, не могутъ воспользоваться нашими трудами. Говорилъ я съ цѣлою массою людей и вездѣ высказывалось самое искреннее сочувствіе къ Россіи, интересовались ея войскомъ, народомъ, реформами. Да, вы подвинулись, заключилъ онъ разговоръ. Милетичъ постоянно взываетъ въ своихъ пѣсняхъ къ русскому царю. Мое прибытіе въ Новый Садъ было событіе. Всѣ шли со мной знакомиться, такъ что у меня было много разговоровъ, мнѣній въ головѣ. Отправился я въ Фрушку гору, Крушедолъ и Раваницы (три монастыря около Карловца). Ко мнѣ присоединился сербъ (не шпіонъ ли, думаю я, тѣмъ лучше, покамѣстъ это избавитъ меня отъ всякихъ непріятностей). Пріѣхалъ въ монастырь и сталъ ожидать въ пріемной. Вдругъ входитъ Груичъ (епископъ) и комиссаръ Губеръ. Онъ обратился къ сербу. Тотъ сказалъ ему свое имя,—а я сказалъ,—такой-то русскій секретарь Генеральнаго Русскаго Консульства въ Пештѣ. Когда они услышали слово русскій, у нихъ земля точно разверзлась передъ ногами. Они отскочили, потомъ быстрыми шагами приблизились ко мнѣ. Начались разспросы, разговоры по-сербски, по-нѣмецки, воспоминанія о Гильфердингѣ. Но я никогда не забуду этого комическаго испуга, который выразился на обоихъ лицахъ. Вотъ и тутъ въ самый важный моментъ, русскій эмиссаръ, да и кто же—русскій генеральный консулъ. Въ монастырѣ насъ накормили и за ужиномъ разсказали, какъ они всѣ сговорились и въ пику мадьярскому правительству выбрали епископа Стойковича патріархомъ. Тутъ были и депутаты изъ Далмаціи, изъ Кроаціи. Показывали мнѣ портретъ кн. Михаила Сербскаго и разсказали о его кончинѣ. Кто-то хотѣлъ показать мнѣ портретъ Франца Іосифа; но другіе нетерпѣливо провели меня впередъ, произнеся: ну, это швабъ. Тутъ былъ портретъ Петра Великаго. Вездѣ этотъ великій Государь предрѣшалъ будущіе пути нашей политики. Пришлось проститься съ Бѣлградомъ и со всѣмъ сербскимъ міромъ и уѣхать въ Пештъ. Блюмеръ былъ въ отчаяніи отъ моей поѣздки...

Я васъ отпустилъ погулять, сказалъ Блюмеръ, а вы тутъ поднимаете цѣлую газетную бурю... По этому поводу мнѣ даже пришлось объясняться съ самимъ посломъ Новиковымъ, который сказалъ мнѣ, что хорошій дипломатъ тотъ, о которомъ не говорятъ. Про него ходили разные анекдоты о его нерѣши-

тельности. Онъ двадцать разъ передѣлывалъ донесенія, и иногда случалось, что надо распаковывать всю экспедицію, потому что онъ вспомнитъ о какомъ-нибудь lapsus linguae,—неловкомъ оборотѣ. Обыкновенно посолъ держалъ себя недоступно съ такою мелкою сошкою и принимать меня пришлось Татищеву, про котораго ходили самыя странныя исторіи. Говорили, что онъ заложилъ брилліанты г-жи Новиковой, что онъ осѣдлалъ самого Новикова. Хотя онъ былъ только второй секретарь посольства, но онъ значилъ болѣе совѣтника посольства и говорилъ, что Андраши съ нимъ ведетъ переговоры.

Самъ Татищевъ давалъ поводъ этимъ сплетнямъ. Съ мелкою сошкою онъ обращался съ снисходительною граціей и нѣкоторымъ высокомѣріемъ. Такимъ лицамъ, какъ Карцевъ (генеральный консулъ въ Бѣлградѣ) онъ сказалъ по-французски: приходите завтра въ ложу Андраши, и мы тамъ потолкуемъ.— Карцевъ на это отвѣтилъ: я не привыкъ заходить съ задняго крыльца. Попробую, насколько это возможно, припомнить мои разныя встрѣчи съ Сергѣемъ Спиридоновичемъ Татищевымъ. Я говорилъ, что видѣлъ я его на вершинѣ если не власти, то вліянія, я тогда его мало зналъ. Въ немъ и тогда мнѣ бросилась въ глаза черта, которая интересуетъ меня во многихъ русскихъ „хлестаковщина съ примѣсью Кречинскаго"...

Эти люди любятъ бахвалиться своимъ вліяніемъ.

Что случилось, не знаю, но у Татищева сорвалось—онъ долженъ былъ отказаться отъ грандеровъ, вышелъ въ отставку и какъ разъ въ это время подошла наша война съ Турціею и онъ поступилъ волонтеромъ. Онъ страстно, какъ говорилъ одинъ его пріятель, желалъ быть раненымъ, но въ мягкія части... Получивъ Георгій, онъ думалъ вернуться на службу, но не тутъ-то было... Императоръ Александръ III (или Гирсъ) не хотѣлъ принимать его на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ...

Въ эти моменты неудачнаго исканія мѣста, я часто встрѣчался съ Татищевымъ у Стуарта. — Онъ тогда даже откровенничалъ. Стуарта онъ осѣдлалъ по части разныхъ припасовъ, забиралъ у него деньги, рубашки, кормился у него, когда не могъ найти обѣда у кого-нибудь другого. Стуартъ говорилъ мнѣ: шельма, но талантливъ... И затѣмъ читалъ ему свои литературныя произведенія и Стуартъ разыгрывалъ роль Мольеровской кухарки. Онъ тогда написалъ трагедію о паденіи Царьграда, пьесу Данишевы... Спрашивалъ моего мнѣнія. —

Татищевъ былъ тогда уже женатъ на актрисѣ вѣнкѣ и мѣстопребываніе его постоянное было Тейфессьанъ около Вѣны. Мой Ферней, говорилъ онъ мнѣ о своемъ домѣ [1]). Не слишкомъ ли рано... сравниваете его съ Вольтеромъ — спрашивалъ я.

Но его литературные опыты окончились неудачно и какъ Стуартъ говорилъ un petit pom, deux petits pom, (одна неудача, двѣ неудачи).

Потомъ ему удалось осѣдлать Каткова, но Катковъ воспользовался имъ, чтобы насолить Мин. Ин. Дѣлъ.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ начались его статьи о нашей политикѣ при Николаѣ I. Недостатокъ этой и другихъ историческихъ работъ Татищева былъ въ томъ, что онѣ были написаны съ цѣлью посчитаться со своими врагами. Показавъ промахи М. И. Д., что было встрѣчено съ сочувствіемъ нашей публикою, Татищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: „вотъ какого человѣка вы потеряли", это было достоинствомъ въ полемическомъ сочиненіи, но историкъ долженъ быть безпристрастенъ и во всякомъ случаѣ забыть о своей персонѣ. Всякій разъ, когда я встрѣчалъ Татищева послѣ появленія его статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ, онъ непремѣнно спрашивалъ меня: прочли ли статью... прочтите... прочтите... Я удивлялся, чѣмъ живетъ Татищевъ. Онъ жилъ, конечно, игрою ума, на его жизнь не хватало, конечно, гонорара, получаемаго отъ Каткова и потомъ Суворина.

Затѣмъ когда послѣ Лорисъ-Меликова у кормы правленія выступилъ гр. Игнатьевъ, то послѣдній воспользовался Татищевымъ, который изучалъ нашу подпольную литературу и т. д. А вашу книгу (Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи, изд. въ Берлинѣ) мы выписали въ десяти экземплярахъ—и безусловно запретили ее—сообщилъ онъ мнѣ конфиденціально.—Потомъ уже его пріютилъ, кажется, Витте и далъ ему финансоваго агента въ Лондонѣ, и Татищевъ опять сталъ жить хорошо. Но ему не это нужно было. — Развѣ Вы не думаете, что я не могъ бы быть хорошимъ генеральнымъ консуломъ? Развѣ я хуже такого-то... Когда я ему откровенно высказалъ, въ чемъ его обвиняли—онъ сказалъ французскую пословицу: чтобы покончить съ собакой, говорятъ, что она бѣшеная.

---

[1]) Кажется, купленъ на деньги жены.

Весь трагизмъ его существованія состоялъ въ томъ, что онъ считалъ себя способнымъ достигнуть самыхъ высшихъ ступеней іерархіи и вдругъ, какія-то сплетни, и онъ долженъ пробиваться мелкою работою, быть какимъ-то второстепеннымъ агентомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ или по Министерству Финансовъ... Только въ одномъ онъ достигъ извѣстной высоты—это въ его историческихъ трудахъ. Объ ихъ недостаткахъ я уже сказалъ. И они будутъ интересны публикѣ больше по обнародованнымъ въ нихъ историческимъ документамъ, чѣмъ выводами пристрастнаго не въ мѣру автора... Какъ-то разъ я похвалилъ его за предисловіе и за обработку одного тома Историческаго Общества. — Что же вы думаете — я коечему выучился, кое-что знаю, замѣтилъ онъ. Со мной онъ обращался какъ равный съ равнымъ, безъ снисходительнаго высокомѣрія, иногда даже не допытывался моего мнѣнія. — Съ Стуартомъ, съ Штендманомъ, черезъ которыхъ онъ пролѣзъ въ Историческое Общество, онъ поступалъ по-амикошонски, эксплоатировалъ ихъ напропалую и ни въ грошъ не ставилъ ихъ, остря надъ ними... О руководителѣ нашей политики онъ выражался съ пренебреженіемъ. Какъ-то заговорили о политикѣ Зиновьева. Какая это политика — это политичка Зиновьева, сказалъ онъ по-французски, то есть, личная. Потомъ я потерялъ его изъ виду, когда я уѣхалъ на Дальній Востокъ и послѣ отъ Стуарта слышалъ о его подвигахъ въ той или другой сферѣ.

Послѣ этого отступленія о Татищевѣ, вернемся въ Пештъ.

Жизнь моя проходила безъ особенныхъ треволненій. Неожиданное знакомство круто измѣнило мою жизнь. Я очень хорошо сошелся съ одною венгерскою барынею изъ очень хорошей фамиліи. Она была очень богата и въ разводѣ съ мужемъ. И мы рѣшились, мой коллега Гранмонъ, она и я посѣтить Балатонское озеро. Тутъ мы были въ настоящемъ мадьярскомъ государствѣ (madyar orizas). Благодаря ея любезному содѣйствію я ближе познакомился съ будничною обстановкою этого народа, который недалеко подвинулся впередъ въ томъ, что касается удобствъ. Нѣсколько мѣсяцевъ я зажилъ такою прелестною жизнью, которая не годится въ дневникъ, а скорѣе можетъ попасть въ романъ. Когда мы не видѣлись, она писала мнѣ письма. Венгерцы были очень злы за это увлеченіе ихъ соотечественницы. Какъ бываетъ съ женщинами, она забывала всѣ предосторожности и только думала о своей любви. Не проходило и безъ бурныхъ сценъ. Она очень ревновала меня.

Мы предприняли вмѣстѣ поѣздку въ страну словаковъ. Дорога шла по красивымъ склонамъ Карпатъ, и что за прелестные виды. Суровая красота этихъ мѣстъ смѣнялась очаровательнымъ сочетаніемъ земли, воды, горъ. Мы посѣтили Шемницъ (Чавнице), и я счелъ долгомъ спуститься въ подземное царство. Моя спутница не рѣшилась пройти туда, а я видѣлъ шахты, откуда добывалось золото и т. д. Скромный нѣмецкій городокъ, скверная гостиница, славянскіе поселяне, все это разнообразило впечатлѣніе. Въ тихую лунную ночь мы проѣхали сотню верстъ въ хорошей коляскѣ по самымъ забытымъ мѣстамъ. Были и въ Сліагѣ, гдѣ собирается весь мадьярскій бомондъ на воды. Оттуда черезъ горы въ Шмексъ на ужасную высоту. Великолѣпныя формы и прозрачная вода (достопримѣчательность Шмекса), при этомъ полное уединеніе среди вѣковыхъ сосновыхъ лѣсовъ. Мы поднимались на каждую высоту. Дорогою мы видѣли только славянъ, и я чувствовалъ себя какъ дома въ этой странѣ. Моя спутница могла убѣдиться, что и въ родной странѣ съ мадьярскимъ языкомъ далеко не уѣдешь. Вернувшись послѣ десятидневнаго отсутствія въ Пештъ, мы зажили опять старою жизнью. Наше путешествіе вдвоемъ такъ понравилось, что мы рѣшились повторить его, и теперь мы отправились въ другой конецъ Венгріи „въ Угорскую Русь“. Отправились по Кашау-Одербергской дорогѣ. Были въ русскихъ Кашицахъ (Кашау). Были въ Мухагевѣ, гдѣ я посѣтилъ достопримѣчательности, а главное могъ говорить по-русски съ каждымъ поселяниномъ. Уже городъ поразилъ меня своимъ прекраснымъ видомъ. Въ монастырѣ намъ показывали разныя рѣдкости, но главное, монахъ высказался передъ М-мъ Х. за яраго ненавистника мадьяръ. Вели мы оживленную бесѣду на русско-нѣмецкомъ языкахъ. Мадьяры насъ притѣсняютъ, сказалъ онъ ей, и мы ихъ не любимъ. Они не позволяютъ намъ писать на своемъ языкѣ, дѣлаютъ намъ всякія придирки. Отсюда отправились черезъ горы и долы уже на простой повозкѣ (экипажъ не особенно удобный для барыни, привычной къ роскоши и удовольствіямъ). Насъ чуть не опрокинуло. Потомъ пріѣхали въ громадную деревню, и кучеръ нашъ русинъ безъ церемоніи ввезъ насъ въ темный сарай съ сѣноваломъ. Мы остолбенѣли отъ удивленія. Я объяснился съ нимъ, и онъ указалъ мнѣ на корчму, гдѣ имѣлась грязная комната въ нѣсколько аршинъ длины. Въ первый разъ своей жизни Х. должна была сказать „дайте вода“ и т. д. Потому что кромѣ русскаго ничего не знали. Желая найти болѣе удоб-

ное помѣщеніе, мнѣ пришла блестящая мысль отыскать мѣстнаго священника. Онъ навѣрное дастъ мнѣ какъ русскому ночлегъ. Радостно шелъ я по селенію, гдѣ отовсюду раздавался веселый малороссійскій говоръ. Тамъ проходили косцы, напѣвая стройную хоровую пѣсню. Но оказалось, я ошибся дорогою и попалъ къ католическому попу, который принялъ меня не очень радушно. Пришлось возвращаться домой, но уже настала темнота, и я не зналъ, въ какой корчмѣ мы остановились... я спрашивалъ дорогу, мнѣ смѣялись въ слѣдъ: якая корчма,—ихъ много. Темно, грязно, и никого не видно на улицѣ. Идетъ молодица. Укажи дорогу... Она боится, но когда я подалъ ей zwanziges, она успокоилась и довела наконецъ до цѣли. Не менѣе интересна была поѣздка въ Маршарошъ Сигетъ, гдѣ каменная соль. Прибыли мы въ праздникъ. Вездѣ съ пѣснями, цвѣтами попадались намъ навстрѣчу румынки и малороссіянки. Я потерялъ свою палку; вдругъ слышу позади возгласъ „*панъ, не ваша ли палка*“. Кто вы, мы русскіе; изъ какой деревни? Назвали. А вы откуда?—Я изъ Россіи. Удивленію ихъ не было конца. Тамъ царь нашъ. Разсказываютъ про поселянъ престранные анекдоты. Входитъ хохолъ въ присутствіе и кланяется, приговаривая: „Вашему нѣмецкому царю и *нашему русскому царю*“. Мнѣ не хотѣли показать рудниковъ, но какъ только начальникъ (онъ оказался потомъ славяниномъ) узналъ, что я русскій, то не только все показалъ, но и сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Пошли разспросы, разсужденія, пускай только пріѣдутъ русскіе, мы усыплемъ ихъ путь цвѣтами. И это не онъ одинъ говорилъ, это говорили многіе, начиная отъ образованныхъ до самыхъ простыхъ работниковъ. Поразила меня оставленная и затопленная водою шахта. Проводнику стоило только ударить весломъ по водѣ, и раздавался громъ подъ нами. Когда онъ бралъ ноту, то слышалось гармоническое пѣніе. Долго я вспоминалъ это чудное пѣніе въ затопленной шахтѣ и такъ хотѣлось опять и опять услышать эту музыку природы.

Можетъ быть уже создалась легенда объ чудной пѣснѣ Бога земли, и набожный русинъ осѣняетъ себя крестомъ, спускаясь въ это таинственное царство.

Меня потянуло назадъ въ Россію. Да и дѣла по имѣнію требовали моего присутствія. Блюмеръ, по обыкновенію, былъ въ Дрезденѣ. Я черезъ посла выпросилъ себѣ отпускъ. Блюмеръ пріѣзжаетъ — и рветъ и мечетъ. Я вамъ не могу дать отпуска. А я поѣду. Ну я тогда обращусь съ вами, какъ съ

дезертирующимъ свой постъ... Кончилось тѣмъ, что мы не видѣлись и я не ходилъ къ нему. Наконецъ дѣло уладилось. Жена съ дочерью пріѣхали къ Блюмеру, и онъ отпустилъ меня. Венгерцы, чтобы показать, что они ничего не имѣютъ противъ Россіи, приняли жену и дочь Блюмера съ распростертыми объятіями. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балы, вечера... Однимъ словомъ, мой промахъ послужилъ въ пользу семейства Блюмера.

Мнѣ хотѣлось еще видѣть Карпаты, еще разъ мелькомъ услышать русскую рѣчь и затѣмъ проститься съ Венгріей. Въ Межѣ Лаборца останавливается поѣздъ на цѣлую ночь, и тутъ я разговорился съ гр. А., родственникомъ Андраши. Какъ мѣстный житель, онъ сообщилъ мнѣ о средствахъ здѣшнихъ помѣщиковъ, о вліяніи поповъ (православныхъ) на крестьянство, о Добрянскомъ, который пользуется громаднымъ авторитетомъ среди мѣстнаго населенія. Они, т. е. крестьяне, сказалъ онъ мнѣ, очень хорошо поютъ, и я часто съ ними пою въ хорѣ. Вотъ настоящая ваша роль, господа мадьяры — это пѣть въ униссонъ съ русскими, подумалъ я.

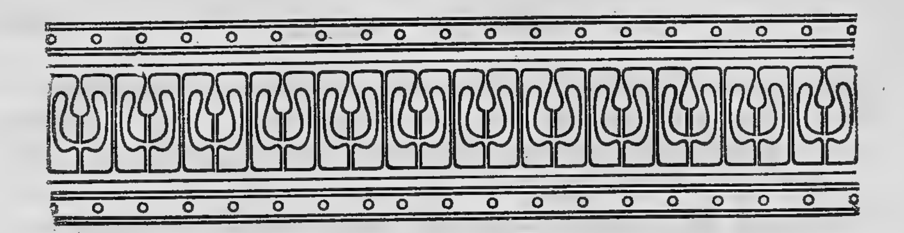
Мысль о паденіи чужеяднаго мадьярско-нѣмецкаго государства была для меня такъ ясна, что я чрезвычайно удивился по возвращеніи въ Россію, что я встрѣтилъ тамъ такое полное незнаніе славянства. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я думалъ найти сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, но, увы, ошибся. Ихъ не знали совсѣмъ. Нѣкоторыя лица даже совѣтовали мнѣ: „Бросьте вы этихъ славянъ. Ce n'est pas comme il faut". Общій тонъ—полное равнодушіе, незнаніе и даже какая-то брезгливость къ славянамъ, которые являлись за пособіемъ въ министерство. Точь въ точь пріѣздъ бѣдныхъ родственниковъ къ знатному барину. Славяне, которые утратили обезпеченное, общественное положеніе на родинѣ, съ горечью отзывались, что они разочарованы въ русскомъ обществѣ. Имъ казалось, что ихъ примутъ съ открытыми объятіями; на дѣлѣ выходило, что они встрѣчали ласковый пріемъ лишь у нѣкоторыхъ членовъ славянскихъ комитетовъ; они охали съ ними и отпускали ихъ, въ тайнѣ думая: когда же отвяжется отъ меня этотъ бѣдный родственникъ. Люди съ наболѣвшимъ сердцемъ по неволѣ односторонни. Потомъ, нѣкоторые изъ славянскихъ дѣятелей, игравшіе на родинѣ видную политическую роль, оказались въ Россіи ни при чемъ. Славянскій комитетъ не пользовался тогда значеніемъ среди нашихъ литературныхъ кружковъ. Дѣлалъ онъ чрезвычайно мало. Это былъ какой-то оффиціозный

департаментъ внѣшней политики; засѣданія были мертвенны, вялы. Комитетъ ограничивался разсылкою старыхъ ненужныхъ книгъ, иконъ и церковныхъ облаченій въ славянскія земли. Дѣятельность его въ Австріи была ничтожна. Нужно ли было поддержать какое-нибудь общество, какую-нибудь славянскую газету въ Австріи, всегда этому былъ одинъ отвѣтъ: „нѣтъ денегъ". Мои сообщенія Стремоуховъ нашелъ интересными, но сказалъ: вы преувеличиваете... Хвалилъ тактъ и умъ Андраши. Потомъ въ министерствѣ смѣялись и говорили, что я открылъ Угорскую Русь.

Несмотря на это, товарищи приняли меня съ распростертыми объятіями, и когда Розенъ былъ назначенъ секретаремъ въ Японію, я получилъ мѣсто дѣлопроизводителя Азіатскаго департамента.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Асканія-Нова въ ея прошломъ и настоящемъ.

Исторія Ангальтской колоніи въ южной Россіи [1].

Овцеводство на западѣ.—Стремленіе Ангальтъ-Кетена въ южно-русскія степи. — Переписка съ петербургскимъ правительствомъ. — Пріѣздъ въ Россію ангальскихъ чиновниковъ — Альберта и фонъ-Бера. — Осмотръ Таврическихъ степей и выборъ участка... — Условія, на которыхъ Ангальтъ-Кетенъ основывалъ колонію.—Общая характеристика природы Асканія-Нова. — Первые годы хозяйства. — Три транспорта испанскихъ мериносовъ. — Возведеніе жилыхъ построекъ. — Смерть герцога Фердинанда и упадокъ колоніи. — Ревизіи... — Новый управляющій добивается уступокъ правительства. — Раскрытіе вторичнаго злоупотребленія, запутанность казны и продажа Асканія-Нова землевладѣльцу Фейну.

По окончаніи испанской войны за престолонаслѣдіе и отмѣнѣ запрещенія вывоза испанскихъ мериносовъ, во всей Европѣ, въ особенности въ Германіи, стало сильно развиваться овцеводство. Саксонія первая начала ввозить къ себѣ мериносовъ съ 1765 года; ея примѣру скоро послѣдовали всѣ сосѣднія государства, и такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія по всему западу успѣшно процвѣтало овцеводство...

Въ Ангальтѣ также съ большимъ усердіемъ стали заниматься улучшеніемъ породъ овецъ. Въ однихъ герцогскихъ имѣніяхъ держали свыше ста тысячъ головъ мериносовъ, какъ

---

[1]) Основаніемъ для этой статьи послужили цѣнные матеріалы, любезно предоставленные въ наше распоряженіе современнымъ владѣльцемъ Асканія-Нова, Ф. Э. Фальцъ-Фейномъ, устроителемъ въ своемъ имѣніи извѣстнаго зоопарка.

Домъ Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Асканія-Нова, Центральная часть—построенная Ангальтъ-Кетенской администраціей.

негретской, такъ и эскоріальной породъ, и Англія, самая производительная страна, получала шерсть главнымъ образомъ изъ Ангальта. Чтобы получить еще большую выгоду отъ овцеводства, Ангальту нужно было найти новые рынки сбыта продуктовъ мериносовъ. При этомъ главное вниманіе было обращено на Россію, съ ея огромными степями, въ высшей степени подходящими для разведенія овецъ. Вспоминались родственныя связи между царствующими домами, а слѣдовательно, представлялось нѣкоторое благоволеніе со стороны Россіи.

Русское правительство уже давно обратило вниманіе на разведеніе овецъ въ большихъ степныхъ пространствахъ страны. Оно стремилось главнымъ образомъ къ разведенію благородныхъ породъ, съ тонкимъ руномъ, дающимъ хорошій ходъ. При этомъ, какъ всегда, Россія принуждена была обратиться къ иностранцамъ, въ частности къ германцамъ, къ Дрезденскому правительству, съ просьбой вывезти изъ Саксоніи въ южныя степи мериносовъ для улучшенія собственнаго овцеводства.

Какъ только въ Ангальтѣ стало извѣстно объ этомъ намѣреніи Россіи, тотчасъ же рѣшено было опередить Саксонію и самимъ вступить въ переговоры съ Россіей, относительно доставки улучшенныхъ породъ овецъ. Съ этимъ былъ связанъ дальнѣйшій планъ—имѣть Россію выгоднымъ рынкомъ для постоянной поставки овецъ. Съ этою цѣлью Ангальтъ желалъ основать въ Россіи свою собственную колонію, въ которой занимались бы преимущественно овцеводствомъ, въ связи съ развитіемъ и другихъ выгодныхъ промысловъ. Населенная ангальтскими подданными колонія, подъ руководствомъ опытнаго агронома, могла бы быстро развиться и приносить большіе доходы. Къ финансовымъ соображеніямъ присоединялись и политическія: Ангальтъ надѣялся посредствомъ основанія колоніи войти въ болѣе близкія дружественныя сношенія съ русскимъ Царствующимъ Домомъ и въ случаѣ надобности получить поддержку со стороны могущественнаго русскаго государства.

Въ 1826 году, главный управляющій имѣніями герцога Ангальтъ-Кетенскаго, г-нъ Альбертъ, обратился къ русскому агенту въ Лейпцигѣ, статскому совѣтнику фонъ-Фрейгангу съ письмомъ, въ которомъ подробно изложилъ свою идею относительно основанія ангальтской колоніи въ южной Россіи. Указавъ на то, какъ образцово поставлено овцеводство въ Ангальтъ-Кетенѣ, г-нъ Альбертъ объяснилъ русскому агенту всю пользу, которую Русское государство можетъ получить отъ

разведенія племянныхъ овецъ, и просилъ его внести этотъ проектъ на обсужденіе русскаго правительства. Заручившись черезъ посредство Фрейганга сочувствіемъ министра финансовъ Канкрина, лица очень вліятельнаго въ Россіи, герцогъ Ангальтъ - Кетенскій рѣшился въ 1827-омъ году послать письмо Императору Николаю I, въ которомъ обращался съ просьбой обратить его планъ... „...de faire à Votre Majesté la proposition formelle, d'établir dans le midi de Votre empire une petite colonie de mes sujets, dont le soin principal serait la dite culture des moutons de race pure et leur propagation dans les vastes états de Votre Majesté...“ [1]).

Императоръ отвѣтилъ чрезвычайно благосклонно, что планъ возбудилъ въ немъ живой интересъ, и что онъ поручилъ министру финансовъ детально разсмотрѣть его.

Когда наконецъ вопросъ при Русскомъ Дворѣ окончательно вырѣшился въ пользу предложенія герцога, оба правительства стали вести переговоры о необходимости назначить особую комиссію, которая могла бы выбрать подходящую для основанія колоніи мѣстность, и затѣмъ отправиться въ Петербургъ для окончанія дѣла.

Спустя нѣкоторое время, герцогъ Ангальтскій получилъ извѣщеніе, что Императоръ послалъ въ Брестъ-Литовскъ г-на фонъ-Юнга, который, въ качествѣ русскаго эмиссара, долженъ былъ ожидать въ означенномъ городѣ герцогскихъ уполномоченныхъ, чтобы затѣмъ показать имъ казенныя земли, пригодныя для разведенія овецъ.

Найти подходящую для будущей колоніи землю и затѣмъ пріобрѣсти таковую на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, было главной задачей предпріятія, и все зависѣло, какъ отъ сельскохозяйственныхъ, такъ и отъ политическихъ способностей и ловкости комиссаровъ. Потому герцогъ и ввѣрилъ эту миссію главному управляющему своихъ имѣній—Альберту, и фонъ-Беру—знатоку финансоваго дѣла и извѣстному дипломату.

Въ сентябрѣ 1827-го года вышеназванные уполномоченные прибыли въ Россію, и, въ сопровожденіи русскаго эмиссара, прослѣдовали черезъ Брестъ-Литовскъ въ Житоміръ, откуда совершили нѣсколько поѣздокъ по южнымъ окраинамъ Россіи. Посѣтивъ между прочимъ Одессу, которая тогда была главнымъ рынкомъ для сбыта шерсти и имѣла постоянныя сноше-

[1]) ...„Формально предложить Вашему Величеству основать на югѣ Вашего государства маленькую колонію моихъ подданныхъ, главная забота которой будетъ культура чистокровныхъ овецъ и ихъ распространеніе“.

нія съ Херсонью, Крымомъ и всей Тавридой, комиссары тотчасъ уяснили себѣ значеніе этого города, какъ портоваго центра, и увидѣли необходимость обосноваться гдѣ-нибудь поблизости, въ имѣніи, располагающемъ наиболѣе удобными путями сообщенія съ Одессой. Послѣ долгихъ колебаній, выборъ ихъ наконецъ палъ на мѣстность, которая значилась на картѣ генеральнаго межеванія подъ именемъ „Степь № 71"; она во всѣхъ межеваніяхъ соотвѣтствовала ихъ требованіямъ и желаніямъ... Вблизи находился Перекопъ, обѣщавшій дешево доставлять камни, немного дальше—Раковка на Днѣпрѣ, также сулившая дешевый лѣсъ.

Комиссары скоро и окончательно высказались за эту мѣстность; смущалъ ихъ лишь размѣръ участка, такъ какъ онъ значительно превосходилъ таковой, имѣвшійся въ виду русскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе они надѣялись придти къ соглашенію въ Петербургѣ, объявивъ эту мѣстность единственно подходящей для своихъ цѣлей.

Послѣ посѣщенія сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ на Молочной рѣкѣ комиссары отправились въ дальнѣйшее путешествіе черезъ Харьковскую, Орловскую и Тульскую губернію, и черезъ Москву, и въ концѣ октября пріѣхали въ Петербургъ, сдѣлавъ свыше четырехъ тысячъ верстъ пути...

Посланниковъ герцога Ангальтскаго вездѣ встрѣчали самымъ любезнымъ образомъ. „Весь Петербургъ говоритъ уже о нашей миссіи, которой придаютъ большое значеніе и которую считаютъ болѣе интересной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности", писалъ въ это время Беръ. Вліятельные люди, какъ графъ Нессельроде и князь Голицынъ, быстро заинтересовались всѣмъ этимъ дѣломъ.

Между тѣмъ время бѣжало; цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ многочисленныхъ конференціяхъ для разработки отдѣльныхъ пунктовъ плана, который долженъ былъ быть доложенъ Императору, но ни къ какому окончательному результату члены конференціи не пришли. Комиссары не знали, какъ быть: герцогъ Ангальтскій присылалъ повелѣніе за повелѣніемъ—скорѣе добиться намѣченной цѣли, Петербургъ же тянулъ и медлилъ рѣшеніемъ... Казалось, дѣло дошло до мертвой точки. Тогда хитрый Беръ, на свой личный страхъ и рискъ, измѣнилъ первоначальную редакцію инструкціи и составленный имъ, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ, контрактъ, былъ доложенъ Императору. Въ день русскаго новаго года, 13-го января, состоялось окончательное рѣшеніе этого дѣла. „Вѣроятно, ми-

нистръ финансовъ вамъ уже сказалъ, что я одобряю ваше дѣло. Я его считаю законченнымъ",—таковы были первыя слова, сказанныя Императоромъ въ аудіенціи ангальтинцу.

Формальное окончаніе предпринятыхъ переговоровъ было теперь лишь вопросомъ времени, хотя подписаніе договора еще затянулось изъ-за продолжительной болѣзни министра финансовъ. Третьяго марта былъ изданъ указъ относительно молодой колоніи, а двадцать второго — Беръ уже сообщилъ домой о полномъ окончаніи своей миссіи по пунктамъ:

1) Императоръ Всероссійскій даетъ разрѣшеніе на устройство колоніи въ Таврической губерніи, которую герцогъ Ангальтскій предлагаетъ учредить изъ своихъ подданныхъ.

2) Подъ сіе поселеніе назначаются въ Таврической губерніе избранные герцогскими депутатами свободные участки земли:

а) участокъ № 71, въ 42.345 десятинъ удобной и неудобной земли...

б) по уваженію сухого качества сего участка отрѣзать до 6.000 десятинъ изъ участка № 47, на берегу Чернаго моря...

3) Оба сіи участка земли отдаются герцогу Ангальтъ-Кетенскому въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ правомъ пользованія всѣмъ тѣмъ, что находится на поверхности сей земли и въ нѣдрахъ оной, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

а) на сихъ участкахъ земли не могутъ быть поселены крѣпостные крестьяне, также не могутъ быть куплены, по причинѣ владѣнія симъ поселеніемъ, другія населенныя имѣнія; но покупка земли для присоединенія къ колоніи, на общемъ основаніи, дозволяется; для работъ же въ поселеніи могутъ быть употреблены вольнонаемные люди.

б) поселеніе сіе можетъ переходить по наслѣдству, завѣщанію, купчей, или инымъ законнымъ способомъ, безъ раздробенія; но кромѣ фамиліи герцога, оно можетъ переходить только къ такимъ лицамъ, кои имѣютъ право владѣть имѣніями въ Россіи, съ сохраненіемъ права поселенцевъ.

в) поселеніе сіе возвращается въ собственность казны, если въ ономъ, по истеченіи десяти лѣтъ, не будетъ находиться по меньшей мѣрѣ двадцать тысячъ овецъ улучшенной породы, съ потребнымъ количествомъ семействъ для содержанія сихъ животныхъ.

4) По истеченіи десяти льготныхъ лѣтъ, начиная оныя съ перваго января 1830 года, платить казнѣ ежегодной повинности за каждую десятину, съ 42,345, по 8 коп. сере-

Асканія-Нова. Домъ гдѣ жилъ инспекторъ администраціи Ангальтъ-Кетенской колоніи.

бромъ, а съ 6.000 десятинъ приморской земли по 15 коп. серебромъ.

5) Колонисты освобождены отъ рекрутской повинности и т. п.

6) Церкви и школы должны быть устроены на счетъ герцога, который опредѣляетъ и служащихъ при нихъ.

7) Выкурка и варка пива свободно могутъ быть производимы.

8) Торговля и фабрики поселенцевъ не подлежатъ гильдейскимъ повинностямъ.

9) Внутренняя полиція въ поселеніи представляется чиновникомъ герцога.

10) Относительно уголовныхъ дѣлъ, общей безопасности и починки дорогъ, поселеніе подчиняется земской полиціи, которая однако дѣйствуетъ черезъ чиновниковъ поселенія.

11) Герцогу предоставляется казенное имѣніе Каменецъ-Подольской губерніи, въ Гайсингскомъ повѣтѣ, называемое Староство Гайсингское, на 24 года, съ платежомъ по 2.000 рублей серебромъ въ годъ, начиная срокъ владѣнія съ 1829 года.

12) Подлежащимъ пограничнымъ таможнямъ будетъ предписано о безпошлинномъ пропускѣ отправленныхъ изъ Ангальта поселенцевъ, съ ихъ имуществомъ, скотомъ, орудіями, сѣменами и проч., за исключеніемъ однако товаровъ.

На пасхальной недѣлѣ, 8-го апрѣля, Беръ пріѣхалъ въ Кетенъ. Единственно, благодаря энергіи и разсудительности обоихъ герцогскихъ комиссаровъ, переговоры закончились для Ангальта весьма удовлетворительнымъ образомъ. Герцогъ Фердинандъ сумѣлъ оцѣнить это, назначивъ Беру и Альберту почетныя награды и денежные подарки, а Императоръ Россіи, съ своей стороны, пожаловалъ герцогскимъ комиссарамъ по перстню съ своей буквой; одновременно съ этимъ онъ утвердилъ фонъ-Кюстера ангальтскимъ агентомъ при русскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Пріобрѣтенное герцогомъ Фердинандомъ Ангальтскимъ имѣніе находится на югѣ Россіи, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга степей, изъ которыхъ большая, называвшаяся раньше русскими „Чапли“, съ момента пріобрѣтенія ангальтскимъ домомъ, стала называться „Асканія-Нова“ (въ Россіи она называлась также Ангальтъ-Кетеномъ или Ново-Кетеномъ), мень-

шая же, расположенная у моря, сохранила первоначальное русское или татарское названіе „Дофино". Степи расположены на разстояніи 65 верстъ другъ отъ друга и соединены межъ собою почти совершенно прямою дорогою, идущею, между прочимъ, черезъ казенныя степи Чаплинка и Каланчакъ.

Земледѣліемъ можно заниматься лишь въ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ все владѣніе—сплошная степь, въ которой почти не встрѣчается ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни прудовъ. На этихъ обширныхъ пастбищахъ имѣются такъ называемыя „балки", т. е. долины—низины, сохраняющія больше всего сырости и дающія даже въ самые бѣдные сѣномъ годы кормъ скоту. Большею частью онѣ очень мелки, и лишь „большая балка", имѣющая діаметръ въ три версты, въ самой низкой своей части только на три фута ниже окружающаго ее берега. Въ степяхъ встрѣчаются также маленькія возвышенности или курганы, по всей вѣроятности, прежнія татарскія могилы или мѣста для караульныхъ...

Лѣсовъ не имѣется, лишь изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя деревья. Изъ-за глинистаго грунта, не пропускающаго сырость, нечего и думать объ облѣсеніи края въ большихъ размѣрахъ...

Изъ травъ чаще всего встрѣчается „тирса"—ковыль двухъ родовъ,—майскій и поздній. Вся растительность вообще скудная.

Климатъ степей крайне перемѣнчивый. Послѣ продолжающейся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль знойной жары, цѣлыми недѣлями длятся суровые холода. Наибольшая жара наблюдалась до 1842 года въ Асканія-Нова 40,25 ° R, сильнѣйшій морозъ — 24,25 ° R. Полгода въ среднемъ 190 дней, въ степяхъ дуютъ восточный и сѣверо-восточный вѣтры, дѣлающіе жару болѣе выносимой, но увеличивающіе засуху. Вообще въ этихъ мѣстахъ влаги выпадаетъ въ три раза меньше, чѣмъ въ Берлинѣ или въ Петербургѣ; бывали годы, какъ, напримѣръ, въ 1832 и 1833 гг., въ которые не замѣчалось ни снѣга, ни дождя.

Согласно постановленію герцога Фердинанда, отъ 28 апрѣля 1838 года, вновь пріобрѣтенное на югѣ Россіи имѣніе должно было управляться совершенно автономно. Для этой цѣли была образована въ Кетенѣ особая „администрація надъ таврическими владѣніями", въ которой участвовали финансраты фонъ-Беръ и Альбертъ. Оба были совершенно независимы отъ дру-

тихъ присутственныхъ мѣстъ и лишь подвѣдомственны непосредственно самому герцогу. Мѣстное управленіе было названо „администрація таврическихъ владѣній“.

Нужно было еще образовать вспомогательный фондъ, для первоначальнаго основанія и обзаведенія колоніи. Для этой цѣли на таврическія владѣнія былъ переведенъ и внесенъ въ ихъ дебетъ тотъ пассивный капиталъ, въ суммѣ 54.500 талеровъ, который послѣ смерти княгини Ангальтъ - Цербстской долженъ былъ быть выплаченъ Россіи, но процентами съ котораго въ то время пользовалась княгиня фонъ-Вальдекъ. Кромѣ того для пополненія этого фонда, были предназначены доходы съ ангальтъ-кетенскихъ имѣній Гейтцъ и Росслау, которыхъ по расчету должно было хватить для комплектованія и отправленія транспортовъ овецъ. Казалось, финансовая сторона предпріятія была достаточно обезпечена на первое время.

Послѣ окончанія цѣлаго ряда судебныхъ формальностей, 27 іюля 1828 года, въ присутствіи симферопольскаго губернатора, состоялась въ Чаплинскихъ казармахъ торжественная передача степей.

Одной изъ главныхъ заботъ ангальтскаго правительства былъ вывозъ въ ближайшемъ будущемъ достаточно большого количества овецъ въ новыя владѣнія. Въ Кетенѣ совершенно вѣрно признали, его предпріятіе лишь тогда разовьется какъ слѣдуетъ, и дастъ желанный доходъ, когда въ степяхъ имѣнія будетъ находиться въ достаточномъ количествѣ хорошее племя овечьихъ породъ, что можетъ обезпечить скорое размноженіе овечьихъ стадъ.

Тогда же было рѣшено отправлять въ таврическое владѣніе, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, ежегодно, по одному транспорту племенныхъ овецъ, въ сопровожденіи колонистовъ, которые тамъ поселятся.

На приготовленія къ переселенію тратилось много времени. Лишь въ концѣ лѣта первый транспортъ отправился въ путь изъ Кетена. „Ангальтъ-Кетенская“ газета пишетъ: „11 августа с. г. мы видѣли рѣдкое для мѣстныхъ жителей зрѣлище; первый главный караванъ, состоящій изъ 3.000 овецъ, отправился въ новыя владѣнія его свѣтлости герцога Ангальтскаго въ южной Россіи. Многочисленная толпа собралась по этому поводу, присутствовали также ихъ свѣтлости герцогъ и герцогиня. Въ виду того, что такіе транспорты овецъ будутъ уходить ежегодно, страна наша можетъ разсчитывать на значительную прибыль...“

Вторая экспедиція выступила въ послѣдней половинѣ іюля 1829 года.

Третій и послѣдній основной транспортъ вышелъ изъ Кетена тринадцатаго іюля 1830 года, подъ предводительствомъ агрономнаго комиссара Пихта. Между прочимъ ангальтское правительство послало съ этимъ транспортомъ сортировщика шерсти, который долженъ былъ тщательно разсортировать стада въ Гайсингѣ и въ степи, и въ каждомъ мѣстѣ составить племенныя стада. Транспортъ по прошлогоднему пути прибылъ въ степь тридцатаго сентября безъ значительныхъ потерь.

Такимъ образомъ въ концѣ 1830 года имѣлось въ степи около восьми тысячъ головъ племянныхъ овецъ. Задача администраціи состояла въ разведеніи изъ этого основного племени большихъ стадъ, а также въ правильномъ направленіи культуры всей колоніи.

Въ 1828 году въ южно-русской степи, недавно пріобрѣтенной Ангальтъ-Кетенскимъ домомъ, не было еще никакого населенія; единственными обитателями ея являлись нѣсколько стражниковъ, жившихъ въ такъ называемой казенной квартирѣ...

Администраторъ Брауманъ, прибывшій въ нарождавшуюся колонію въ іюлѣ того же года, тотчасъ началъ работы по воздѣлыванію полей и по постройкѣ помѣщеній для людей и скота. Первое время строенія возводились съ глинобитными стѣнами и изъ глины, но потомъ этому матеріалу стали предпочитать фахверкъ, въ соединеніи съ известью и камнями.

Пастбище въ Асканія-Нова само по себѣ было очень хорошее, но въ виду того, что, согласно условію, нельзя было держать крѣпостныхъ,—приходилось въ большомъ количествѣ нанимать чужихъ рабочихъ, на содержаніе которыхъ тратилось довольно много денегъ, и такимъ образомъ сѣно все-таки обходилось очень дорого.

Большею частью зимы бывали умѣренныя, такъ что стада кормились сѣномъ всего въ теченіе нѣсколькихъ дней, но бывали годы, когда овецъ загоняли въ хлѣва и на болѣе продолжительное время, дней на 27 и даже на 45. Въ общемъ овцеводство постепенно развивалось и крѣпло. Овцы были разсортированы по тонкости шерсти и подѣлены на классы. Для того, чтобы выгоднѣе сбывать шерсть, въ которой, кромѣ тонкости, цѣнилась еще и чистота, приходилось какъ-нибудь мыть овецъ. Въ степной мѣстности воды было мало, и стада гоняли ку-

паться къ Днѣпру, который протекалъ въ 100 миляхъ отъ Асканіи-Нова.

Шерсть сбывали, главнымъ образомъ, въ Москву и Одессу, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—также на нѣмецкіе и англійскіе рынки.

23 августа 1830 года умеръ герцогъ Фердинандъ—основатель и покровитель молодой колоніи. На престолъ вступилъ его братъ, Генрихъ, принявъ на себя также и заботу о таврическомъ владѣніи. Для завѣдыванія этимъ имѣніемъ, онъ образовалъ особое учрежденіе, въ которомъ между прочими засѣдали, съ правомъ голоса, и тайные финансраты—фонъ-Беръ и фонъ-Альбертъ.

Герцогъ обѣщалъ навѣстить колонію въ будущемъ, 1831 г.

Между тѣмъ дѣла въ Асканіи-Нова были далеко не въ блестящемъ состояніи. Съ одной стороны господствовалъ полный безпорядокъ, обусловленный постоянной враждой старшихъ чиновниковъ и неповиновеніемъ младшихъ, съ другой—колонія требовала большихъ затратъ и не давала никакихъ доходовъ. Тогда рѣшено было отправить лѣтомъ 1831 года ревизію для подробнаго разслѣдованія положенія вещей въ Кетенскихъ владѣніяхъ. Ревизія эта однако принуждена была вернуться, не достигнувъ цѣли, такъ какъ въ Россіи въ то время свирѣпствовала холера, и переходъ черезъ границу былъ запрещенъ.

Лѣто 1832 года выдалось очень сухое, вслѣдствіе чего урожай хлѣба былъ неудачный; вообще, нужно сказать, что климатическія и геологическія условія молодой колоніи были настолько неблагопріятны, что не могло быть и рѣчи объ успѣшномъ развитіи земледѣлія.

Весною 1832 года ревизія вторично отправилась въ Таврическую губернію. Первое впечатлѣніе отъ деревни, съ ея правильными строеніями и плодовыми садами было хорошее. Стада размножались въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшему процвѣтанію колоніи мѣшали, повидимому, больше всего раздоры чиновниковъ. Результатомъ разслѣдованія явилась смѣна управляющаго, которымъ теперь былъ назначенъ Тетцманъ.

До сихъ поръ Кетенскія владѣнія въ южной Россіи не имѣли еще оффиціальнаго наименованія, и только теперь, согласно данному приказу, ревизоръ Беръ назвалъ главное селеніе—Ascania Nova (Новая Асканія). „Такъ какъ это владѣніе, по волѣ пріобрѣтателя должно вѣчно оставаться за Ангальтскимъ Домомъ,—писалъ домой начальникъ ревизіи,—то мнѣ

кажется умѣстнымъ напомнить о правахъ на потерянный вслѣдствіе насилія чудный участокъ земли, вмѣсто котораго остался лишь пустой титулъ [1]), который едва-ли когда-либо пріобрѣтетъ реальное значеніе... Остальные участки земли (подъ ними подразумѣвались нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ) будутъ достойнымъ образомъ названы, получивъ имена царствующей герцогской четы, которой колонія обязана своимъ процвѣтаніемъ и существованіемъ, а также умершихъ герцога и герцогини, основателей колоній". Онъ ихъ назвалъ: Фердинандовкой, Юліановкой, Генриково и Августово.

Въ серединѣ іюня, послѣ приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ, Беръ отправился въ Петербургъ для веденія переговоровъ съ Русскимъ Дворомъ относительно уступки Ангальтъ-Кетену, для дальнѣйшаго усовершенствованія колоніи, аллодіальнаго капитала въ 360.500 талеровъ, который Россія должна была получить отъ Ангальскаго герцогства, какъ наслѣдственную часть Екатерины II. Когда переговоры приняли благопріятный для герцога оборотъ, Беръ отправился моремъ домой, и въ серединѣ сентября прибылъ въ Кетенъ.

Новому управляющему умѣніемъ Тетцману было передано при его вступленіи въ должность—15.004 головъ овецъ, 48 головъ рогатаго скота и 82 лошади. Уже вскорѣ послѣ его назначенія, всѣ отрасли хозяйства колоніи стали замѣтно подниматься. Обративъ особенное вниманіе на винодѣліе, приносившее въ Крыму большіе доходы, Тетцманъ исходилъ болѣе 5.000 виноградныхъ лозъ, обѣщавшихъ дать хорошіе результаты (какъ выяснилось впослѣдствіи, виноградъ даже не созрѣлъ).

При первомъ же своемъ близкомъ знакомствѣ съ овцеводствомъ, управляющій высказалъ мысль о необходимости сдѣлать животнымъ прививку оспы; этотъ проектъ однако не встрѣтилъ сочувствія въ Кетенѣ, и только послѣ 1833 г., когда появилась сильная эпидемія оспы, стали прибѣгать къ прививкѣ, благодаря которой удалось спасти большую часть животныхъ.

Несмотря на сильную засуху и полный неурожай хлѣбовъ, колонія въ концѣ 1833 года производила самое благопріятное впечатлѣніе. Были построены приличныя жилища для тридцати нѣмецкихъ семействъ, залъ для богослуженій, школа, водо-

---

[1]) Въ 1830 году ангальтскіе князья приняли титулъ „графы Асканіи".

подъемная машина, снабжавшая всю деревню водою изъ колодца, глубиною въ 10 саженъ, большой кирпичеобжигательный заводъ и еще много различныхъ болѣе мелкихъ сооруженій.

Наконецъ, въ 1834 году, первый разъ за все время существованія колоніи, былъ высланъ въ Кетенъ чистый доходъ, въ размѣрѣ 10.000 талеровъ, полученный почти исключительно съ овцеводства. Теперь овецъ было уже около 24.000 головъ, которыхъ Тетцманъ подраздѣлилъ по качеству шерсти на пять классовъ; это давало поводъ думать, что выгода отъ продажи шерсти съ каждымъ годомъ будетъ повышаться.

Однако надежды на дальнѣйшее блестящее развитіе хозяйства не осуществились. До 1840 года колонія аккуратно высылала на родину нѣкоторый капиталъ, но онъ далеко не соотвѣтствовалъ тѣмъ затратамъ, которыхъ требовало имѣніе. Тетцманъ въ это время писалъ: „Если такъ будетъ продолжаться, то имѣніе не оправдаетъ затраченныхъ на него денегъ; я сокращу расходы, насколько возможно"...

Въ 1835 году русскій Императоръ постановилъ вернуть Ангальтъ-Кетену наслѣдственный капиталъ въ 163.500 талеровъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ былъ использованъ на нужды колоніи.

Императоръ писалъ: „Я дѣйствительно желалъ, чтобы аллодіальный капиталъ Ангальтъ-Цербста былъ употребленъ согласно желанію вашей свѣтлости, и я былъ радъ доказать вашей свѣтлости, какъ я цѣню полезную дѣятельность этой колоніи на югѣ Россіи, и попеченіе, которое вы о ней имѣете".

Это письмо очень обрадовало герцога, и онъ сталъ снова надѣяться на улучшеніе финансоваго положенія Асканіи-Нова.

Между тѣмъ, отчеты Тетцмана становились все запутаннѣе и неблагопріятнѣе; наконецъ лѣтомъ 1842 года прибыла въ Асканію-Нова ревизія, которая обнаружила большія злоупотребленія со стороны управляющаго: число овецъ значительно уменьшилось и между ними не было ни одного взрослаго барана, такъ какъ Тетцманъ все продавалъ.. Покупатели конечно всегда выбирали лучшихъ первоклассныхъ овецъ, а для разведенія оставались лишь плохія. Земледѣліе было запущено, коннозаводство велось безъ всякаго знанія дѣла. Отчетность кассы находилась въ невѣроятномъ безпорядкѣ.

Всѣ сосѣди единодушно выражали свое порицаніе управленію имѣніемъ, говоря: „Дурная слава всего хозяйства Асканія-Нова составляетъ предметъ всеобщей насмѣшки, такъ какъ

степь всегда управлялась самымъ ужаснымъ образомъ". Всѣ были того мнѣнія, что герцогъ Ангальтскій долженъ обладать несмѣтными богатствами, если оставляетъ безъ вниманія эту запущенность хозяйства имѣнія. Вскорѣ стали ходить слухи о продажѣ колоніи.

Въ 1845 году началось разведеніе чундукскихъ овецъ, которыя выносливѣе испанскихъ, и даютъ больше чистой прибыли. Но и этотъ опытъ не увѣнчался успѣхомъ. Въ октябрѣ 1846 года главные чиновники Асканіи-Нова посѣтили первую выставку сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Симферополѣ. Образцы шерсти, выставленные колоніей, вслѣдствіе своей выровненности, тонкости и хорошаго свойства, получили похвалу.

Герцогскому имѣнію была присуждена большая серебряная медаль.

Двадцать третьяго ноября 1847 года умеръ герцогъ Генрихъ; съ его смертью прекратился родъ герцоговъ Ангальдъ-Кетенскихъ, который такъ интересовался основанной имъ колоніей и всячески поддерживалъ ее. Было ясно, что теперь дальнѣйшее существованіе Асканіи-Нова будетъ лишь вопросомъ времени.

Согласно завѣщанію покойнаго герцога Фердинанда, колонія перешла въ собственность герцога Ангальтъ-Дессаускаго. Ангальтъ-Бернбургскому дому должна была быть выплачена наличными деньгами половина стоимости земли колоніи.

Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій съ большой неохотой вступилъ во владѣніе Асканіей-Нова и, ознакомившись ближе съ ея хозяйствомъ, которое въ то время было ниже всякой критики, въ 1849 году началъ вести переговоры о продажѣ, съ помѣщикомъ и обладателемъ стадъ въ Елисаветполѣ—Фейномъ, прадѣдомъ нынѣшняго владѣльца Асканіи, Ф. Э. Фальцъ-Фейна. Эти переговоры велись съ перерывами (во время турецкой войны 1854 г.), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Наконецъ, 26 августа 1856 года купчая была подписана обѣими сторонами. Содержаніе ея, въ главныхъ пунктахъ было слѣдующее:

1. Герцогскія таврическія владѣнія продаются цѣликомъ за 525.000 талеровъ серебромъ, въ такомъ видѣ, какъ они перешли въ пользованіе герцога Фридриха Ангальтъ-Кетенскаго, согласно указу Его Величества Императора Николая I, отъ 3 марта 1828 года...

Встрѣча табуна лошадей прибывшаго съ нагайцами въ Дессау въ 1857 году прусскимъ королемъ Вильгельмомъ I и герцогомъ Дессаусскимъ.

2. Правительство обязуется, тотчасъ же послѣ высочайшаго соизволенія на продажу имѣнія, отдать администраціи Асканія-Нова распоряженіе, чтобы изъ имѣющагося инвентаря и изъ запасовъ ничего больше не продавалось...

3. Дѣйствительные герцогскіе чиновники, пастухи и служащіе не могутъ быть принуждаемы оставаться на службѣ у покупателя...

4. Изъ проданнаго Фейну табуна въ Асканіи-Нова двѣсти лошадей исключаются и предоставляются въ распоряженіе герцога Леопольда Фридриха.

О томъ, какъ этотъ табунъ лошадей шелъ изъ далекихъ южно-русскихъ степей въ герцогства Ангальтское, и какъ наконецъ прибылъ въ Дессау, очень интересно разсказываетъ г-нъ Böhm, которому была поручена доставка животныхъ.

Онъ говоритъ слѣдующее: „Въ октябрѣ 1857 года, по всѣмъ городамъ и селамъ — отъ Weichsel до Эльбы господствовало чрезвычайное оживленіе. Растянувшись длинной нитью, шелъ по дорогѣ большой табунъ лошадей, охраняемый дикими на видъ всадниками, верхомъ на быстрыхъ коняхъ. Люди отовсюду сбѣгались большими толпами, чтобы посмотрѣть на это странное зрѣлище; старики набожно крестились, старухи крѣпко прижимали къ себѣ внучатъ, какъ бы желая защитить ихъ отъ опасности. Въ памяти народа еще слишкомъ свѣжи были впечатлѣнія войны, когда во всей странѣ властвовали французы, и гнались за ослабѣвшими войсками, съ оружіемъ въ рукахъ... Но на этотъ разъ мирные поселяне ошиблись: по дорогѣ тихо подвигалось самое безобидное шествіе; незнакомцы ѣхали изъ далекаго Крыма Таврической губ., ѣхали для того, чтобы передать герцогу Ангальтскому послѣдній даръ его бывшей колоніи... Табунъ, состоявшій изъ жеребцовъ и кобылицъ, выступилъ изъ селенія Марьяновки, въ августѣ 1857 года, въ сопровожденіи пяти верховыхъ ногайцевъ и подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Всѣ вещи были отправлены впередъ, въ шести русскихъ телѣгахъ. Транспортъ, кромѣ двухсотъ лошадей табуна, заключалъ въ себѣ еще пятнадцать жеребятъ, двѣнадцать верховыхъ лошадей и пятнадцать упряжныхъ.

Дорога шла черезъ Бреславль (на Днѣпрѣ), Вознесенскъ и Бердичевъ—на Варшаву. Въ большихъ польскихъ лѣсахъ кони постоянно разбѣгались въ разныя стороны, пугаясь волковъ и непривычнаго, жуткаго лѣсного шума. Иногда на лошадей нападалъ такой паническій страхъ, что ихъ ничѣмъ нельзя было удержать — онѣ какъ обезумѣвшія мчались впередъ, стараясь

вырваться изъ обступившаго ихъ лѣса, куда-нибудь въ степь, на просторъ... По ночамъ приходилось особенно строго слѣдить за животными, и татары неустанно, по очереди, объѣзжали табунъ, на сколько возможно оберегая чуткій сонъ запуганныхъ степныхъ дикарей. Въ результатѣ всѣ кони сильно исхудали, въ особенности несчастные жеребята, которыхъ мы, спустя нѣкоторое время, порѣшили съѣсть... Не говоря уже про ногайцевъ, даже мнѣ мясо молодыхъ лошадей показалось очень вкуснымъ...

Отъ Варшавы нашъ транспортъ направился прямо на Позенъ; начиная съ прусской границы, караванъ все время сопровождали два конныхъ жандарма, смѣнявшіеся два раза въ день.

Передъ самымъ Дессау, куда мы прибыли только въ концѣ ноября, насъ вышли встрѣчать—прусскій король Вильгельмъ I и герцогъ Дессаусскій, съ наслѣднымъ принцемъ и свитой.

На большой площади, въ зоологическомъ саду, огороженномъ высокимъ заборомъ, я и подчиненные мнѣ ногайцы показывали свое искусство въ ловлѣ коней арканами... Герцогъ тутъ же выбралъ себѣ лично тридцать лошадей, а всѣ остальныя — даже верховыя и упряжныя были проданы въ декабрѣ. Торги были окончены въ одинъ день, при чемъ худшая лошадь, которая съ трудомъ волочила ноги, пошла за 75 талеровъ; среднихъ по качеству продали по 400 талеровъ, а лучшаго коня — за 800 тал. Самый дорогой сѣрый жеребецъ вырвался изъ рукъ, когда его уводили и, перепрыгнувъ высокое желѣзное загражденіе, повисъ на шеѣ, зацѣпившись за острый зубецъ. Чтобы спасти его, пришлось сдѣлать надрѣзъ кожи который къ счастью не принесъ особаго вреда.

Другая лошадь, вырвавшись, убѣжала и переплыла Эльбу; она долго пропадала, и только на четвертый день была ружена въ лѣсу и поймана мною съ помощью ласо.

За нѣсколько дней до нашего поѣзда, герцогъ, желая сдѣлать мнѣ и моимъ спутникамъ удовольствіе, отправилъ насъ въ театръ, гдѣ мои ногайцы очень скоро уснули и проспали все представленіе.

Богато одаренные герцогомъ за услугу, мы вскорѣ снарядились въ далекій путь и направились въ родныя кочевья.

Въѣздъ табуна въ Дессау былъ въ свое время запечатлѣнъ придворнымъ художникомъ профессоромъ Otto Seelman'омъ, на полотнѣ, которое сейчасъ хранится въ герцогскомъ замкѣ. Великолѣпный фотографическій снимокъ съ этой картины (см.

иллюстрацію) имѣется въ рукахъ у нынѣшняго владѣльца Аскані-Нова—Ф. Э. Фальцъ-Фейна.

Но вернемся къ исторіи:—Извѣстіе о продажѣ колоніи произвело въ Асканіи-Нова потрясающее впечатлѣніе — многіе плакали, и вопли ихъ не прекращались долгое время. Никто не ожидалъ такой быстрой перемѣны.

Третьяго октября 1856 года состоялась передача колоніи Фейну. Онъ получилъ: 49.123 головъ овецъ, 297 козъ, 640 лошадей и 549 головъ рогатаго скота. Герцогскіе служащіе, оставленные Фейномъ при имѣніи, частью пожелали вернуться къ себѣ въ Германію, частью остались въ той странѣ, которая сдѣлалась для нихъ второй родиной.

Итакъ Асканія-Нова перестала быть колоніей Ангальта...

П. Козловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лирика Е. А. Боратынскаго [1]).

Эротическіе мотивы сравнительно нерѣдки въ первомъ періодѣ поэта, настроеннаго отнюдь не эротически, и самое присутствіе такихъ мотивовъ въ элегіяхъ Боратынскаго говоритъ о томъ, что поэтъ болѣе уступалъ современности и слѣдовалъ принятымъ образцамъ, чѣмъ повиновался собственному непосредственному влеченію; чистоэротическихъ стихотвореній, отмѣченныхъ печатью Парни, у Боратынскаго очень мало, и такія произведенія, какъ „Леда“ и „Къ Амуру“, составляютъ исключеніе въ задумчиво-скорбной музы поэта-философа.

Легкій эпикуреизмъ и эротизмъ находилъ себѣ отраженіе въ поэзіи Боратынскаго, но кто не узнаетъ въ такихъ изящныхъ стихахъ почерпнутаго изъ французской poésie legère и хорошо усвоеннаго воспѣванія радостей жизни:

Любви веселой проповѣдникъ,
Всего любезный говорунъ,
Глубокомысленный шалунъ,
Назона правнукъ и наслѣдникъ!
Дана на время юность намъ;
До рокового новоселья
Попить не худо для веселья.
Товарищъ милый, по рукамъ!
Наука счастья намъ знакома,
Часы летятъ!—Скорѣй зови
Богиню милую любви!
Скорѣе вѣтренаго Мома!
Альковъ уютный приготовь!

1) См. „Русская Старина“, апрѣль 1914 г.

Наполни чаши золотыя!
Измѣнятъ скоро дни младые,
Измѣнитъ скоро намъ любовь!
Летящій мигъ лови украдкой,—
И Гея, Вакхъ еще съ тобой!
Еще полна, другъ милый мой,
Предъ нами чаша жизни сладкой... (К—ву, 1819).

Повторяемъ, что такіе заимствованные мотивы встрѣчаются весьма нерѣдко у Боратынскаго, но весьма рѣдко выдерживаетъ онъ общее легкое настроеніе и, начавъ говорить о радостяхъ жизни, о Купидонахъ и Лилетахъ, повторяя общія мѣста—

Счастливъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты,

неожиданно обрываетъ стихотвореніе грустнымъ видѣніемъ:

И гдѣ же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселый стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочной,
Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной.
И я, пѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
Пою въ тоскѣ уединенной,
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
И брегъ невидимъ отдаленный.

И такіе неожиданные переходы отъ условнаго и трафаретнаго къ личному и субъективно-лирическому окрашиваютъ въ особый тонъ стихотворенія Боратынскаго, придающій неизъяснимую прелесть и оригинальность и граціознымъ бездѣлушкамъ поэта.

Приблизительно то же самое можно сказать и о мадригальной поэзіи Боратынскаго, о его стихотвореніяхъ на случай, популярность которыхъ зафиксирована извѣстнымъ мѣстомъ изъ „Евгенія Онѣгина“:

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей!
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риѳмачей!
Вы, украшенные проворно
Толстова кистью чудотворной,
Иль Боратынскаго перомъ,—
Пускай сожжетъ васъ божій громъ!

Какъ эротическія стихотворенія Боратынскаго, такъ и альбомныя, мадригальныя непосредственно связаны съ французской поэзіей (а также и съ современной Боратынскому русской) и, подобно первымъ, имѣютъ наклонность къ переходу въ элегическое настроеніе, въ элегію.

Элегіи составляютъ послѣдній и самый значительный отдѣлъ въ произведеніяхъ Боратынскаго; по элегіямъ можно судить объ его отношеніи къ предыдущей эпохѣ и къ современной жизни и литературѣ, и значительность этого отдѣла заключается не только въ томъ, что онъ самый многочисленный, но и въ томъ, что онъ является наиболѣе характернымъ для Боратынскаго 1819—1827 гг. Для всей читающей публики и критики Боратынскій являлся прежде всего элегикомъ, и самъ поэтъ склоненъ былъ считать себя призваннымъ къ элегіи. Насколько высоко ставились въ свое время элегіи Боратынскаго, насколько элегіи Боратынскаго были событіями въ литературной жизни 20-хъ годовъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма Пушкина къ А. А. Бестужеву (отъ 12 января 1824): „Баратынскій—прелесть и чудо; Признаніе—совершенство. Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе“. Боратынскій обратилъ на себя вниманіе своими элегіями въ то время, когда элегія была однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ и распространенныхъ видовъ лирической поэзіи, когда элегія Жуковскаго увлекла за собою цѣлую толпу подражателей. И элегикъ-Боратынскій въ своемъ посланіи „Богдановичу“ (1824) такъ говоритъ о модной элегіи модныхъ писателей:

Въ печаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
И какъ-то въ мірѣ семъ все очень не по нихъ...
И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
Прости ему Господь!—Но что же? всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивые враки,
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и сердце отцвѣло.

Элегія Боратынскаго не могла потеряться среди массы „злыхъ подражателей“ Жуковскаго, такъ какъ въ противоположность послѣднимъ, элегія Боратынскаго отличалась не общими трафаретными мѣстами объ увяданіи души и сердца, такъ какъ поэтъ пѣлъ не „нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы“ и не „поблеклый жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“ въ туманныхъ стихахъ, а въ своихъ элегическихъ произведеніяхъ касался глубокихъ вопросовъ бытія, и каждая его элегія являлась какъ бы маленькой поэмой, раскрывавшей передъ читателемъ внутренній міръ скорбной души поэта. Этимъ качествомъ, а также глубокой искренностью и задушевностью, рядомъ съ художественной значительностью и печатью оригинальности, Боратынскій несомнѣнно выдѣлялся среди всѣхъ (и крупнымъ—въ томъ числѣ) элегиковъ 20-хъ годовъ и заслуживалъ тѣ лестные отзывы, какіе расточались въ его похвалу. Въ своей элегіи, въ элегическомъ тонѣ Боратынскій былъ вполнѣ самостоятельнымъ и „не тащился по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія“, но справедливость требуетъ указать на то, что руководителями поэта и въ этомъ направленіи были тѣ же французскіе поэты (въ особенности, Лафаръ и Мильвуа) и Жуковскій, и что, прежде чѣмъ выйти на самостоятельную собственную дорогу, Боратынскій въ своихъ элегіяхъ удовлетворялся общими мѣстами и въ 19 лѣтъ говорилъ:

Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья?—
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ-ли друга ты?—Болѣзни и печали
Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ... („Къ Креницыну“, 1819)!

Или:

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей.
Любви и радости подруги,
Простите! вяну въ утро дней! („Прощанье“, 1819).

Но еще болѣе, чѣмъ элегическая условность свидѣтельствуетъ о связи Боратынскаго съ господствовавшими направленіями и настроеніями его времени, свидѣтельствуетъ о томъ, какое вліяніе имѣло на Боратынскаго французская поэзія конца XVIII вѣка, то удивительное усвоеніе формы и духа фран-

цузской элегіи, въ силу котораго въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно отличить переводныхъ элегій Боратынскаго отъ оригинальныхъ. Понятно, что по мѣрѣ все болѣе широкаго развитія творческой думы Боратынскаго, онъ все болѣе и болѣе отходилъ отъ своихъ образцовъ, но отправными пунктами его творчества были литературные образцы и вѣянія времени, вслѣдствіе чего необходимо считаться съ нѣкоторою условностью произведеній поэта, принадлежавшаго своими симпатіями и образованіемъ къ классической поэзіи, и потому нельзя за Лилетами, Темирами, Алименами и воспѣваніями легкихъ радостей и оплакиваніями легкихъ печалей видѣть не только факты біографическаго характера, но порой и показателей внутренняго душевнаго міра.

Замѣтимъ также, что аналитическій складъ ума Боратынскаго питался сентенціями французской поэзіи, что и отразилось довольно значительно въ первомъ періодѣ его лирики, когда онъ убѣждаетъ „сократить желаній пылкихъ нетерпѣнье“, потому что

Мы ими счастію вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

Значительный отпечатокъ положилъ классицизмъ XVII вѣка не только на строеніе строфы у Боратынскаго и на широкое пользованіе миѳологическими именами, но также и на самый языкъ его произведеній, въ которыхъ мы находимъ очень большое количество галлицизмовъ, какъ напр.:

Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ, счастія, но счастье нужно мнѣ. („Родина“, 1821)
Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадной,
И сердцу и уму я пищу находилъ. („Н. И. Гнѣдичу“, 1822)
И я люблю, тебя внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей. („Лутковскому“, 1823) и т. д.

Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена. („Родина“, 1819).

Большая часть стихотвореній перваго періода написана поэтомъ въ Финляндіи, угрюмо-живописная природа которой наложила особый отпечатокъ на все творчество Боратынскаго и выразилась очень ярко въ его поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ. Природа, картины природы и мысли, внушаемыя ими, является на первомъ планѣ въ очень многихъ произведеніяхъ Боратынскаго, такъ описывающаго свое общеніе съ природой:

Какъ все вокругъ меня плѣняетъ грозно взоръ!
Пустынный неба сводъ, угрюмый видъ природы,
О каменистый брегъ дробящіяся воды
И дремлющій надъ ними боръ!
Скалы далекія подернулись тумапомъ,
Въ зерцалѣ зыбкихъ водъ глядится черный лѣсъ;
Все тихо! все молчитъ! и блѣдный сводъ небесъ
Слился съ безбрежнымъ океаномъ.
Здѣсь все бесѣдуетъ съ уныніемъ моимъ:
И сосенъ шумъ глухой, и волнъ неясный лепетъ
Какъ будто бы знакомъ, какъ будто внятенъ имъ
Младого сердца томный трепетъ.
Здѣсь окруженный тишиной
Природы, дремлющей подъ кровомъ ночи звѣздной,
Люблю сидѣть одинъ надъ сумрачною бездной,
Молчать и въ даль летѣть душой... („Финляндія", 1820).

Поэтъ любилъ природу и далъ много мастерскихъ по рисунку и краскамъ, по живописи образовъ картинъ, но рѣдко встрѣчаются въ его произведеніяхъ картины „прекрасной весны", когда „звучатъ и блещутъ небеса", когда просыпается въ сумракѣ вѣтвей наяда и „стрясаетъ инеи съ кудрей": въ эти минуты восторги природы пробуждаютъ его духъ, но такіе моменты крайне рѣдки и мимолетны, и торжествующій мажорный тонъ переходитъ въ элегическое раздумье („Весна", 1822).

Любимый пейзажъ Боратынскаго въ первомъ періодѣ—немочный шумъ водопадовъ, борьба волнъ, утесистыя грани, черные валы, возстающіе до небесъ,

Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
Пришельца новаго пугающіе взоръ,
Свинцовыхъ моря водъ безбрежная равнина...
(„Н. И. Гнѣдичу", 1822).

И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ немолчный ихъ... („Отъѣздъ". 1821).

Пасмурное солнце, вѣчный шумъ сосенъ и ревъ моря питаютъ въ Боратынскомъ „безумье мрачныхъ думъ", и въ его стихотвореніяхъ настолько гармонично-цѣльно сливаются картины природы съ думами скорбнаго поэта, съ его внутреннимъ

міромъ, что, съ одной стороны, оживляютъ мрачный пейзажъ, съ другой стороны—подчеркиваютъ „безумье мрачныхъ думъ“ на фонѣ „мрачнаго вида нагой природы“. Этимъ пріемомъ—передачей своихъ настроеній посредствомъ картинъ природы—Боратынскій пользовался очень широко, и онъ употребленъ особенно мастерски-замѣчательно въ „Осени“ (1837 года); но и въ первомъ періодѣ литературной дѣятельности Боратынскаго проявляется рѣзко эта манера письма, что придаетъ особый, личный характеръ многочисленнымъ отраженіямъ природы въ его поэзіи.

Пушкинъ, болѣе въ шутку, чѣмъ серьезно, назвалъ Боратынскаго Гамлетомъ, но это названіе нельзя не признать весьма удачнымъ, такъ какъ поэтическія раздумья Боратынскаго по существу Гамлетовскаго характера. Поэтъ вѣчно тоскуетъ о счастьи, которое такъ же недоступно человѣку, какъ влага алчущему Танталу:

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я.
Когда жъ и гдѣ и въ чемъ его найду я,
О судьи бытія! („Истина“, 1823).

Желаніе счастья въ человѣка вдохнули боги, но вѣчноблаженные и жестокіе боги не дѣлятся своимъ блаженствомъ съ земными дѣтьми Прометея и положили намъ тягостный жребій:

положенный срокъ
Томиться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія
И смерти отрадной страшиться.
Нужды непреклонной слѣпые рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное;
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему
Стремимся неяснымъ желаньемъ!..
(„Къ Делію“, 1821).

Такъ, уже въ первыхъ стихотвореніяхъ Боратынскаго прозвучалъ тотъ мотивъ о детерминизмѣ сильныхъ рабовъ самовластнаго рока, которымъ Провидѣніе дало на выборъ двѣ

доли: „или надежду и волненіе, иль безнадежность и покой". И поэтъ полетѣлъ за призракомъ, манящимъ издали и внушаемымъ надеждой, но усталъ отъ безцѣльнаго пустого волненья:

Что-жъ наши подвиги! — восклицаетъ онъ въ Финляндіи—что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтряное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ бездпѣ лѣтъ;
Для всѣхъ одинъ законъ—законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья! („Финляндія", 1820).

Но поэтъ еще любитъ жизнь для жизни, хотя и предчувствуетъ безцѣльность „пустого дѣйствія", которому насъ покоряетъ „случайная жизнь".

Неясное желаніе заставляетъ насъ вѣчно порываться къ родному небу, чувство жизни, любовь къ жизни заставляетъ насъ выбирать надежду и волненіе, надѣяться на кажущееся возможнымъ счастье, но острый аналитическій умъ оспариваетъ всѣ прелести бытія и разрушаетъ „замыслы блестящіе и сердца пламенные сны". Мудрость говоритъ о безнадежности и покоѣ, и между поэтомъ, колеблющимся въ выборѣ доли, и Истиной, представшей ему, происходитъ слѣдующій разговоръ:

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью",
Вѣщала—„захочу,
„И страстнаго—отрадному безстрастью
„Тебя я научу.

„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
„Пускай, узнавъ людей,
„Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
„И ближнихъ и друзей.

„Я бытія всѣ прелести разрушу,
„Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
„Но дамъ душѣ покой".

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ!

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ;
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ!

Покинь меня, въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня; кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости!.. иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ...

Явись тогда, раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Драматическая коллизія въ душѣ поэта чувства и разума разрѣшилась (если это только можно назвать разрѣшеніемъ) мучительнымъ для поэта состояніемъ, колебаніями между истинами разума и непосредственностью чувства, въ душѣ поэта совершилось неполное разувѣренье, самое мучительное потому, что онъ не могъ отдаться власти чувства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ продолжало жить „слѣпое сожалѣніе о старинѣ". Повидимому, въ связи съ фактами личной жизни, эта борьба чувства и разума пріобрѣтаетъ наиболѣе острый характеръ въ стихотвореніяхъ 1823 года, носящихъ на себѣ печать сосредоточенной мрачности. Счастья нѣтъ, или оно недоступно человѣку, жизнь предначертана, предопредѣлена Слѣпымъ рокомъ—Случаемъ, и отсюда вытекаетъ проповѣдь квіэтизма: въ безплодныхъ поискахъ счастья поэтъ усталъ, и ему кажется, что онъ нашелъ окончаніе пути въ отдыхѣ, „похожемъ на счастіе", и онъ даетъ совѣты мудрымъ, испытавшимъ тщету утѣхъ и принявшимъ „себѣ на тягостную часть" знанье бытія:

Гоните прочь ихъ рой прельстительный!
(рой замысловъ и сновъ сердца)
Такъ! доживайте жизнь въ тиши
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.
(„Двѣ доли", 1823),

Истинное безнадежное счастье заключается въ сердечной тишинѣ, которую нарушаютъ „ошибочныя страсти“, такъ какъ, вдавшись въ ихъ обманъ, мы просыпаемся „только для страданія, для боли тяжкой прежнихъ ранъ“, и этотъ пессимизмъ является основой многихъ элегій Боратынскаго, которому становятся чужды „всѣ обольщенья прежнихъ дней“. Но не только голосъ безстрастной Истины проповѣдуетъ квіэтизмъ,—проповѣдь квіэтизма вытекаетъ также изъ детерминизма: жизнь наша предначертана самовластнымъ рокомъ, и мы не въ силахъ измѣнить его предначертаній, и „удѣломъ нашимъ рѣшено, какъ наслаждаться намъ прилично“, а потому мы должны покориться велѣніямъ рока и воспитывать свой духъ „случайной долѣ сообразно“:

Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ. („Стансы“, 1824).

И слѣдствіемъ такой предначертанности является слѣдующій идеалъ „мудреца прямого“:

О человѣчествѣ судить желая здраво,
Онъ страсти подавилъ, лишающія насъ
И вѣрности ума и правильности глазъ.
Въ сообщество людей вступившій безусловно,
На ихъ дурачества онъ смотритъ хладнокровно,
Не мысля, чтобъ могли кудрявыя слова
Въ нихъ свойство измѣнить и силу естества.
Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу: будь осиной;
Зачѣмъ же: будь уменъ—онъ вымолвитъ глупцу?
Покой, одинъ покой любезенъ мудрецу.
Не споря безъ толку съ чужимъ нелѣпымъ толкомъ,
Одинъ по-своему онъ мыслитъ тихомолкомъ...

(Г[нѣди]чу, который совѣтовалъ сочинителю
писать сатиры, 1823).

Таковъ безотрадный выводъ, который дѣлаетъ Боратынскій изъ своихъ исканій истины и счастья, но не перестаетъ искать и волноваться, и мрачный тонъ является господствующимъ, но не исключительнымъ въ творчествѣ поэта 20-хъ годовъ.

И въ той же Финляндіи, въ которой поэтъ говоритъ о законѣ уничтоженія, онъ находитъ утѣшеніе въ жизни, въ

заблужденіяхъ жизни и, въ особенности въ искусствѣ, которое помогло ему не упасть душой передъ суровымъ рокомъ:

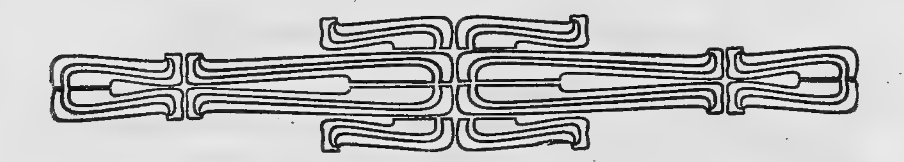
Но я, въ безвѣстности для жизни жизнь любя,
Могу-ль себя томить гадательной тоскою?
Пусть все разрушится, пусть все умретъ со мною:
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя.
Златые призраки, златыя сновидѣнья,
Желанья пылкія, слетитеся толпой!
Пусть жадно буду пить обманутой душой
Изъ чаши юности волшебства заблужденья.
Что нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

Грустной думой отмѣченъ весь первый періодъ лирики Боратынскаго, наиболѣе же безотрадныя ноты звучатъ въ стихотвореніяхъ 1823 года; послѣ 1823 года и, быть можетъ, въ связи съ событіями личной жизни поэта (жизнь въ Гельсингфорсѣ, увлеченіе А. Ѳ. Закревской, надежда на выходъ изъ подневольнаго состоянія), муза поэта была настроена менѣе сосредоточенно-мрачно.

М. Л. Гофманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои отношенія къ штабу отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ 1871 году, шефу жандармовъ графу Шувалову и извѣстному публицисту славянофилу г. Аксакову.

Въ 1871 году, когда я находился въ составѣ слушателей старшаго выпускного класса Военно-Юридической академіи, Николаемъ Андріановичемъ Неклюдовымъ [1]), состоящимъ преподавателемъ въ младшемъ классѣ этой академіи общаго уголовнаго права, было сдѣлано мнѣ предложеніе прочесть нѣсколько лекцій по общему уголовному праву и уголовному судопроизводству въ штабѣ корпуса жандармовъ офицерамъ, желающимъ перейти на службу въ упомянутый корпусъ. Предложеніе это меня крайне удивило, и я тогда же заявилъ Николаю Андріановичу Неклюдову, у котораго считался лучшимъ слушателемъ преподаваемаго имъ предмета, что едва-ли, будучи ученикомъ, я въ состояніи исполнить роль преподавателя. Выслушавъ меня, Н. А. Неклюдовъ замѣтилъ, что офицеры, которымъ я буду преподавать, не имѣютъ, по всей вѣроятности, даже понятія объ уголовномъ правѣ, да и моя задача будетъ состоять главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ нашими дѣйствующими криминальными законами и судопроизводствомъ въ предѣлахъ составленія дознанія, про-

[1]) Въ 1870 году Николай Андріановичъ Неклюдовъ былъ почетнымъ мировымъ судьею въ городѣ С.-Петербургѣ и въ то же время читалъ лекціи общаго уголовнаго права въ младшемъ курсѣ Военно-Юридической академіи. Въ 1871 году Н. А. Неклюдовъ былъ старшимъ юрисъ-консультомъ Министерства Юстиціи, а затѣмъ, какъ извѣстно, состоялъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, исполняя обязанность оберъ-прокурора Сената. Умеръ Н. А. Неклюдовъ уже въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

токоловъ и такъ далѣе. Надо, добавилъ Николай Андріановичъ, чтобы будущіе жандармскіе офицеры усвоили себѣ вполнѣ предѣлы своей власти. Если согласны, въ заключеніе сказалъ Н. А. Неклюдовъ, то возьмите мою карточку и отправляйтесь къ юрисъ-консульту третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи дѣйствительному статскому совѣтнику Баженову. На другой день, облекшись въ парадную форму, я отправился въ штабъ отдѣльнаго корпуса, жандармовъ, ибо въ зданіи, гдѣ помѣщался штабъ упомянутаго корпуса, находилось и третье отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, а также и проживалъ самъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, пользующійся въ то время правомъ министра, если не болѣе. Послѣ свиданія съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Баженовымъ и объясненій съ нимъ по отношенію характера и направленія моихъ лекцій, я по его указанію направился къ начальнику штаба корпуса жандармовъ генералъ-маіору Никифораки.

Генералъ-маіоръ Никифораки принялъ меня любезно, сообщилъ мнѣ, что въ тридцать лекцій въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ я долженъ буду познакомить слушателей съ нашими дѣйствующими законами, за каждую же лекцію буду получать по пяти рублей, что меня тогда обрадовало, такъ какъ сто пятьдесятъ рублей въ то время было для меня солидною суммою. Въ первой половинѣ мая я началъ преподаваніе и черезъ нѣсколько лекцій успѣлъ познакомиться съ моими слушателями въ количествѣ двадцати восьми офицеровъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ армейскихъ полковъ. Конечно, всѣ эти офицеры не столько заинтересованы были профессіональною обязанностью жандармеріи, сколько денежнымъ жалованіемъ, установленнымъ для офицеровъ въ корпусѣ жандармовъ въ размѣрахъ, значительно большихъ, чѣмъ въ дѣйствующихъ войскахъ. Вотъ почему изъ моихъ слушателей большинство мечтало занять мѣста при управленіи желѣзныхъ дорогъ, а не въ дополнительномъ штатѣ при начальникахъ губернскихъ жандармскихъ управленій.

Останавливаться на моихъ лекціяхъ я не буду, скажу только одно, что всѣ слушатели являлись аккуратно и, какъ мнѣ тогда казалось, были заинтересованы тѣми свѣдѣніями, которыя имъ сообщались. Практическія занятія также шли успѣшно, такъ что въ концѣ іюня мѣсяца я думалъ уже сообщить генералъ-маіору Никифораки объ окончаніи моихъ занятій. Случилось однако одно обстоятельство, вынудившее меня измѣнить

мое намѣреніе и именно: отъ начальника С.-Петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія полковника Полозова я узналъ, что въ штабѣ корпуса жандармовъ имѣются секретныя инструкціи, крайне характерныя, но требующія разъясненія, при чемъ инструкціи эти имѣютъ важное значеніе для офицеровъ, зачисленныхъ въ корпусъ жандармовъ, почему, пояснилъ мнѣ полковникъ Полозовъ, вамъ слѣдовало бы истребовать эти инструкціи и въ особенности послѣднюю, шефа графа Шувалова, чтобы разъяснить ихъ вашимъ слушателямъ.

Согласившись вполнѣ съ заявленіемъ полковника Полозова, я обратился къ генералъ-маіору Никифораки съ просьбой о выдачѣ мнѣ секретныхъ инструкцій. Просьбу мою генералъ-маіоръ Никифораки хотя и рѣшилъ исполнить, но какъ мнѣ тогда показалось нехотя, предупредивъ при этомъ меня, что выданную мнѣ инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова я обязываюсь никому не передавать и даже возвратить обратно по минованіи въ ней надобности. Получивъ въ тотъ же день инструкцію шефа жандармовъ графа Шувалова, на каковой инструкціи сверху было напечатано „весьма секретно", я отправился на свою квартиру, но на Морской встрѣтился съ г. Аксаковымъ, извѣстнымъ литераторомъ-славянофиломъ. Познакомился я съ Аксаковымъ въ Москвѣ, а въ С.-Петербургѣ, состоя уже слушателемъ Военно-Юридической академіи, неоднократно встрѣчался съ нимъ на вечерахъ въ знакомомъ мнѣ семействѣ, гдѣ также бывали: Некрасовъ, Писаревъ, Салтыковъ-Щедринъ, Спасовичъ и многія другія лица, извѣстныя тогда въ Россіи по своей литературной дѣятельности.

„Откуда и куда „грядеши"?, спросилъ меня Аксаковъ. Когда же я ему сообщилъ, что иду изъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ къ себѣ домой, то Аксаковъ, какъ бы удивленный моимъ отвѣтомъ, сказалъ „какое же отношеніе Вы имѣете къ нашей жандармеріи"?, но послѣ моего подробнаго объясненія той роли, которую мнѣ пришлось выполнить въ штабѣ жандармовъ, Аксаковъ замѣтилъ: „труды Ваши безполезны, такъ какъ въ средѣ нашей жандармеріи трудно привить основы правовыхъ понятій". Узнавъ же отъ меня, что я получилъ отъ генералъ-маіора Никифораки секретную инструкцію для жандармскихъ офицеровъ, Аксаковъ просилъ меня познакомить его съ этою инструкціею, для чего и предложилъ мнѣ зайти въ кафе-ресторанъ и тамъ позавтракать, на что я охотно согласился. Когда въ кафе-ресторанѣ въ пассажѣ на Невскомъ намъ подали кофе, то Аксаковъ получилъ отъ меня инструкцію

начать ее читать, что отняло времени не болѣе какъ четверть часа, ибо содержаніе инструціи не отличалось многосложностью и заключало въ себѣ только шесть печатныхъ страницъ. Во время чтеніи инструкціи Аксаковъ то улыбался, то хмурился, а передавая мнѣ обратно инструкцію, высказалъ—„эту замѣчательную инструкцію составлялъ, конечно, самъ шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, Баженовъ ее исправлялъ, а генералъ-маіоръ Никифораки корректуру держалъ“. „Короче говоря“, добавилъ тогда Аксаковъ, „чтобы создать такую инструкцію, надо обладать не шуточною фантазіею и, отрѣшившись отъ міра дѣйствительности, допустить сверхъестественное, то-есть, что всѣ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ имѣютъ болѣе чѣмъ солидное энциклопедическое образованіе въ сферѣ всѣхъ научныхъ знаній, не исключая даже торговаго дѣла“. „Ну да“, въ заключеніе пояснилъ Аксаковъ, „можно какую угодно грамотку написать, но кто же ее будетъ выполнять, когда нѣтъ для того пригодныхъ людей: поручить офицерамъ—это будетъ равносильно создавать преступленіе тамъ, гдѣ нѣтъ даже намека и на проступокъ“. Прощаясь со мною, Аксаковъ сказалъ „вчера я встрѣтился съ генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ [1]) и на его вопросъ, гдѣ по моему мнѣнію находятся вожаки революціоннаго броженія, шутя отвѣтилъ: въ третьемъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, а теперь, прочтя инструкцію, думаю, что моя шутка близка къ правдѣ“.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, не теряя времени, прочелъ указанную инструкцію и тогда же вполнѣ согласился съ соображеніями г. Аксакова. Инструкція заключала въ себѣ двадцать пять пунктовъ или постановленій; изъ нихъ десять постановленій имѣли характеръ общій, а пятнадцать — детальный, какъ бы разъясняющій общее положеніе. Инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова сохранилась у меня и по настоящее время. Подробно останавливаться на инструкціи считаю излишнимъ, такъ какъ признаю вполнѣ достаточнымъ въ общемъ обрисовать ея цѣль и направленіе. Весьма секретная инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова разрѣшала офицерамъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ помимо присвоенной имъ формы носить обще-армейскую, а также и переодѣваться въ гражданское платье,

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Тимашевъ въ то время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, ему, то-есть Тимашеву, въ обществѣ присваивалось тогда названіе „министръ Морской“, въ виду того, что каждый день его можно было встрѣтить гуляющимъ по Морской улицѣ.

когда это будетъ необходимо для успѣха розыска. Инструкція рекомендовала жандармскимъ офицерамъ лично собирать свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ государственныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденій, а также и учрежденій общественныхъ, какъ-то: банковъ, биржъ и такъ далѣе, не игнорируя при этомъ и функціонированіемъ учебныхъ заведеній отъ низшихъ до высшихъ. Собирая свѣдѣнія, жандармскій офицеръ долженъ дѣйствовать въ тайнѣ и отнюдь не обнаруживать своихъ стремленій. Главнымъ образомъ жандармскій офицеръ обязанъ разузнавать о зарожденіи въ средѣ общества вредныхъ идей соціально-революціоннаго характера и по всякому подозрѣнію секретно производить дознаніе, не придавая однако ему оффиціальнаго характера. Если по наведеннымъ справкамъ обнаружились явные признаки политическаго или даже общаго преступленія, то объ этомъ жандармскій офицеръ долженъ довести до свѣдѣнія начальника губернскаго жандармскаго управленія, который, вторично провѣривъ основательность подозрѣнія, обязанъ немедленно сообщить обо всемъ секретно въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Кромѣ того инструкція шефа жандармовъ графа Шувалова, подобно прежнимъ инструкціямъ графа Бенкендорфа и князя Орлова, требовала, чтобы жандармскіе офицеры не уклонялись отъ принятія всякаго рода жалобъ частныхъ лицъ на неправильныя дѣйствія государственныхъ, административныхъ, судебныхъ и общественныхъ учрежденій, конечно въ предѣлахъ губерніи и области, при чемъ жалобы эти представлялись начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій, которые въ свою очередь, по провѣркѣ заявленій опять же путемъ не гласнымъ, обязывались представлять жалобы съ своими разъясненіями въ С.-Петербургъ шефу жандармовъ. Такимъ образомъ офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ при шефѣ жандармовъ графѣ Шуваловѣ поставлены были въ положеніе лицъ, какъ бы контролирующихъ функціонированіе правительственныхъ и общественныхъ органовъ до губернатора включительно, но для этого, конечно, необходимо было имѣть солидное научное энциклопедическое образованіе, каковаго образованія жандармскіе офицеры, къ сожалѣнію, не имѣли. Послѣ разъясненія инструкціи шефа жандармовъ графа Шувалова моимъ слушателямъ я сообщилъ генералъ-маіору Никифораки объ окончаніи моей работы и что мои слушатели по моему мнѣнію могутъ быть допущены къ экзамену; „весьма секретную“ инструкцію графа Шувалова съ разрѣшенія генералъ-маіора Никифораки я удержалъ у себя.

Нельзя не замѣтить, что общество, по крайней мѣрѣ, въ С.-Петербургѣ въ 1870 и 1871 годахъ относилось къ синимъ жандармскимъ мундирамъ съ эксельбантами съ какою-то подозрительностью, соединяя съ этимъ мундиромъ много активныхъ дѣйствій, препятствующихъ къ свободному развитію общественныхъ воззрѣній, хотя жандармскихъ офицеровъ можно было встрѣтить въ клубахъ, но только въ общей армейской формѣ. Можетъ быть „секретная инструкція" и приносила пользу по обнаруженію неправильныхъ дѣйствій административныхъ и государственныхъ лицъ и учрежденій, такъ какъ еще Императоръ Николай Павловичъ признавалъ, что отдѣльный корпусъ жандармовъ является Его платкомъ, утирающимъ слезы несчастныхъ, но такое положеніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ въ царствованіе Императора Александра Николаевича Царя Освободителя невольно измѣнилось въ силу послѣдовавшихъ прогрессивныхъ реформъ.

Въ іюлѣ того же 1871 года состоялся экзаменъ офицерамъ, моимъ слушателямъ въ количествѣ двадцати восьми лицъ. Въ экзаменаціонной комиссіи предсѣдательствовалъ самъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Шуваловъ и по всей вѣроятности потому, что организація лекцій для подготовленія къ исполненію обязанностей жандармскихъ офицеровъ была первою затѣею графа Шувалова. Въ составъ экзаменаціонной комиссіи, кромѣ меня, вошли: юрисъ-консультъ Баженовъ, юрисъ-консультъ министерства юстиціи Н. А. Неклюдовъ и генералъ-маіоръ Никифораки. Отвѣты экзаменующихся какъ словесные, такъ и письменные, на предложенныя мною темы настолько были вполнѣ удовлетворительны, что всѣмъ двадцати восьми офицерамъ послѣ экзамена было объявлено самимъ шефомъ, что они будутъ переведены на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, а мнѣ лично высказалъ графъ Шуваловъ благодарность за мои труды. Не могу умолчать, что во время экзамена произошелъ случай, до нѣкоторой степени встревожившій меня. Послѣ довольно основательныхъ отвѣтовъ поручика гусарскаго полка Боровитинова въ предѣлахъ уголовнаго судопроизводства, ему былъ предложенъ шефомъ жандармовъ графомъ Шуваловымъ вопросъ, какъ онъ, Боровитиновъ, понимаетъ секретную инструкцію въ смыслѣ обнаруженія зарожденія преступныхъ революціонныхъ идей? На вопросъ этотъ поручикъ Боровитиновъ смѣло отвѣчалъ: „только съ внѣшней стороны, Ваше Сіятельство, то-есть когда мною будетъ обнаружено явное сборище революціонеровъ, для совершенія какого-либо преступнаго дѣла, такъ какъ отдѣлить безвредное убѣжде-

ніе отъ преступныхъ, при отсутствіи внѣшней оболочки, я лишенъ всякой возможности по недостаточности моего соціально-научнаго образованія". Отвѣтъ поручика Боровитинова какъ бы озадачилъ графа Шувалова, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія спросилъ меня: „мою секретную инструкцію Вы объясняли"? на что я, конечно, далъ отвѣтъ утвердительный, при чемъ добавилъ, что высказанное поручикомъ Боровитиновымъ есть результатъ, однако, личнаго его убѣжденія.

Въ началѣ августа начался выпускной экзаменъ военно-юридической академіи, по окончаніи этого экзамена, я причисленъ былъ къ первому разряду окончившихъ курсъ военно-юридической академіи, а потому и подлежалъ къ зачисленію въ военно-судебное вѣдомство. Изъ двадцати четырехъ штатныхъ слушателей военно-юридической академіи въ 1871 год только окончило курсъ по первому разряду семнадцать лицъ, а остальные семь—по второму, почему эти послѣдніе, получивъ только право на ношеніе академическаго знака, должны были возвратиться снова въ строй.

Въ концѣ августа мною было получено письмо отъ генералъ-маіора Никифораки съ предложеніемъ зайти въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ для личнаго съ нимъ объясненія. На другой день по полученіи письма я отравился къ генералъ-маіору Никифораки, который, принявъ меня крайне любезно, заявилъ, что со мною желаетъ лично говорить самъ шефъ жандармовъ. Послѣ чего генералъ-маіоръ Никифораки, поднявшись по винтовой лѣстницѣ, соединявшей непосредственно кабинетъ начальника штаба съ кабинетомъ самого шефа графа Шувалова, оставилъ меня на нѣсколько минутъ одного, но вскорѣ я былъ приглашенъ въ кабинетъ шефа. Шефъ жандармовъ графъ Шуваловъ, поздоровавшись со мною, пригласилъ меня сѣсть и занять мѣсто за письменнымъ столомъ противъ него, а недалеко отъ меня расположился также и генералъ-маіоръ Никифораки; въ кабинетѣ кромѣ насъ троихъ никого не было. „Вы, капитанъ",—обратился ко мнѣ шефъ жандармовъ,—„слышали, конечно, отвѣтъ поручика Боровитинова, но мнѣ кажется, пояснилъ графъ Шуваловъ, что отвѣтъ поручика, замаскированный скромностью, опредѣляетъ его способность и полную развитость, а потому и прошу васъ указать мнѣ, кого вы изъ вашихъ слушателей офицеровъ признаете болѣе способными къ розыскамъ по преступленіямъ политическимъ". На такой оригинальный вопросъ графа Шувалова я могъ, конечно, дать только одинъ отвѣтъ, что совершенно признаю для себя невозможнымъ опредѣлить способность слуша-

телей въ смыслѣ розыска, но кромѣ поручика Боровитинова къ болѣе развитымъ офицерамъ я могу отнести еще десять лицъ, при чемъ и указалъ фамиліи офицеровъ. Затѣмъ графъ Шуваловъ спросилъ меня, какую я желаю награду: крестъ или годовой окладъ жалованья. Поднявшись съ мѣста и поблагодаривъ графа поклономъ, я высказалъ желаніе получить денежную награду. Наконецъ, графъ Шуваловъ предложилъ мнѣ самому перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, обѣщая при этомъ, что не далѣе, какъ черезъ три года, я буду произведенъ въ чинъ подполковника, а далѣе, спустя нѣкоторое время, могу получить начальника губернскаго жандармскаго управленія и по всей вѣроятности въ С.-Петербургѣ, до полученія же упомянутаго назначенія, я долженъ буду читать по-прежнему лекціи офицерамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе въ работѣ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Къ этому графъ Шуваловъ добавилъ, что до назначенія меня начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія, мнѣ будетъ опредѣленъ годовой окладъ жалованья въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей—содержаніе по времени довольно солидное. Несмотря однако на выгодное предложеніе, я рѣшился заявить графу Шувалову мой отказъ и главнымъ образомъ на томъ основаніи, что намѣренъ служить въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ къ службѣ этой подготовлялся. Мой отрицательный отвѣтъ сверхъ моего ожиданія не взволновалъ графа, и онъ только замѣтилъ: „какъ хотите, но едва-ли вы будете получать въ военно-судебномъ вѣдомствѣ такое денежное содержаніе, какое я вамъ предлагаю, но если вы отказываетесь отъ моего предложенія, добавилъ графъ Шуваловъ, то не можете ли вы предложить кому-либо изъ вашихъ товарищей офицеровъ по академіи замѣнить васъ съ непремѣннымъ однако переходомъ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ“. Выполнить послѣднее предложеніе генералъ-адъютанта графа Шувалова я съ охотою согласился, расчитывая на лицъ, окончившихъ курсъ военно-юридической академіи по второму разряду.

Спустившись снова по лѣстницѣ въ кабинетъ начальника штаба, я намѣревался отправиться къ себѣ на квартиру, но былъ задержанъ генералъ-маіоромъ Никифораки, который при прощаніи со мной высказалъ слѣдующее: „не служба въ военно-судебномъ вѣдомствѣ васъ вынудила, капитанъ, отказаться отъ предложенія графа, а несправедливое общественное предубѣжденіе противъ вообще жандармовъ, но дѣятельность отдѣльнаго корпуса жандармовъ довольно обширна и даже является

до нѣкоторой степени контролирующей функціонированіе другихъ министерствъ кромѣ военнаго, благодаря высокому служебному положенію шефа жандармовъ [1]).

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я, переодѣвшись, немедленно отправится къ капитану Попову, хотя и окончившему курсъ по второму разряду, но человѣку вполнѣ развитому и способному. Предложеніе мое крайне обрадовало Попова, и онъ, соглашаясь перейти на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, высказалъ по этому поводу свое удивленіе о моемъ отказѣ. Черезъ нѣсколько дней я вмѣстѣ съ капитаномъ Поповымъ отправились въ штабъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, при чемъ Поповъ захватилъ съ собою и аттестатъ, выданный ему объ окончаніи курса образованія въ военно-юридической академіи. Генералъ-маіоръ Никифораки, просмотрѣвъ аттестатъ Попова и получивъ отъ послѣдняго согласіе о переходѣ на службу въ отдѣльный корпусъ жандармовъ, предложилъ капитану Попову подать объ этомъ прошеніе, и съ этимъ послѣднимъ актомъ мои личныя отношенія къ названному штабу совершенно прекратились. Въ 1876 году, будучи уже подполковникомъ и помощникомъ военнаго прокурора кавказскаго военно-окружнаго суда, мнѣ пришлось побывать въ С.-Петербургѣ и зайти къ Попову, который тоже уже былъ подполковникомъ, но носилъ не жандармскую, а обще-армейскую форму. На мой вопросъ, доволенъ ли Поповъ службою, онъ высказалъ: работа не обременительная, читаю офицерамъ лекціи и принимаю участіе въ дѣятельности III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, хотя это участіе мнѣ не особенно нравится, такъ какъ приходится быть свидѣтелемъ иногда грустныхъ сценъ. При послѣднихъ словахъ Попова я невольно вспомнилъ слова г. Аксакова. Въ 1878 году подполковникъ Поповъ дѣйствительно получилъ мѣсто начальника губернскаго жандармскаго управленія, гдѣ-то въ провинціи, съ ежегоднымъ содержаніемъ пять тысячъ рублей, о чемъ онъ мнѣ сообщилъ письмомъ, которое мною однако утеряно.

Н. П. Хитрово.

[1]) Разговоръ мой съ генералъ-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ, генералъ-маіоромъ Никифораки, а также и съ г. Аксаковымъ заимствованъ мною изъ моего дневника и отличается, конечно, полною достовѣрностью, а равно и всѣ данныя въ настоящей статьѣ.

Поѣздка въ Наблусъ (Сихемъ).

Дневникъ профессора В. А. Левисона.

Іерусалимъ 1860 г.

Въ маѣ 1912 г. сенаторъ Г. И. Шамшинъ передалъ мнѣ найденную въ бумагахъ покойнаго отца его рукописную тетрадку, озаглавленную „Поѣздка въ Наблусъ. Дневникъ профессора В. А. Левисона". Заинтересовавшись содержаніемъ этого дневника, мнѣ до сего времени совершенно неизвѣстнаго, я сталъ собирать кое-какія свѣдѣнія и, по свѣдѣніямъ этимъ, за достовѣрность которыхъ я не отвѣчаю, упомянутое письмо-дневникъ писано профессоромъ Петербургской Духовной Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка Левисономъ и адресовано, какъ надобно думать, епископу Кириллу, настоятелю русской миссіи въ Іерусалимѣ.

Говорили мнѣ, что сдѣланное Левисономъ открытіе возбудило, въ свое время, большой интересъ и о немъ былъ рядъ статей, какъ въ русскихъ духовныхъ журналахъ шестидесятыхъ годовъ, такъ и въ заграничныхъ изданіяхъ.

Что касается нашего пятикнижія, то въ подлинности его никакихъ сомнѣній высказано не было, считалось лишь недостаточно доказаннымъ, что осмотрѣнные Левисономъ манускрипты дѣйствительно писаны внукомъ Аарона, но вмѣстѣ съ этимъ установлено, что манускриптъ этотъ несомнѣнно глубокой древности.

Я думалъ и думаю, что если дѣйствительно это письмо-дневникъ достаточно извѣстенъ, то, конечно, нѣтъ никакой надоб-

ности оглашать его вновь, въ противномъ же случаѣ, т. е. если появленіе его въ печати желательно, — то настоящее мѣсто ему на страницахъ „Русской Старины".

И. В. Мѣщаниновъ.

Ваше Преосвященство!

Благословеніе Божіе, которымъ Вы меня напутствовали, не оставляло меня во все время моего пребыванія въ Наблусѣ. Какъ извѣстно Вашему Преосвященству, въ понедѣльникъ, 25 апрѣля, я отправился въ Сихемъ, называемый нынѣ Наблусомъ. Первую ночь я провелъ въ Эльбирѣ, близъ Рамаллы, а на другой день утромъ, очень рано, продолжалъ свой путь и прибылъ въ Бединъ, называемый въ Св. Писаніи Бетъ-авенъ, а потомъ, уже около 8 ч. утра я былъ въ области Сайлунъ, которая въ Св. Писаніи называется Сило, — гдѣ нѣкогда служилъ Первосвященникъ Илій и находилась скинія завѣта, какъ сказано въ книгѣ Царствъ (I гл.). Я отдохнулъ нѣсколько времени въ скалахъ Эйнхараміе и хотя и названіе этого мѣста, по переводу съ арабскаго, означаетъ источникъ разбойниковъ, но, слава Богу, я не видалъ ни одного изъ тѣхъ, въ честь которыхъ названо это мѣсто. Напротивъ, я очень дружелюбно раздѣлилъ свой завтракъ съ пришедшими ко мнѣ арабами, которые съ удивленіемъ смотрѣли на мой самоваръ и пили чай, вѣрно въ первый разъ въ свою жизнь и, можетъ быть, въ послѣдній. Они проводили меня, въ знакъ благодарности, до Турмусая, можетъ быть, „Ая", упоминаемаго у Іисуса Навина (8, 9). Отсюда я продолжалъ свое путешествіе по весьма крутымъ горамъ до источника Любенъ. Невыносимый жаръ принудилъ меня остановиться на нѣсколько часовъ у этого источника. Невольно бросается въ глаза, что, съ приближеніемъ къ Сихему, растительная природа, мертвая около Іерусалима, постепенно начинаетъ оживляться и какъ будто хочетъ сказать этимъ каждому путешественнику, что въ Іерусалимѣ распяли Іисуса Христа, а въ Сихемѣ признали Его истиннымъ Мессіею и поэтому, какъ видно, проклятіе Божіе около Іерусалима, такъ точно видно благословеніе Божіе около Сихема. Наконецъ по весьма красивой долинѣ я пріѣхалъ въ Араба—мѣсто, о которомъ упоминается въ 5-й книгѣ Моисея, гл. II, стихъ 30-й. Отсюда я увидѣлъ вдали Гаризинъ, при которомъ лежитъ Сихемъ, и при всемъ утомленіи послѣ труднаго пути, я почувствовалъ такую радость, что совершенно

забылъ о трудностяхъ 8-ми часовой верховой ѣзды. Не скрою, Ваше Преосвященство, что Сихемъ отданъ былъ колѣномъ Ефремовымъ для жительства левитамъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ книгѣ Іисуса Навина (21 гл. ст. 20, 21), и поэтому я, какъ потомокъ Левія, съ особенною радостью приближался къ этому городу, гдѣ нѣкогда жили мои праотцы. Недалеко отъ Наблуса находится гробница Елеазара—первосвященника, который, вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ, раздѣлилъ землю обѣтованную между колѣнами Израилевыми (Іс. Н. 121). Сюда выѣхали нѣкоторые члены Самаритянскаго общества, чтобы встрѣтить меня при гробницѣ этого Первосвященника, а другіе изъ нихъ встрѣтили меня при извѣстномъ колодцѣ Іакова. При въѣздѣ въ городъ всѣ старшины общества, съ своимъ священникомъ Авраамомъ, сдѣлали мнѣ торжественную встрѣчу и послѣдній повелъ меня въ свой домъ, гдѣ я и жилъ во все время своего пребыванія въ Наблусѣ. Я считаю себя въ правѣ назвать первосвященникомъ этого, извѣстнаго Вашему Преосвященству, человѣка, потому что онъ — единственный потомокъ Аарона, имѣющій письмоводное родословіе, копію котораго съ переводомъ честь имѣю представить при семъ (№ 1) Вашему Преосвященству [1]). Правда, въ настоящее время, есть между евреями люди, которые называются священниками, по своему происхожденію отъ Аарона, основанному на устномъ отцовскомъ преданіи, но между ними нѣтъ ни одного, который бы имѣлъ настоящую родословную, подобно священнику у Самаритянъ. Вечеромъ того же дня собрались ко мнѣ всѣ члены этого общества — имена и число ихъ всѣхъ прилагаются при семъ подъ № 2.

27-го апрѣля. Утромъ я долженъ былъ заняться приведеніемъ въ порядокъ моихъ книгъ, которыя я бралъ съ собою, и устройствомъ для себя письменнаго стола. Священникъ мнѣ показалъ одинъ списокъ Пятокнижія Моисеева 11-го вѣка, очень хорошо сохранившійся и при этомъ далъ мнѣ еще весьма древнюю родословную самаритянскихъ священниковъ. Въ послѣдней замѣчательно то, что родословіе идетъ по линіи отъ Елеазара, а не отъ Иѳамара, отъ котораго произошелъ Илій первосвященникъ. Въ линіи Елеазара находится Садокъ, который былъ первосвященникомъ при Давидѣ, и о которомъ говорится у пророка Іезекіиля (44 гл. ст. 15). Я выставляю это для того, чтобы показать вѣрность родословія самаритянъ, которые не

---

[1]) Приложеній этихъ при рукописи нѣтъ.

знаютъ книгъ Пророческихъ, а между тѣмъ ихъ счисленіе первосвященниковъ вполнѣ согласно съ счисленіемъ именъ, встрѣчающихся въ Св. Писаніи. Съ особенною радостью я видѣлъ, что всѣ древнія рукописи, разсмотрѣнныя мною въ этотъ день, согласны (исключая разностей орѳографическихъ) съ моимъ спискомъ Пятокнижія, который я имѣю у себя подъ руками уже два года.

28-го апрѣля. Священникъ водилъ меня въ нѣкоторыя мѣста города и показалъ мнѣ разныя Самаритянскія надписи. Прежде всего онъ привелъ меня въ одинъ большой домъ, который нѣкогда былъ мѣстомъ молитвенныхъ собраній самаритянъ, а теперь силою отнятъ у нихъ и обращенъ въ мечеть, теперь уже брошенную. Затѣмъ въ башнѣ принадлежащей также магометанамъ, показалъ мнѣ камень, на которомъ изсѣчены 10 заповѣдей по тексту самаритянскому, который, какъ извѣстно Вашему Преосвященству, отличается въ этомъ случаѣ отъ текста еврейскаго. Но этотъ камень такъ вложенъ въ стѣну, что буквы обращены низомъ къ верху, видѣлъ я много и другихъ камней съ надписями какъ самаритянскими, такъ и греческими, которыя весьма трудно прочитать, частью потому, что сохранились, большею частью, только въ отрывкахъ, а частью потому, что находятся слишкомъ высоко отъ земли и буквы обращены верхомъ внизъ. Возвратившись домой, священникъ объявилъ мнѣ совершенно неожиданно, что молодые священники, его племянники, и нѣкоторые другіе самаритяне собрались въ молитвенномъ домѣ, чтобы переложить древній свой списокъ Пятокнижія Моисеева изъ стараго футляра въ новый. Что касается этого послѣдняго футляра, то вы его видѣли у меня. Бѣдное Самаритянское общество, передъ моимъ отъѣздомъ въ Наблусъ, сдѣлало въ Іерусалимѣ серебряный футляръ, въ которомъ бы хранилась ихъ священная книга, вмѣсто стараго мѣднаго, уже изломаннаго. Опасаясь грабежа на дорогѣ, священникъ Амвраамъ просилъ меня взять съ собою этотъ футляръ, и привезти его въ Наблусъ. Разумѣется, я уважилъ просьбу Амвраама. Здѣсь я долженъ сказать о различіи списковъ Св. Писанія, назначенныхъ для домашняго употребленія и для общественнаго (церковнаго). Первые суть обыкновенныя книги, писанныя, или печатныя, на пергаментѣ или на бумагѣ, съ точками и знаками препинанія, съ толкованіями и переводами, или безъ нихъ. Таковы списки закона Моисея для домашняго употребленія у іудеевъ; но у самаритянъ точки не употребляются, хотя Пятокнижіе, назначенное для домашняго

чтенія, часто бываетъ съ толкованіями и даже съ арабскимъ переводомъ. Списокъ же, назначенный для употребленія при Богослуженіи, какъ у евреевъ, такъ и у самаритянъ, называемый Сеферъ тора, можетъ быть написанъ только на кожѣ, безъ всякихъ знаковъ и точекъ, исключая точекъ послѣ каждаго слова, двухъ точекъ послѣ каждаго періода и трехъ точекъ послѣ каждой отдѣльной тирады въ Самаритянскомъ спискѣ. Такихъ списковъ у самаритянъ только три: первый тотъ знаменитый списокъ, о которомъ такъ много говорили, но котораго никто не разсмотрѣлъ, второй, написанный за 800 лѣтъ назадъ, третій около 600 лѣтъ. Всѣ эти списки теперь не употребляются для чтенія при Богослуженіи, потому что боятся, чтобы они, особенно первый, не пришли въ совершенную ветхость отъ частаго употребленія. Теперь священникъ всегда читаетъ наизусть положенныя въ тотъ или другой день мѣста изъ Пятокнижія Моисеева, держа впрочемъ свитокъ въ рукахъ.

Хотя и не ожидалъ такъ скоро приглашенія со стороны Авраама посмотрѣть древнюю святую книгу, но чтобы не упустить такого прекраснаго случая, я долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ молитвенный домъ самаритянъ.

Передъ входомъ, по обычаю самаритянъ, всѣ должны отлагать всю свою обувь и только мнѣ дозволено было войти въ чулкахъ. При мнѣ вынутъ былъ изъ своего стараго ковчега знаменитый списокъ, для переложенія въ новый серебряный футляръ. Чувства радости и страха наполнили мою душу: я сталъ на колѣна, по примѣру всѣхъ другихъ, и началъ читать, гдѣ было можно; потому что во многихъ мѣстахъ буквы уже изгладились. Прежде всего я остановился на 20-й главѣ второй книги Моисея, гдѣ изложены десять заповѣдей, и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣзко бросается различіе между текстами еврейскимъ и самаритянскимъ. Ваше Преосвященство, если вы читали описаніе какой-нибудь битвы, въ которой пали тысячи людей, описаніе, гдѣ рисуются самыми яркими красками всѣ ужасы сраженія, подобное чтеніе не оставляетъ послѣ себя такихъ слѣдовъ ужаса, который бы мы почувствовали въ то время, когда бы насъ поставили на полѣ битвы и мы собственными глазами видѣли бы человѣческую кровь, льющуюся ручьями, собственными ушами слышали бы стоны и вопли изувѣченныхъ и умирающихъ воиновъ. Такъ и я, когда слышалъ, что въ Наблусѣ (древнемъ Сихемѣ) хранится въ продолженіе столькихъ вѣковъ и до настоящаго времени списокъ Пятокнижія Моисеева, написанный за 3300 лѣтъ, то и вѣрилъ этому и не вѣрилъ, ду-

малъ, что эта книга, быть можетъ, дѣйствительно очень древняя, но что ея древность преувеличена. Особенно одна мысль заронила въ мою душу сомнѣніе въ ея древности, именно: я не могъ рѣшить себѣ вопроса, какимъ образомъ можетъ быть написано въ ней имя писавшаго ее такъ, чтобы не оставалось повода сомнѣваться, что оно написано позднѣйшею рукою. Еще если писавшій написалъ, положимъ, въ началѣ, серединѣ или коннѣ книги свое имя, то это уже будетъ прибавленіе къ закону, что строго запрещается самимъ закономъ и никогда не было въ обычаѣ ни у евреевъ, ни у самаритянъ. Но эти сомнѣнія, въ настоящую пору, разсѣялись совершенно при видѣ самой книги. Здѣсь ученые міра сего не могутъ возразить, что во время Моисея писали на папирусѣ, а не на кожѣ: потому, что у пророковъ законъ Моисея всегда называется свиткомъ; онъ былъ всегда на кожѣ и никогда на папирусѣ. Священные писатели не ожидали, когда будетъ изобрѣтенъ пергаментъ, они никогда не могли писать иначе, какъ на кожѣ годового овна, принесеннаго въ жертву мирную и теперь, такъ какъ самаритяне приносятъ только пасхальныя жертвы, то и лишены возможности написать свитокъ подобный первому. Здѣсь я былъ на полѣ битвы; я видѣлъ при этомъ законѣ 3300 убитыхъ лѣтъ, видѣлъ милліоны евреевъ, умершихъ за этотъ законъ, котораго языкъ сохранился у нихъ, но не въ томъ самомъ первоначальномъ шрифтѣ; видѣлъ самаритянъ, которые измерли всѣ, кромѣ горсти, назначенной быть хранителями этой святыни; видѣлъ милліоны христіанъ, которые умерли за вѣру въ Іисуса Христа, обѣтованнаго въ этомъ законѣ, и несравненно яснѣе, нежели въ еврейскомъ текстѣ, потому что здѣсь онъ уже назначенъ на горѣ Синаѣ, видѣлъ, какъ Господь Богъ, который отмщаетъ до третьяго и до четвертаго рода ненавидящихъ Его, распространяетъ Свою милость на 1000 поколѣній (хотя теперь, со времени написанія этой книги едва-ли прошло 100 поколѣній), который сохранилъ свой законъ между тѣми двумя горами, Гаризинъ и Гевалъ, гдѣ были произнесены, столько лѣтъ назадъ, благословеніе на хранящихъ законъ и проклятіе на нарушителей его. Я стоялъ между этими горами и читалъ этотъ законъ, читанный тогда левитами, отъ которыхъ имѣю счастье происходить. Это былъ для меня третій великій день моей духовной жизни: первымъ я считаю 21 октября 1839 г., когда надо мною совершилъ таинство крещенія членъ Св. Синода, Василій Ивановичъ Кутневичъ; второй важный день моей жизни 11-е февраля 1868 г., когда имѣлъ счастье поклониться гробу

Господню въ Іерусалимѣ; третій день—28-е апрѣля нынѣшняго 1860 г., когда я видѣлъ пять книгъ Моисея въ первобытномъ шрифтѣ, написанныя 20 лѣтъ спустя послѣ смерти законодателя, его внукомъ, сыномъ Финеаса, сына Елеазарова, первобытный, единственный оригиналъ, который сохранился до нынѣ... Возвратившись домой, я не могъ ничего другого дѣлать, какъ только плакать отъ радости и благодарить Бога за Его величайшую милость ко мнѣ недостойному.

29-е апрѣля. Это былъ седьмой и вмѣстѣ послѣдній день Пасхи у самаритянъ, которые имѣютъ свой календарь и не празднуютъ Пасхи вмѣстѣ съ евреями. Торжество этого дня увеличилось отъ того еще, что въ этотъ день самаритяне праздновали переложеніе своей книги изъ стараго ковчега въ новый. Я пошелъ въ ихъ молитвенный домъ; мнѣ предложили стулъ, но я отказался; у нихъ въ обычаѣ стоять во время чтенія закона, и на колѣнахъ во время молитвы, или оставаться лицомъ, простертымъ ницъ. Сколько я могъ замѣтить, молитва ихъ была весьма усердна; чтеніе закона совершается всѣми въ одинъ разъ и такъ громко, что напоминаетъ то время, когда законъ былъ произнесенъ передъ всѣмъ народомъ, на горѣ Гаризинъ. Сначала мнѣ было трудно понимать ихъ чтеніе, потому что они произносятъ иначе, нежели евреи; но потомъ, когда узналъ мѣсто, которое они читали, разумѣется, понялъ все. Когда было кончено чтеніе и священная книга была положена на свое мѣсто, всѣ приблизились къ покрову, лежащему на законѣ, и цѣловали его. Тѣмъ кончилось ихъ Богослуженіе. Послѣ почти всѣ пришли ко мнѣ съ привѣтствіемъ, на которое я отвѣчалъ имъ своимъ. Вообще должно сказать, что самаритянское Богослуженіе отличается отъ еврейскаго во всѣхъ отношеніяхъ; ихъ молитвы совершенно другого содержанія, псалмовъ они вовсе не знаютъ. Послѣ обѣда я отплатилъ визиты старѣйшинамъ общества, былъ въ 6—7 домахъ и въ каждомъ домѣ видѣлъ древній списокъ Пятокнижія Моисеева; нѣкоторые изъ этихъ списковъ писаны въ Каирѣ, другіе въ Гасѣ, иные въ Дамаскѣ; но одинъ списокъ меня поразилъ: онъ написанъ на кожѣ за 600 лѣтъ и до сихъ поръ еще остается непереплетеннымъ. Когда я спросилъ ихъ о причинѣ, то они отвѣчали, что книга въ такомъ видѣ лучше сохраняется, и шнурки, необходимо употребляемые при переплетѣ, портятъ листы книги. Другой списокъ очень рѣдкій, уже существовалъ во время Эздры; вообще нужно сказать, что какъ Господь сохранилъ эту горсть народа, среди всѣхъ гоненій и бурь, какъ показываетъ ихъ исторія,

такъ точно сохранилъ при нихъ такіе древніе списки Своего закона.

30-е апрѣля. Я весь день пробылъ дома, занимаясь сличеніемъ моего списка съ тѣмъ, который существовалъ уже во время Эздры. При этомъ замѣтилъ, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакихъ разностей; только шрифтъ крупнѣе въ первомъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Видѣлъ нѣсколько манускриптовъ, касающихся исторіи самаритянъ. Въ этотъ день посѣтилъ меня игуменъ греческаго монастыря въ Наблусѣ и пригласилъ меня въ свою церковь. Вечеромъ ходилъ осматривать окрестности Сихема, которыя, какъ извѣстно, однѣ изъ лучшихъ во всей Палестинѣ.

1-е мая. Утромъ ходилъ въ греческую церковь. Игуменъ зналъ причину моего путешествія въ Наблусъ и потому показалъ мнѣ одно старое греческое евангеліе, печатанное въ городѣ Монастырѣ (въ славянскихъ земляхъ) въ 1545 году, старымъ греческимъ шрифтомъ. Я читалъ въ немъ дневное евангеліе Іоанна, 4 главу. Едва я кончилъ свое чтеніе, какъ пришелъ священникъ Амвраамъ, онъ прямо хотѣлъ идти въ алтарь, но игуменъ не дозволилъ ему этого. Тогда онъ сказалъ мнѣ: странно, что христіане не уважаютъ нашего ветхозавѣтнаго священства. Я, какъ священникъ, хочу идти въ алтарь. Я ему объяснилъ, что игуменъ не можетъ впустить въ алтарь человѣка не крещеннаго, и, такимъ образомъ, примирилъ ихъ. Не могу не замѣтить, что здѣсь я имѣлъ передъ собою представителей Ветхаго и Новаго Завѣта: священника Амвраама, имѣющаго родословіе отъ Аарона и списокъ Пятокнижія, писанный за 3300 лѣтъ, и игумена греческаго, имѣющаго евангеліе, напечатанное 315 лѣтъ. Я при этомъ думалъ, что Господь Богъ вѣченъ, вѣчно Его слово; день единъ передъ Нимъ, яко тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, яко единъ день. Онъ всегда единъ и той же въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ и во вся вѣки. Вечеромъ этого дня, когда воспоминается бесѣда Спасителя съ самарянкою, я пошелъ къ тому колодцу, гдѣ происходила эта бесѣда. Колодезь довольно глубокъ; священникъ Амвраамъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ измѣрялъ этотъ колодезь и нашелъ его глубину въ 20 аршинъ. Слышно, что греки теперь купили этотъ колодезь, при которомъ была нѣкогда церковь: мраморные столбы и тесанные камни видны и доселѣ. Не больше, какъ въ разстояніи ста шаговъ отсюда, находится гробница патріарха Іосифа; здѣсь я сказалъ священнику, что такъ какъ самаритяне происходятъ отъ Іосифа, то весьма естественно, что Богъ оставилъ ихъ въ этомъ мѣстѣ

хранить гробъ своего праотца, подобно тому, какъ въ Хевронѣ всегда были хранителями гробовъ Авраама, Исаака и Іакова ихъ потомки, именно: прежде въ Хевронѣ жили евреи—сыны Іакова, потомъ идумеане—сыны Исава и нынѣ арабы—сыны Измаила, сына Авраамова. Эти слова, сказанныя мною случайно, произвели весьма хорошее впечатлѣніе на ефремитовъ и манасситовъ, такъ называемыхъ самаритянъ.

2-е мая. Съ особеннымъ интересомъ разсматривалъ одинъ экземпляръ Пятокнижія Моисеева, писанный въ 657 году по Р. Х., который предложилъ мнѣ священникъ. Я пересмотрѣлъ всю эту книгу: это конечно экземпляръ старой книги и, значитъ, какъ манускриптъ, безотносительной важности не имѣетъ; но важно то, что изъ этого списка видно, какъ скоро приняли самаритяне магометанское лѣтосчисленіе потому, что въ книгѣ время написанія означено 35 годомъ эджирь, по магометанскому лѣтосчисленію. Это мнѣ показалось настолько интереснымъ, что я, выписавъ оттуда все это мѣсто, съ совершенною точностью, черезъ прозрачную автографическую бумагу, отпечаталъ и одинъ экземпляръ прилагаю при этой запискѣ (№ 3) [1].

3-е мая. Мы встали очень рано, еще до восхода солнца (въ 3 часа) и отправились на гору Гаризинъ. Священникъ Амвраамъ былъ нашимъ провожатымъ. Мы прошли черезъ долину, которая очень богата водою, и называется Пардэсъ. Вода, идущая изъ Гаризина, чиста какъ кристалъ но чень холодна. Разными ручьями отводится она въ сады. У самаритянъ есть два названія для садовъ: если садъ орошается ручьемъ или каналомъ, то онъ называется Пардэсъ (рай), а если въ саду нѣтъ воды, то тогда онъ носитъ имя (кэремъ) виноградникъ. Солнце начинало всходить, когда мы, перешедши долину, стали взбираться на гору. Дорога изъ Сихема на Гаризинъ идетъ въ юго-восточномъ направленіи. Самаритяне имѣютъ три станціи для отдыха, когда всходятъ на гору во время 3-хъ Израильскихъ праздниковъ, предписанныхъ въ законѣ Моисеевомъ. Въ эти праздники они читаютъ въ своемъ молитвенномъ домѣ всѣ четыре книги Моисея и изъ 5-й книги Моисеевой до 12-го стиха 10-й главы: и нынѣ Израилю... Вышедши изъ молитвеннаго дома, они въ дорогѣ читаютъ съ этого мѣста дальше до 1-й станціи, называемой отдыхъ самаритянъ и находящейся при подошвѣ горы. Здѣсь они отдыхаютъ около получаса и потомъ, поднимаясь дальше въ гору, читаютъ отъ 20-й

[1]) Приложенія при запискѣ нѣтъ.

до 28-й главы пятой книги Моисеевой. Отдохнувъ еще разъ на срединѣ горы, они читаютъ отъ 28-й главы до конца книги. Достигнувъ, такимъ образомъ, вершины горы, самаритяне идутъ съ молитвою къ ихъ священному мѣсту. Въ этотъ разъ мы отдохнули съ священникомъ на всѣхъ мѣстахъ положеннаго самаритянами отдыха и потомъ отправились на то мѣсто, гдѣ они закалаютъ пасхальнаго агнца, чего (какъ извѣстно всякому знакомому съ еврейскими обрядами) нигдѣ и никогда не бывало у евреевъ со времени разрушенія Іерусалима. Нынѣшній годъ самаритяне закалали пять агнцевъ. Агнецъ долженъ быть одного году отъ роду, безъ всякаго недостатка. Во время праздника раскидываютъ здѣсь свои палатки и живутъ въ нихъ три дня. Женщины, которымъ по закону не дозволяется быть въ священномъ мѣстѣ религіозныхъ собраній, живутъ въ особенныхъ палаткахъ. Нынѣшній годъ было 14 палатокъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ дальше отъ мѣста закланія агнцевъ, они жарятъ ихъ и ѣдятъ, а потомъ сжигаютъ на огнѣ всѣ остатки безъ исключенія.

Съ этого мѣста мы продолжали нашъ путь до самой вершины горы. Здѣсь, отдохнувъ немного, мы вооружились зрительными трубами и стали разсматривать окрестности. Удивительный видъ открылся моимъ глазамъ, видъ, какого я во всю жизнь не встрѣчалъ. Обратясь къ западу, я могъ видѣть передъ собою всю Израильскую землю. Я могъ видѣть даже простыми глазами Яффу на ея зеленомъ, усаженномъ густо апельсинными и лимонными деревьями холмѣ и весь берегъ моря до Кармила.

Въ это самое время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Яффы, мы замѣтили два парохода, изъ которыхъ одинъ шелъ по направленію къ сѣверу, вѣроятно въ Бейрутъ, а другой по направленію къ югу, вѣрно въ Яффу или Александрію. Взявши трубы, мы увидѣли все довольно ясно. Полюбовавшись этимъ прекраснымъ видомъ, мы отправились дальше по площадкѣ, на вершинѣ горы. Теперь священникъ попросилъ меня снять обувь, по его примѣру, и мы продолжали путь, но признаюсь съ большимъ трудомъ, по мелкимъ, острымъ камешкамъ, иногда перемѣшаннымъ съ колючими растеніями.

Мы подошли къ колодцу, спустившись къ водѣ по камнямъ, спутникъ мой, г. Краузе, нашелъ воду очень чистою и холодною. Потомъ, обратясь къ сѣверу, мы увидѣли Ермонъ съ его бѣлымъ вѣчно коронованнымъ снѣгомъ челомъ. По ту сторону Іордана тянулись горы Абаримъ съ юга на сѣверъ. Изъ этой

гряды горъ Моавитскихъ одна значительно поднимается выше другихъ: это вѣроятно гора Нобо съ ея высочайшею вершиною фисга, или по произношенію самаритянскаго священника фасга. Увидѣвъ ее, я понялъ нагляднымъ образомъ, что съ этой высокой горы Моисей дѣйствительно могъ видѣть всю землю обѣтованную, съ юга до сѣвера; особенно, если припомнить, что онъ, несмотря на свои сто двадцать лѣтъ, обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ (Втор., 44, 8). Подвигаясь мало-по-малу съ величайшимъ трудомъ и чувствомъ боли въ ногахъ, мы дошли до священнаго мѣста, гдѣ стояла 270 лѣтъ скинія завѣта. Священникъ показалъ мѣсто Святая Святыхъ, но самъ не дерзнулъ ступить на него ногою, и разумѣется, и я. Не вдалекѣ отсюда видны 12 неотесанныхъ камней, и священникъ на мой вопросъ, касательно ихъ значенія, сказалъ весьма серьезно, что ими означены и подъ ними находятся тѣ двѣнадцать камней, принесенныхъ израильтянами съ Іордана, о которыхъ говорится въ книгѣ Іисуса Навина (Іис. Нав. 4 главы 20 стихъ) (Галгалы, мѣсто упоминаемое здѣсь, находится противъ Гаризина (5 книг. Моис. 11 гл., 29, 30 ст.). Обратясь потомъ къ юго-востоку, мы увидѣли мѣсто Испло, гдѣ нѣкогда стояла скинія завѣта; къ западу видна гора Нобн-Самуэль, въ недальнемъ разстояніи отъ Іерусалима, а еще дальше мы могли замѣтить холмъ, на которомъ расположено селеніе Абу-гошъ, находящееся близъ Іерусалима на Яффской дорогѣ.

На горѣ Гаризинъ стояла 270 лѣтъ скинія свидѣнія и вообще всѣ святыни, сооруженныя Моисеемъ въ пустыни до тѣхъ поръ, пока Господь скрылъ все это отъ народа своего, начинавшаго уже склоняться къ идолопоклонству. Это было во время Сампсона, при Узіи первосвященникѣ, седьмомъ отъ Аарона. Прошедши еще нѣсколько, священникъ, къ крайнему моему удовольствію, надѣлъ свою обувь, и я въ ту же минуту послѣдовалъ его примѣру. Внизу передъ нами раскидывалась прекраснѣйшая долина Араба. Въ это время подошли къ намъ оба племянника Амвраама, молодые священники — Іаковъ и Финеасъ, и въ сопровожденіи ихъ мы отправились въ одинъ необитаемый и никому непринадлежащій домъ, на восточномъ склонѣ горы Гаризинъ. Слава Богу мы были уже обутые.

Здѣсь священникъ угостилъ насъ очень простымъ или, какъ онъ выразился, пастушескимъ завтракомъ, состоявшимъ изъ огурцовъ, яицъ и хлѣба. Но я замѣтилъ ему, что такъ какъ мы находились теперь въ землѣ святыхъ пастырей, то

намъ этотъ завтракъ очень пріятенъ. Странно, — не знаю почему, спутнику моему, г. Краузе, вдругъ пришла мысль, высказанная имъ, что здѣсь, па Гаризинѣ, было Преображеніе Господне. Я ему отвѣтилъ, что я давно былъ убѣжденъ, что Ѳаворъ не былъ мѣстомъ Преображенія Господня: потому что Іосифъ Флавій, разсказывая исторію іудейской войны, говоритъ, что на Ѳаворѣ, въ разстояніи 30 римскихъ стадій отъ Тиверіады, былъ большой городъ, окруженный толстыми стѣнами, который вѣрно не могъ быть построенъ въ малый промежутокъ времени, протекшій между двумя событіями. Можно думать, что городъ этотъ существовалъ гораздо раньше (I Парал. 6 г. 77 ст.). На этотъ разъ мы рѣшили разсмотрѣть исторію Преображенія подробнѣе дома изъ сличенія сказаній евангелистовъ. Священникъ захотѣлъ узнать о предметѣ нашего разговора. Я объяснилъ ему, что мы сейчасъ говорили объ одномъ событіи изъ жизни Спасителя. Онъ сказалъ, что Іисусъ Христосъ хорошо отзывался о самаритянахъ, но однако же запретилъ ученикамъ своимъ входить въ самаритянскіе города. На это я замѣтилъ священнику, что это, вѣроятно, сказано было о городахъ, населенныхъ самарянами-язычниками, но что самъ онъ былъ въ Сихемѣ и пробылъ здѣсь два дня. Священникъ, повидимому согласился съ этимъ и разсказалъ евангельскую притчу о милосердномъ самарянинѣ, что мнѣ было очень пріятно слышать.

Послѣ завтрака мы осмотрѣли огромныя развалины, имѣющія видъ крѣпости, судя по толщинѣ стѣнъ и круглымъ башнямъ. Вѣроятно, это и есть крѣпость, построенная въ 5-мъ вѣкѣ, тяжелой памяти для самаритянъ, императоромъ Юстиніаномъ. Въ это время пришелъ сюда пастухъ съ своимъ стадомъ козъ на водопой. Между тѣмъ становилось очень жарко, и мы понемногу стали спускаться съ горы и воротились домой съ радостью и благодаря Бога за все, видѣнное въ этотъ день.

Вечеромъ я остался наединѣ съ священникомъ и рѣшился потребовать отъ него исполненія обѣщанія, даннаго мнѣ въ Іерусалимѣ. Это была главная и единственная цѣль моего путешествія — видѣть и разобрать подробно ту священную книгу, о которой много и много говорили, но которой еще не читалъ никто изъ евреевъ, ни изъ христіанъ. Это тотъ священный экземпляръ манускриптъ, писанный Абишуа.

Священникъ отвѣчалъ мнѣ (и я замѣтилъ, что голосъ его дрожалъ): „я съ удовольствіемъ исполню данное слово, но тре-

петъ и ужасъ обнимаетъ меня, когда я подумаю о послѣдствіяхъ".

— Почему это? спросилъ я.

— Вы увидите нашу святыню и убѣдитесь, что это первобытный оригиналъ, писанный во время Іисуса Навина и при жизни Элеазара, сына Ааронова. Вы поѣдете въ Іерусалимъ и скажите объ этомъ вашему архіерею, онъ, конечно, напишетъ объ этомъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ это дойдетъ до свѣдѣнія Русскаго Императора, а ему стоитъ сказать только одно слово султану, и онъ пошлетъ силою взять у насъ нашу книгу. Конечно, мы лучше умремъ, нежели выдадимъ нашу святыню, но я одинъ буду виновникомъ своей смерти и смерти маленькой горсти нашего племени.

Я всталъ въ испугѣ, услышавъ это и, поднявъ руку, сказалъ: Клянусь вамъ Господомъ Богомъ Израиля, что если бы у меня было хотя малѣйшее опасеніе съ этой стороны,—я вѣрно не пріѣхалъ бы сюда. Русскій Императоръ хорошій христіанинъ и уважаетъ законъ Моисея, какъ слово Божіе, и, кромѣ того, человѣкъ высокаго благородства, а потому онъ никогда не захочетъ лишить беззащитныхъ самаритянъ ихъ завѣтной святыни. Напротивъ, я увѣряю васъ, что онъ приметъ въ васъ участіе хоть потому только, что нѣкогда здѣсь приняли его и моего Спасителя и впервые признали обѣщаннымъ Мессіею.

Священникъ былъ глубоко тронутъ этими словами. Мы обняли другъ друга, и онъ обѣщалъ мнѣ показать подробно священную книгу на другой день. Потомъ онъ завелъ рѣчь объ евреяхъ, о ихъ произвольныхъ толкованіяхъ закона и не точномъ исполненіи его, и въ заключеніе сказалъ, что завтра утромъ мы всѣ отправимся въ баню.

4-е мая. Мы всѣ пошли въ баню: священникъ, оба его племянника, шестилѣтній сынъ его и я. Священникъ и его семейство мужскаго пола, какъ всѣ вообще восточные народы, носятъ на головѣ тюрбанъ. Когда они начали раздѣваться въ банѣ, я замѣтилъ, что всѣ они носятъ длинные волосы, чего я прежде не замѣтилъ и не предполагалъ. Правда, я прежде видѣлъ у его шестилѣтняго сына длинные заплетенные въ косу волосы, но подумалъ, что это не больше, какъ для украшенія. Признаюсь, мнѣ было очень пріятно, что священникъ, прямой потомокъ Аарона, напомнилъ мнѣ русскаго священника. Я еще разъ взглянулъ на длинные волосы священника. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ: васъ удивляютъ мои длинные волосы, и вы

не знаете причины? Я скажу вамъ ее: всѣ самаритянскіе священники и ихъ семейства мужскаго пола, со дня рожденія, никогда не стригутъ волосъ, потому что священникъ, по самому рожденію своему, есть уже Назорей.

По выходѣ изъ бани, около десяти часовъ мы собрались всѣ вмѣстѣ, священникъ съ своими племянниками пришелъ ко мнѣ затѣмъ, чтобы пригласить меня въ ихъ молитвенный домъ. Это была для меня торжественная минута. Между тѣмъ я спросилъ случайно молодого священника: сколько ему лѣтъ? Онъ отвѣчалъ, что двадцать.

— Да, сказалъ старый священникъ, его дядя,—онъ еще можетъ дожить до пришествія Мессіи, но намъ съ вами уже по пятидесяти лѣтъ: мы не доживемъ.

— Почему вы такъ думаете? спросилъ я. Священникъ такъ твердо, съ такою увѣренностью сказалъ свое мнѣніе, что я захотѣлъ узнать основаніе его.

— Я знаю, вѣрно, что черезъ сорокъ пять лѣтъ придетъ Мессія и скинія, какъ въ древности, будетъ стоять опять на горѣ Гаризинъ.

— Извините, сказалъ я ему, и позвольте не раздѣлять вашего мнѣнія: мой Мессія Іисусъ Христосъ, который давно уже пришелъ. Между мною и вами существуетъ такое же различіе, какое было между Моисеемъ и народомъ Израильскимъ. Когда Господь, изъ пылающей купины, сказалъ Моисею, что онъ избавитъ его народъ изъ рабства, въ глазахъ Моисея, въ его сердечной вѣрѣ, онъ былъ уже избавленъ, но народъ еще не вѣрилъ этому избавленію изъ устъ Моисея и, слѣдовательно, самому Богу. Евреи не хотѣли даже и слышать объ этомъ. Такъ точно мой Моисей пришелъ для меня въ ту минуту, когда я принялъ таинство крещенія, и я, слава Богу, избавленъ. А вы находитесь въ положеніи тѣхъ израильтянъ, которые не хотѣли вѣрить Моисею: вы не признаете Іисуса Христа за Мессію и ждете Мессію.

Священникъ нисколько не обидѣлся этими словами, напротивъ, онъ сказалъ: можетъ быть, ваша правда. Съ этими словами мы пошли въ ихъ молельню, находящуюся въ этомъ же домѣ, разумѣется, безъ обуви. Священникъ открылъ кивотъ и вынулъ священную книгу, переложенную въ привезенный мною новый футляръ.

Мы начали читать съ 10 главы 3-й книги Моисеевой.—мѣсто, которое читали въ молельнѣ въ прошедшій праздникъ. Такъ какъ мнѣ хорошо извѣстны варіанты самаритянской библіи съ

еврейскаго, потому что уже два года занимался сличеніемъ этихъ двухъ текстовъ по списку, имѣющемуся у меня, то я повѣрилъ всѣ мѣста, гдѣ есть различіе до 4-й книги. Я мысленно молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ спокойствіе духа. Мнѣ нужно было, главнымъ образомъ, разсмотрѣть то знаменитое мѣсто, отъ котораго все зависитъ.

Я дошелъ до этого мѣста. Въ 5-й книгѣ Моис. въ 5-й главѣ съ 6 стиха (гдѣ начинаются 10 заповѣдей во второзаконіи) начинается вопись имени писавшаго книгу, время и мѣсто ея написанія. Большой столбецъ разлиновывается вдоль двумя параллельными, съ маленькимъ между ними промежуткомъ, линіями. Писецъ, продолжая писать священный текстъ во всю ширину столбца, ожидаетъ въ немъ буквы, которая ему нужна, такъ чтобы она пришлась, безъ видимой натяжки, въ промежутокъ. Дождавшись ее, онъ помѣщаетъ букву въ строку, въ маленькій промежутокъ между двумя линіями, за нею и передъ нею по этой же строкѣ идутъ всѣ тѣ буквы, какія есть въ священномъ текстѣ. Потомъ, продолжая писать книгу, писецъ ожидаетъ второй буквы, какая нужна для его цѣли, третьей и т. д. Иногда нужная буква приходится скоро, но иногда нужно ожидать ее нѣсколько строкъ, даже цѣлый столбецъ, и оттого эта вопись имени тянется нѣсколько столбцовъ. Когда онъ нашелъ и вынесъ въ промежутокъ двухъ линій, составляющихъ средину столбца, всѣ буквы, нужныя ему, вопись кончена и столбцы идутъ по-прежнему подрядъ, безъ двухъ линій съ промежуткомъ.

Такимъ образомъ ни прибавляя, ни убавляя и не переставливая ни іоты въ священномъ текстѣ, означается имя писавшаго, мѣсто и время написанія книги, если прочитать сверху внизъ вынесенныя въ промежутокъ двухъ линій буквы. Если же будете читать столбецъ во всю ширину его, какъ обыкновенно, одну строку за другою, то вы не замѣтите ничего.

Такимъ образомъ, дошедши до столбца съ промежуткомъ въ срединѣ и читая вынесенныя въ него буквы сверху внизъ, я прочелъ слѣдующее (что, повторяю опять, не составляетъ никакой прибавки къ тексту, а составляетъ его буквы):

„Я Ависа, сынъ Финеса, сына Елеазара, сына Аарона священника (имъ благословеніе Божіе и слава Его) писалъ святую книгу при двери скиніи свидѣнія, на горѣ Гаризинъ въ тринадцатый годъ владѣнія сыновъ Израилевыхъ землею Ханаанскою и предѣловъ ея окрестъ и благодарю Господа“. Соблюдая все возможное спокой-

ствіе духа, я прочиталъ самымъ внимательнымъ образомъ и по складамъ два раза эту вписъ,—но потомъ меня обнялъ страхъ, что Богъ удостоилъ меня видѣть и читать это. Я собрался опять съ духомъ, представивъ себѣ всю важность настоящихъ минутъ и необходимость воспользоваться ими и потомъ продолжалъ читать до конца книги, обращая вниманіе на всѣ главныя разницы и несогласія между текстами еврейскимъ и самаритянскимъ. Прошу васъ, Ваше Преосвященство, представить себѣ, что бы было съ вами, если бы вамъ случилось увидѣть и читать въ оригиналѣ рукопись одного изъ Святыхъ Евангелистовъ? и судите теперь о моихъ чувствахъ при чтеніи древней Самаритянской библіи. И это первобытный полный оригиналъ Пятокнижія, въ которомъ въ первый разъ говорится о смерти Моисея: онъ писанъ еще при жизни Іисуса Навина и Елеазара.

Что я прочувствовалъ, Боже мой, что я прочувствовалъ въ эти минуты: и радость и страхъ... но нѣтъ, этого нельзя выразить словами и нужно отказаться отъ передачи этихъ чувствъ: это можетъ быть понято только глубокою полнотою тепло вѣрующаго сердца христіанина и еврея...

Ясно, сжато и вдругъ, какъ озаренная мгновеннымъ свѣтомъ молніи, пронеслась въ моемъ воображеніи вся судьба народа Израильскаго съ своими свѣтлыми и темными сторонами отъ времени написанія этой книги до сего времени, и пришли мнѣ на умъ слова Пророка Осіи (3 гл. 4 и 5 ст.).

„Дни многи сядутъ сынове Израилевы, ни сущу царю, ни сущу князю, ни сущей жертвѣ, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явленіямъ. И по семъ обратятся сынове Израилевы и взыщутъ Господа Бога своего, и Давида Царя своего и почудятся о Господѣ и о благостяхъ Его въ послѣдняя дни"... На душѣ у меня было такъ хорошо, какъ хорошо бываетъ у человѣка на душѣ послѣ причастія.

Священникъ сказалъ мнѣ, увѣряя своимъ священническимъ словомъ, что этой книги такъ подробно никто и никогда еще не видѣлъ, какъ я. И дѣйствительно, о томъ, что я говорю здѣсь, не писалъ еще никто.

„Весь Израиль, и старцы ихъ, и судіи ихъ, и книгочія ихъ, подходяху сюду и сюду предъ кивотомъ, и жрецы и левиты воздвизаша кивотъ завѣта Господня, пришелецъ же и туземецъ: иже быша половина ихъ близъ горы Гаризинъ, и половина ихъ близъ горы Гевалъ, якоже заповѣда Моисей рабъ Господень благословити людей Израилевыхъ въ первыхъ.

И по сихъ тако прочте Іисусъ вся словеса закона сего, благословенія и клятвы, по всему написанному въ законѣ. Не бяше словесе отъ всѣхъ, яже заповѣда Моисей Іисусу, его же не прочте Іисусъ во уши всего сонма сыновъ Израилевыхъ, мужемъ, и женамъ и дѣтямъ, и пришельцемъ, приходящимъ къ Израилю" (Іис. Нав. 8, 33).

И черезъ три тысячи триста лѣтъ на томъ же самомъ мѣстѣ, почти въ томъ же оригиналѣ, я читалъ тотъ же законъ.

Теперь я считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ этой древнѣйшей, единственной въ мірѣ книги. Кожа, на которой она писана, приготовлена была изъ однолѣтнихъ барашковъ, принесенныхъ въ жертву мирную, единственная, которая могла оставаться послѣ жертвоприношенія: потому, что при всѣхъ другихъ жертвоприношеніяхъ кожа должна быть сожжена.

Всѣхъ кожъ, употребленныхъ на книгу, писанныхъ только съ одной стороны и пришитыхъ одна къ другой, такъ что онѣ составляютъ длинный свитокъ, всѣхъ кожъ двадцать двѣ. Само собою разумѣется, что въ настоящее время эта кожа очень ветха, во многихъ мѣстахъ истерта, разорвана и подклеена. На каждой кожѣ иногда четыре, иногда пять такихъ столбцовъ, какіе можно видѣть на прилагаемомъ при этомъ, точно сдѣланномъ мною снимкѣ (№ 4) [1]). Многія мѣста трудно разобрать: въ иныхъ мѣстахъ чернила очень побѣлѣли, въ другихъ они прошли глубоко въ кожу; отчего буквы, при мелкости шрифта слились. Поля очень малы,—не шире пальца. Знаковъ препинанія, равно какъ и нумераціи главъ и стиховъ — вовсе не существуетъ. Однако же можно отдѣлить одно слово отъ другого, равно какъ и цѣлые стихи другъ отъ друга: потому что послѣ каждаго слова одна точка, послѣ каждой отдѣльной мысли двѣ точки и послѣ каждой большой тирады — двѣ точки съ черточкой, а послѣ каждой изъ пяти книгъ—пробѣлъ въ пять строкъ.

Разсматривая болѣе двадцати экземпляровъ Пятокнижія, хранящихся у самаритянъ, изъ которыхъ одинъ временъ Эздры, и сличая ихъ, я нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ по красотѣ, тонкости, мелкости и отчетливости шрифта не только не можетъ сравниться съ древнѣйшимъ святымъ оригиналомъ, но не можетъ даже сколько-нибудь приблизиться къ нему: такого прекраснаго шрифта я никогда не видалъ. Я думалъ, догады-

---

[1]) Приложенія нѣтъ.

вался и не могъ себѣ представить, какимъ перомъ написана эта книга. Тростью такъ хорошо писать невозможно; желѣзомъ, котораго употребленіе запрещено закономъ при построеніи жертвенника, святой писатель не могъ писать; вороньимъ перомъ, какъ перомъ нечистаго животнаго—тоже; остается предположить, что онъ употреблялъ золотое перо.

Прилагаемый при семъ снимокъ священнаго оригинала (№ 4) [1]) сдѣланъ такимъ образомъ. Я слегка попросилъ священника позволить мнѣ выписать изъ этой книги только азбуку. Священникъ былъ такъ братски добръ ко мнѣ, что сдѣлалъ больше, нежели я ожидалъ. Онъ тихо сказалъ мнѣ, что онъ отдастъ въ мое распоряженіе своего племянника, съ которымъ мы, запершись въ молельнѣ, чтобы никто изъ общества не зналъ этого, сдѣлаемъ копію съ цѣлаго столбца, какой мнѣ будетъ угодно выбрать. Пересмотрѣвъ еще разъ цѣлую книгу, я выбралъ прилагаемый при этомъ столбецъ, какъ сохранившійся лучше другихъ. Положивъ транспарантную автографическую бумагу, молодой священникъ точно скопировалъ столбецъ литографическими чернилами, а я потомъ отпечаталъ на моемъ литографическомъ станкѣ. Содержаніе этого столбца изъ 5-й книги Моисея съ 8-го ст. 19 главы до 14 ст. 26 гл.

Кромѣ этого, священникъ показалъ мнѣ всѣ свои древности, всѣ свои святыни, но я не буду теперь писать объ этомъ, послѣ описанія самаго главнаго, составляющаго цѣль моей поѣздки. Одно только я считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія Вашего Преосвященства, именно то, что священникъ, отъ имени общества, пригласилъ меня въ Наблусъ для жительства и печатанія самаритянской библіи по ихъ древнимъ оригиналамъ.

Я рѣшился на это, но прибавилъ, что не могу еще дать ему слова безъ согласія на это и благословенія Вашего Преосвященства и разрѣшенія высшаго начальства въ Петербургѣ.

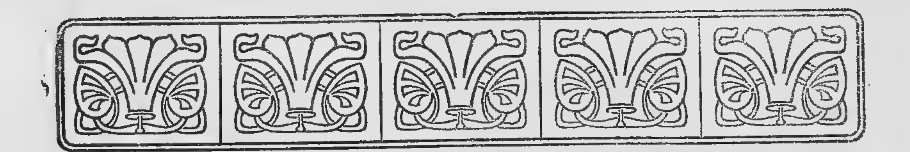
Смѣю надѣяться на согласіе и содѣйствіе Вашего Преосвященства въ этомъ святомъ дѣлѣ. 1860 года, 15 мая, Іерусалимъ.

Василій Левисонъ.

---

[1]) Приложенія нѣтъ.

Шейхъ-Мансуръ Анапскій.

(Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа).

Шейхъ — въ искаженіи шихъ, означаетъ по убѣжденію мусульманъ, человѣка праведнаго, высокой нравственной жизни, почти угодника. Полученіе званія шейха было сопряжено съ большими затрудненіями и не иначе, какъ при наличности широкой популярности въ народѣ.

Въ первой половинѣ XIX вѣка среди кавказскихъ горцевъ секта шиховъ имѣла большое распространеніе, хотя послѣдователи ея и не могли быть истинными шихами въ полномъ смыслѣ этого слова. Основатель секты, первый имамъ Дагестана, Кази-Мулла, главнымъ условіемъ достиженія этого почетнѣйшаго званія ставилъ отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ благъ, безусловное слѣдованіе завѣтамъ Корана и распространеніе завѣтовъ послѣдняго, въ случаѣ надобности, вооруженной рукой Естественно, что свободолюбивому и независимому горцу трудно было отказаться отъ всего мірского, а тѣмъ болѣе подчинить свою волю — волѣ другого. Поэтому истинныхъ шиховъ было очень немного, но зато явилось въ изобиліи много послѣдователей и подражателей.

Одинъ изъ предшественниковъ ученія Кази-Муллы, чеченецъ Ушурма, впослѣдствіи получившій наименованіе шейхъ-Мансура, вызвалъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія возстаніе горцевъ почти по всему черноморскому побережью, направленное противъ русскихъ, продолжавшееся въ теченіе нѣскольких лѣтъ и закончившееся плѣненіемъ популярнаго шейха.

Будущій вождь и пророкъ родился въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ небольшой чеченской деревушкѣ Алды; какъ

всѣ горцы, онъ по достиженіи юношескихъ лѣтъ пасъ стада и тѣмъ поддерживалъ благосостояніе семьи. Неграмотный, знавшій наизусть только пять повседневныхъ молитвъ, обязательныхъ для каждаго правовѣрнаго, Мансуръ, находясь постоянно подъ обаяніемъ роскошной южной природы, видя вокругъ себя великолѣпную красоту Кавказа, сдѣлался мечтателемъ и невольно выдѣлился изъ среды односельчанъ. Присматриваясь къ окружающему, онъ открылъ, что большинство его соотчичей, какъ простые люди, такъ и люди ученые, даже почитаемое народомъ духовенство, отступили отъ предначертаній Корана и впали въ различные пороки. Сдѣлавъ это открытіе, впечатлительный юноша далъ себѣ твердый зарокъ: стараться всю жизнь не слѣдовать худымъ примѣрамъ, жить набожно и честно и никогда не отставать отъ поста и молитвы.

Постоянство, съ какимъ Мансуръ сталъ исполнять свой обѣтъ, скоро обратило на себя вниманіе и привлекло къ нему толпы почитателей. Не только жители его родной деревни, но почти все населеніе обширной Чечни стекалось слушать его поученія.

Вмѣстѣ со славой, увеличивалось и благосостояніе его семьи. Приношенія лились рѣкою: всевозможные подарки, деньги, овцы, быки, лошади и плоды, все въ изобиліи неслось любимому шейху.

Его страстная проповѣдь какъ бы гипнотизировала, очаровывала слушателей. Это былъ своего рода мусульманскій Саванаролла: сильно и властно проповѣдывалъ онъ о вредѣ раздоровъ среди правовѣрныхъ, бичевалъ роскошь, которой окружали себя гордые мюриды, и требовалъ, чтобы всѣ относились съ любовью другъ къ другу, не исключая и иновѣрцевъ.

Какъ велико было нравственное вліяніе этого человѣка, можно судить изъ того, что всегда воинственные чеченцы, непримиримые враги русскихъ, измѣнили свои отношенія, и проявленіе дружбы къ русскимъ не было рѣдкимъ исключеніемъ.

Все время, пока туземцы находились подъ вліяніемъ шейха-Мансура, эти дружественныя отношенія не нарушались. Ни набѣговъ, ни столь обычнаго у черкесовъ воровства скота не было. Отдѣльныя попытки на грабежъ, если и бывали, то большей частью онѣ совершались безъ вѣдома Мансура. Одинъ изъ такихъ случаевъ косвенно послужилъ поводомъ къ разрыву съ русскими и рѣзко перемѣнилъ воззрѣнія самого шейха.

Виновникомъ этого былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ

представителей сельской молодежи, чеченецъ Бурсанъ. Подговоривъ нѣсколько кунаковъ, онъ въ одну темную ночь, подкравшись къ селенію русскихъ, увелъ изъ табуна семь лошадей и взялъ въ плѣнъ караульщика. Вернувшись въ Алды, онъ не могъ скрыть результатовъ удачной баранты, и вѣсть о набѣгѣ дошла до шейха. Мансуръ немедленно созвалъ старѣйшинъ изъ мюридовъ, убѣдилъ ихъ, что поступокъ Бурсана можетъ навлечь гнѣвъ русскихъ властей и повести къ нарушенію мира. Мюриды постановили отобрать у Бурсана лошадей и вернуть ихъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ. Съ своей стороны Мансуръ изготовилъ къ русскимъ письмо, въ которомъ заявлялъ о желаніи чеченцевъ хранить съ ними дружбу. Но этого добраго намѣренія ему не удалось осуществить. Помѣшала, какъ это часто бываетъ, человѣческая зависть. Уже давно въ аулѣ одному человѣку не нравилось все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе и власть Мансура. Чеченецъ Алаши-Батешъ, ослѣпленный злобой, рѣшился на крайнее средство: онъ отправился къ начальнику ближайшаго русскаго отряда и донесъ ему, что шейхъ-Мансуръ возбуждаетъ чеченцевъ къ войнѣ противъ Россіи и что поступокъ Бурсана былъ вызовомъ для разрыва сношеній. Доносъ подѣйствовалъ, такъ какъ командующій русскими войсками по Моздокской линіи уже давно относился недовѣрчиво къ популярному пророку. Было сдѣлано распоряженіе о посылкѣ карательной экспедиціи подъ начальствомъ полковника Піери. Въ составъ отряда вошелъ Астраханскій пѣхотный полкъ, батальонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ гренадерскія роты Томскаго полка и сотня Терскихъ казаковъ.

4 іюля 1785 года, отрядъ полковника Піери выступилъ въ походъ и къ 10 часамъ утра 6 іюля достигъ селенія Алды. Въ то самое время, когда Мансуръ сочинялъ свое письмо и готовился вернуть похищенное Бурсаномъ,—его родной аулъ, подожженный съ четырехъ сторонъ, былъ взятъ и разграбленъ русскими солдатами. Не ожидавшіе нападенія жители бѣжали въ горы. Мансуръ лишился всего: его сакля была сравнена съ землей, самъ онъ и его семья едва успѣли спастись. Все дружественное отношеніе къ русскимъ пропало, и шейхъ поклялся отомстить именемъ пророка. Между тѣмъ русскій отрядъ предавалъ все встрѣчающееся ему на пути огню и мечу. Вся Чечня заволновалась, узнавъ о несчастьѣ, постигшемъ шейха. Мансуръ сталъ во главѣ горцевъ и объявилъ священную войну — газаватъ. По ночамъ на неприступныхъ кручахъ горъ зажига-

лись костры—сигналы. Все, что умѣло и могло носить оружіе, стекалось подъ священное знамя пророка.

Тѣмъ временемъ отрядъ полковника Піери, разрушивъ еще нѣсколько селеній, предпринялъ обратный походъ, не подозрѣвая, что воины шейха зорко слѣдятъ за его движеніемъ. Въ почти дѣвственныхъ за-Сунженскихъ лѣсахъ, втянувшись въ узкое горное ущелье, отрядъ былъ внезапно окруженъ чеченцами. Произошла жаркая битва: обѣ стороны боролись отчаянно. Озлобленные горцы, руководимые любимымъ вождемъ, одержали побѣду. Полковникъ Піери и всѣ офицеры были убиты. Оставшіеся въ живыхъ 140 человѣкъ солдатъ и двѣ пушки остались трофеями въ рукахъ непріятеля.

Это тяжкое пораженіе русскихъ сильно повысило авторитетъ Мансура въ глазахъ горцевъ. Священный кличъ газавата распространился на Кубань и Кабарду, и возстаніе охватило значительное пространство. Опьяненные побѣдой, чеченцы потребовали отъ него продолженія военныхъ дѣйствій, но осторожный шейхъ, зная превосходство русскихъ, противился этому требованію и медлилъ. Нѣкоторые изъ горскихъ князей предложили напасть на ингушей, племя, къ которому чеченцы относились съ ненавистью и называли ихъ невѣрными. Мансуръ еще менѣе чѣмъ съ русскими желалъ войны съ единоплеменниками, но ему было почти приказано слѣдовать въ походъ. Случай выручилъ его изъ этого положенія. Одинъ изъ узденей, нѣкій Гатши, убѣдилъ горцевъ не трогать ингушей, а итти на Кизляръ, бывшій, по его словамъ, безъ всякаго гарнизона и поэтому обѣщавшій богатую добычу. Самонадѣянные и пылкіе мюриды ухватились за эту мысль и, не войдя даже въ соглашеніе съ разбросанными по всей Кубани черкесскими отрядами, предприняли набѣгъ на Кизляръ, на этотъ разъ окончившійся неудачей. Навстрѣчу чеченцамъ былъ высланъ значительный русскій отрядъ подъ командой полковника Нагеля и горцы были разбиты наголову.

Мансуру съ небольшой кучкой приверженцевъ удалось скрыться въ горахъ. Удрученный пораженіемъ, онъ рѣшилъ не принимать болѣе участія въ военныхъ дѣлахъ и задумалъ совершить путешествіе въ Мекку. Съ четырьмя, постоянно сопровождавшими его мюридами, онъ отправился въ Анапу, чтобы оттуда отплыть въ Константинополь. Въ это время началась наша вторая война съ Турціей. Комендантомъ Анапы былъ трехбунчужный Баталъ-паша. Узнавъ о прибытіи Мансура, дѣятельность котораго ему была извѣстна, онъ призвалъ

его къ себѣ и объявилъ, что теперь, когда идетъ война съ русскими, не время ѣхать въ Мекку.—Подвигъ за истинную вѣру противъ иновѣрныхъ,—сказалъ паша,—не менѣе угоденъ Аллаху, чѣмъ поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Нуждаясь въ подкрѣпленіяхъ, паша уговорилъ Мансура употребить все свое вліяніе на горцевъ въ пользу войны съ русскими и отправилъ шейха обратно въ горы, чтобы уговорить чеченскихъ князей оказать помощь турецкой арміи. Мансуръ, вернувшись въ аулы, передалъ желаніе Баталъ-паши, не подкрѣпивъ его, однако, своимъ совѣтомъ. Его уклончивость была замѣчена, и вслѣдствіе этого къ пашѣ былъ отправленъ гонецъ съ извѣщеніемъ объ отказѣ чеченцевъ вступить въ союзъ.

Баталъ-паша, получивъ это извѣстіе, сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе. Онъ спокойно выслушалъ посланнаго съ отказомъ, выразилъ свое сожалѣніе и просилъ передать шейху-Мансуру, что онъ хотѣлъ бы видѣть его при себѣ. Проницательный турокъ зналъ, что присутствіе шейха подниметъ его военный престижъ и воодушевитъ его войска. Вскорѣ пашѣ удалось заключить союзъ съ Кабардинскими князьями и, не дожидаясь приближенія русскихъ, онъ двинулъ свою армію въ Кабарду, но на пути былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ генерала Германа, потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ. Остатки турецкой арміи вернулись въ Анапу подъ предводительствомъ сына Баталъ-паши—Мустафы.

Когда вѣсть о разбитіи турецкихъ войскъ достигла Кабардинскихъ селеній, то собранные тамъ и совершенно готовые къ выступленію отряды, были распущены. Бывшій тамъ же Мансуръ, не желая оставаться среди растерявшихся горцевъ, рѣшилъ снова отправиться въ Анапу, чтобы осуществить свою мечту о путешествіи въ Мекку. Послѣ долгаго и опаснаго пути, онъ вмѣстѣ съ пятью спутниками достигъ города, но увидѣлъ его осажденнымъ русскими войсками. Одному ему извѣстнымъ путемъ, Мансуръ пробрался въ городъ и поселился одинъ, не предпринимая никакихъ дѣйствій и проводя время въ молитвѣ.

Между тѣмъ русскія войска подъ начальствомъ графа Гудовича желѣзнымъ кольцомъ стягивали Анапу. Привозъ провизіи съ горъ сталъ невозможенъ, почти непрерывный обстрѣлъ города и частые штурмы утомили его защитниковъ, и крѣпостной гарнизонъ сталъ роптать. Мустафа-паша обратился къ Мансуру съ призывомъ выступить на защиту ислама и пади-

шаха. Шейху пришлось прекратить бездѣйствіе и стать въ ряды борцовъ, но на этотъ разъ и его присутствіе не могло поддержать осажденныхъ. Послѣ долгой и тяжкой осады войска графа Гудовича 22 іюня 1791 года кровопролитнымъ штурмомъ взяли Анапу. 130 знаменъ, 95 пушекъ и около 14.000 человѣкъ плѣнныхъ было наградой побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были: Мустафа-паша и шейхъ-Мансуръ.

Графъ Гудовичъ обласкалъ плѣнниковъ: онъ торжественно обѣщалъ имъ свободу по окончаніи войны, а Мансуру, кромѣ того, пристойное, подобающее его званію, содержаніе въ Петербургѣ, куда онъ долженъ быть посланъ для представленія Императрицѣ. Само собою разумѣется, что эти почетныя условія были приняты. Задача графа Гудовича по умиротворенію кавказскихъ горцевъ была закончена: со взятіемъ Анапы вся Кубань была въ рукахъ русскихъ, а плѣненіе популярнаго пророка и шейха смирило горскія племена, и возстаніе можно было считать подавленнымъ.

Съ чрезвычайными предосторожностями и подъ усиленнымъ конвоемъ шейхъ - Мансуръ былъ доставленъ въ Петербургъ. Вмѣсто обѣщаннаго ему почетнаго содержанія, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Екатерининское правительство смотрѣло на него, какъ на опаснаго политическаго агитатора, и подозрѣвало въ немъ турецкаго агента. 28 іюня 1791 года, шейхъ былъ допрошенъ въ тайной экспедиціи самимъ Шешковскимъ. Въ показаніяхъ своихъ Мансуръ упорно отрицалъ обвиненіе его въ недоброжелательствѣ къ русскимъ и утверждалъ, что онъ проповѣдывалъ среди своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ терпимость и любовь не только между собою, но и по отношенію къ русскимъ. На вопросъ, какъ онъ могъ поучать народъ, когда самъ былъ неграмотенъ, Мансуръ отвѣтилъ, что проповѣди его были понятны, коротки и просты и заключались въ слѣдующихъ правилахъ, соблюдать которыя долженъ былъ каждый правовѣрный: 1) исповѣдывать Бога единаго; 2) исповѣдывать, что Магометъ посланникъ Божій, 3) вѣрить воскресенію мертвыхъ и страшному суду Божію, на которомъ каждому воздано будетъ по дѣламъ его, и для того исполнять предписанныя закономъ должности, коихъ пять: 1) постъ, 2) молитва, 3) посѣщеніе Мекки и Медины, 4) подаяніе милостыни и 5) исповѣданіе вѣра въ единаго Бога.

Среди бумагъ шейха были найдены тексты четырехъ молитвъ, которыя онъ распространялъ среди своихъ послѣдова-

телей [1]). Воинственныхъ же воззваній или какихъ либо обращеній къ городскимъ племенамъ, найдено не было.

По снятіи допроса, Мансуръ былъ снова заключенъ въ крѣпость. Въ тайной экспедиціи не вѣрили въ его исключительно проповѣдническую дѣятельность по его молодости (по его показанію ему было только 30 лѣтъ отъ роду), и Шешковскій медлилъ съ докладомъ Императрицѣ. Между тѣмъ шейхъ-Мансуръ велъ себя въ крѣпости неспокойно: онъ просилъ и требовалъ исполненія обѣщаній графа Гудовича объ освобожденіи его какъ военно-плѣннаго, но просьбы оставлялись безъ вниманія. Его пылкая южная натура не могла мириться съ суровыми требованіями крѣпостного режима, приводившаго его въ ярость, и въ одинъ день, въ припадкѣ гнѣва, Мансуръ ударомъ ножа убилъ караульнаго солдата.

Немедленно было доведено до свѣдѣнія Государыни и наряжено особое слѣдствіе. По высочайшему новелѣнію шейхъ за

---

[1]) Тексты этой выписки изъ Корана были такого содержанія: 1) Слава Богу Господу обоихъ міровъ, т. е. сего и будущаго, Милосердному, Милостивому, властителю суда страшнаго. Тебя молимъ и Твоей пощады просимъ, направи насъ на путь правый, на путь, его же ради благотворишь ходящимъ по немъ, не прогнѣвись на нихъ и не отпадутъ въ заблужденіе

2) Богъ вашъ есть Богъ единый и нѣтъ Бога кромѣ Его Милостиваго и Милосерднаго; Ему же нѣтъ владыки, ни сообщника, нѣтъ соучастника, во владычествѣ Его. Хвалите Его и благодарите утро и вечеръ, нѣтъ крѣпости и силы не отъ Бога, Величайшаго и Высочайшаго. Уповающій на Бога не постыдится, помогаетъ ему всемогущій Богъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Во истину Господь вашъ есть Богъ, Который сотворилъ небо и землю въ шесть дней, потомъ сѣлъ на престолъ, покрывая день ночью; сотворилъ Онъ солнце, луну и звѣзды и теченіе ихъ покорилъ своей власти. Благословенъ будь Господь Богъ общихъ міровъ. Богъ, кромѣ Котораго, нѣтъ иного Бога, Онъ есть живой, всегда существующій, Ему же не прикасается дреманіе и сонъ, Его все, что на небесахъ и на землѣ. Кто посмѣетъ ходатайствовать у Него, не по Его изволенію. Онъ вѣдаетъ бывшее и что имѣетъ быть, никакая вещь не можетъ объять свѣдѣній Его, кромѣ того, что Онъ открыть захочетъ. Пространство престола Его—небо и земля и не обременяетъ Его тягость храненія ихъ; Онъ высокъ и великъ.

3) Прибѣгаю къ Господу и Царю рода человѣческаго, да сохранитъ меня отъ дьявольскаго искушенія и козней человѣческихъ; милостивый къ рабамъ своимъ Господъ Богъ щедритъ и даритъ, кому хочетъ безъ числа.

4) Господь нашъ, не истязуй насъ, если мы что запомнили и если въ чемъ согрѣшили и не наложи на насъ тягости такой, какой отягощены предшествовавшіе намъ роды. Не возложи на насъ, что понести не можемъ, прости насъ Господи и помилуй насъ, ты Владыко нашъ и дай намъ помощь Свою на невѣрующихъ въ тебя.

это преступленіе былъ закованъ въ кандалы и осужденъ на вѣчное заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. 15 октября 1791 года [1]) Мансуръ былъ переданъ въ распоряженіе коменданта, и непривѣтливыя стѣны страшной крѣпости скрыли въ себя сводолюбиваго горца.

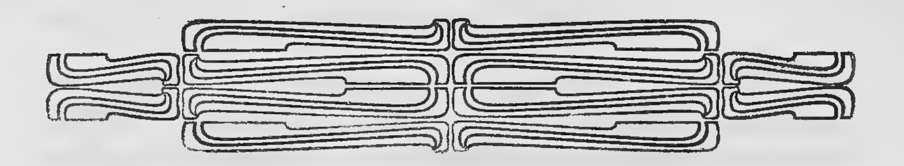
Шейхъ пробылъ въ тяжеломъ заключеніи до весны 1794 года. Гнетъ неволи и тоска по родинѣ развили въ немъ чахотку, и 13 апрѣля того же года Мансура не стало. Тѣло его секретно, ночью, было зарыто на Преображенской горѣ безъ всякаго обряда. Такъ окончилъ свою жизнь популярный вождь и пророкъ чеченскихъ племенъ шейхъ-Мансуръ Анапскій, — предшественникъ Шамиля.

М. Я. Корольковъ,

---

[1]) Донесеніе Шлиссельбургскаго коменданта. Гос. Арх. т. VII № 2777.

Виленскія воспоминанія.

Вильна издавна славится красотою своихъ окрестностей. Нынче, съ вырубкою лѣсовъ, прелесть окрестностей уменьшилась; но прежде не надо было употребить много времени, чтобы перейти изъ городского шума въ лѣсную глушь. Любимое мѣсто гуляній—желѣзная хатка находилась въ густомъ лѣсу, а ведущее туда желѣзнодорожное полотно представляло аллею, съ которой были видны красивые пейзажи. Самый городъ, окруженный высотами и расположенный при двухъ рѣкахъ, со множествомъ костеловъ и церквей, также имѣетъ красивый видъ. Въ концѣ 1865 года, когда я поселился въ Вильнѣ, около Замковой горы былъ земляной валъ со рвомъ. Такой валъ сохранился по настоящее время, на правомъ берегу рѣки Виліи. Сообщеніе между этими фортификаціонными постройками производилось посредствомъ деревяннаго парома, двигающагося по канату, протянутому черезъ рѣку. Остатки фортификаціонныхъ сооруженій можно найти и нынѣ на Крестовой горѣ. Тамъ, наверху горы, былъ прорытъ небольшой деревянный туннель, открытый съ обоихъ концовъ. Такъ какъ въ позднѣйшее время туннель сталъ служить убѣжищемъ для разнаго сброда, то его засыпали. Вблизи укрѣпленій, на Ботанической улицѣ, стояла большая каменная мукомольная мельница, приводимая въ движеніе водою рѣки Вилейки. Для сей цѣли былъ проложенъ особый каналъ, который отходилъ отъ мельницы къ земляному валу: здѣсь вода текла во рву и уходила въ рѣку Вилейку; такимъ образомъ, крѣпостной ровъ съ водою отдѣлялъ Ботаническій садъ отъ фортификаціонной постройки. Тутъ былъ построенъ подъемный мостъ на цѣпяхъ, котораго я не засталъ; но высокіе каменные устои сохранились донынѣ. Долгое время сохранялись также три высокихъ деревянныхъ креста на Кре-

стовой горѣ; когда одинъ обрушился отъ ветхости, то и остальные два были убраны. Городъ имѣлъ уже газовое освѣщеніе, но оставалось много узкихъ и кривыхъ переулковъ, дурно освѣщаемыхъ. На Большой улицѣ, противъ маленькой Пятницкой церкви стоялъ большой каменный домъ, заслонявшій церковь. Домъ этотъ былъ купленъ казною и снесенъ. Во время моего прибытія въ Вильну были еще остатки суроваго режима: по вечерамъ люди ходили съ фонарями, а въ царскіе дни во всѣхъ уличныхъ окнахъ зажигались свѣчи. Разсказывали, какъ во время уличныхъ демонстрацій выводили изъ казармъ вооруженныя войска, которыя однако оружіемъ не дѣйствовали. Пользуясь такимъ послабленіемъ, нѣкоторые горячіе патріоты наносили солдатамъ оскорбленія, остававшіяся безнаказанными. Одна почтенная старушка разсказывала мнѣ, какъ сильно было тогда увлечено польское общество мыслью о вмѣшательствѣ Западной Европы въ польское возстаніе. Какъ хозяйка дома, гдѣ происходилъ политическій разговоръ, ни оспаривала своихъ гостей, какъ ни объясняла имъ несбыточность подобной идеи, ничего не помогало.—Панъ такой-то, говорила она мнѣ,—такъ былъ увѣренъ въ помощи французовъ и англичанъ, какъ будто англійскій флотъ стоялъ уже въ Трокахъ. Извѣстно, что въ Трокскомъ уѣздѣ лежатъ обширныя озера. Та же старушка сообщила мнѣ про ничтожный случай, ее напугавшій. Къ ней въ домъ былъ поставленъ на жительство казачій офицеръ. Хозяйка отвела ему комнату въ своей собственной квартирѣ. Однажды вечеромъ она пригласила офицера къ себѣ на чай. Въ то время у нея находился какой-то панъ. Во время разговора гость этотъ неожиданно сказалъ хозяйкѣ: „зачѣмъ эти бродяги пришли къ намъ сюда въ Вильну“.—Я,—говорила хозяйка,—сижу ни жива, ни мертва.—Къ счастью, разговоръ шелъ на польскомъ языкѣ, и офицеръ не понялъ сдѣланнаго вопроса.

Въ молодости я имѣлъ обширный кругъ знакомства и бывалъ въ польскихъ домахъ. Тамъ существовала такая тактика въ отношеніи русскихъ. Если гость былъ офицеръ, то бранили русскихъ чиновниковъ, намекая на ихъ взяточничество, бранили учителей, обвиняя ихъ въ грубомъ обращеніи къ учащимся и намекая на другіе недостатки. Если русскій гость былъ чиновникъ, то бранили педагоговъ и офицеровъ, указывая на необразованность военнаго сословія. Если русскій гость былъ педагогъ, то ограничивались жалобою на чиновниковъ и офицеровъ. Такимъ образомъ, выходило, что нѣтъ ничего хорошаго у русскихъ.

Извѣстно, что послѣ польскаго возстанія 1831 года, въ Литвѣ много овдовѣвшихъ полекъ повыходили замужъ за молодыхъ русскихъ офицеровъ. Такого явленія послѣ возстанія 1863 года въ Вильнѣ не было; напротивъ, оставались безъ замужества много польскихъ барышенъ молодыхъ и красивыхъ. Тогда существовало запрещеніе служащимъ православнымъ вступать въ бракъ съ католичками. Если и возникали свадьбы, то обыкновенно невѣста принимала православную вѣру. Такой запретъ отражался вредно и на русской молодежи: стали являться внѣбрачныя сожитія. Я зналъ такой характерный случай. Молодой человѣкъ состоялъ въ конкубинатѣ съ женщиной двусмысленнаго поведенія. Родные этого мужчины были крайне опечалены такою связью. Чтобы порвать эту связь, родные устроили переводъ въ Петербургъ своего родственника! Казалось, все хорошо было сдѣлано. Молодой человѣкъ разстался со своею возлюбленною, далъ ей на прощаніе 300 рублей и уѣхалъ въ столицу. Спустя нѣсколько дней, покинутая особа захотѣла увидѣть своего возлюбленнаго и съ этою цѣлью вздумала поѣхать въ Петербургъ. Въ то время въ Вильнѣ существовало военное положеніе и для того, чтобы выѣхать въ столицу, надо было имѣть полицейское разрѣшеніе. Виленскій полицеймейстеръ, вѣроятно, предупрежденный о подобномъ намѣреніи, отказалъ въ выдачѣ нужнаго свидѣтельства. Огорченная особа телеграфировала своему другу, что она окружена врагами и что ее не выпускаютъ изъ Вильны. Возмущенный такимъ стѣсненіемъ, молодой человѣкъ пріѣхалъ обратно въ Вильну и, чтобы защитить свою подругу, рѣшилъ съ нею обвѣнчаться. Бракъ былъ совершенъ въ Никольской церкви, и молодые супруги уѣхали въ Петербургъ.

При началѣ польскаго возстанія многіе изъ русской молодежи сочувствовали полякамъ, которые боролись за свободу и обѣщали добыть свободу и русскимъ. Передъ началомъ возстанія я встрѣтился въ Петербургскомъ университетѣ со студентомъ-полякомъ, окончившимъ уже 4 курса математическаго факультета и собиравшимся ѣхать въ провинцію. Это былъ бѣдный человѣкъ, весьма серьезный. Зная изъ газетъ, что уже формируются шайки мятежниковъ въ Польшѣ и Литвѣ, я, въ разговорѣ съ этимъ студентомъ, по-дружески спросилъ его, не собирается ли и онъ отправиться въ банду. На это студентъ мнѣ отвѣтилъ: „что они за дураки, задумали сдѣлать такую глупость“. Подобный отвѣтъ меня очень удивилъ, потому что я впервые услыхалъ изъ устъ поляка порицаніе начинающемуся мятежу.

Пріѣхавъ въ новую для меня страну и знакомясь съ мѣстностью и съ жителями, я какъ-то обратился къ еврею ремесленнику съ категорическимъ вопросомъ: чью сторону держали евреи во время бывшаго возстанія, русскихъ или поляковъ. На это послѣдовалъ очень умный отвѣтъ.—„Для насъ, евреевъ",—сказалъ спрошенный,—„Россія—это отецъ, Польша—это мать. Когда отецъ съ матерью ссорятся, тогда дѣтямъ нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эту ссору."

Во время моего прибытія въ Вильну, видное положеніе въ русскомъ обществѣ занималъ артиллерійскій офицеръ Гогель. Это былъ богатый человѣкъ, занимавшій большую квартиру и державшій собственный экипажъ. Только у генералъ - губернатора были такіе отличные рысаки, какіе были у Гогеля. Названный офицеръ былъ членомъ слѣдственной комиссіи, разбиравшей политическія дѣла. Комиссія эта помѣщалась въ казенномъ домѣ у Замковой горы, противъ каѳедральнаго костела. Арестованныхъ водили въ комиссію изъ военной тюрьмы, по аллеѣ, идущей около горы, и эта аллея называлась тогда аллеею вздоховъ. Пользуясь матеріаломъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, Гогель написалъ книгу подъ заглавіемъ „Іосифъ Огрызко", въ коей изобразилъ польскую интригу въ дѣлѣ возстанія и нарисовалъ типъ поляка на русской службѣ. Извѣстно, что Огрызко служилъ въ Министерствѣ Финансовъ и занималъ должность вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ. При означенномъ сочиненіи былъ приложенъ переводъ польскаго катехизиса, и Гогель увѣряетъ, что этотъ политическій катехизисъ поляки признавали равносильнымъ религіозному катехизису римско-католическому. Какъ извѣстно, Огрызко былъ судимъ, признанъ виновнымъ и былъ сосланъ въ каторжныя работы. Гогель недолго пользовался своимъ богатствомъ. Онъ заболѣлъ, продолжительное время лѣчился и умеръ. Со смертью его, богатство какъ-то растаяло, и оставшаяся вдова съ дѣтьми оказалась въ бѣдности. Съ изданіемъ названной политической брошюры объ Огрызкѣ администрація поступила какъ-то странно. Сперва книга была разрѣшена, потомъ запрещена, затѣмъ опять разрѣшена. Помню, что второе изданіе книги Гогеля лежало долгое время конфискованнымъ въ Губернскомъ Правленіи. Между тѣмъ, вдова издателя крайне нуждалась въ деньгахъ. Удалось ли ей продать второе изданіе, не знаю; но въ скоромъ времени вдова покинула Вильну и, какъ говорили, уѣхала въ Сибирь гувернанткою.

Одновременно съ Гогелемъ издалъ свое сочиненіе о мятежѣ

генералъ Ратчъ подъ заглавіемъ „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западной Россіи". Свое повѣствованіе авторъ началъ съ XI вѣка, пояснилъ происхожденіе литовскаго племени и дошелъ до 1863 года. Передъ этимъ годомъ происходили волненія въ Петербургскомъ университетѣ. Ратчъ обвинялъ поляковъ въ означенномъ волненіи, а Герцена, извѣстнаго литератора и политическаго дѣятеля, причисляетъ къ сообщникамъ поляковъ. Извѣстно, что престижъ Герцена сильно упалъ у русскихъ, какъ только обнаружилось сочувствіе его къ революціонной дѣятельности поляковъ.

Хотя жители города Вильны знаютъ русскій языкъ, но уклонялись въ то время на немъ говорить, а употребляли польскій языкъ. Шляхетство дѣлало это изъ патріотизма; евреи изъ желанія расположить къ себѣ помѣщиковъ. Доходило до того, что иногородніе православные священники, пріѣзжавшіе въ Вильну, говорили по-польски съ прислугою въ гостиницахъ. Вообще когда пріѣзжій русскій вступалъ въ разговоръ съ мѣстнымъ жителемъ, то всегда получалъ отвѣтъ на польскомъ языкѣ. Только тогда, когда туземецъ убѣждался, что прибывшій не знаетъ польскаго языка, виленецъ начиналъ говорить по-русски. Мой товарищъ по школѣ, полякъ, приглашая меня къ себѣ на свадьбу шаферомъ, предупредилъ меня, что его невѣста не говоритъ по-русски, тогда какъ оказалось, что невѣста прекрасно знаетъ русскій языкъ. Другое подобное же сообщеніе я слышалъ отъ нѣмки, братъ которой женился въ Прибалтійскомъ краѣ на молодой дѣвушкѣ православнаго исповѣданія. Нѣмка увѣряла меня, что невѣста не говоритъ по-русски. Въ то время издавалась въ Вильнѣ единственная русская газета „Виленскій Вѣстникъ", которая представляла мало интереса, вслѣдствіе цензурныхъ условій. Долгое время редакторомъ этой газеты былъ отставной капитанъ-лейтенантъ Поль. Это былъ заслуженный человѣкъ, твердыхъ убѣжденій, защитникъ Севастополя, съ Георгіевскимъ крестомъ. Какъ строга была цензура, доказываетъ слѣдующій случай. Одинъ мой знакомый составилъ курсъ ариѳметики, который, пройдя черезъ цензуру, былъ напечатанъ. Авторъ, разсматривая печатные листы, замѣтилъ нѣсколько ошибокъ и распорядился ихъ исправить на особомъ листкѣ. Листокъ былъ приложенъ къ книгѣ. Когда цензоръ увидалъ въ книгѣ одну страницу, непрошедшую черезъ цензуру, то арестовалъ все изданіе. Арестъ продолжался три дня; послѣ чего книга была допущена къ обращенію въ публикѣ. Такъ вотъ, съ такою-то цензурою приходилось ладить редактору газеты. Но кромѣ цензора,

надо было угодить попечителю учебнаго округа, дабы не появлялись статьи, противныя духу тогдашняго воспитанія. Иногда виленскій губернаторъ выражалъ неудовольствіе на содержаніе газеты. Наконецъ, надо было знать, какъ смотритъ начальникъ края на направленіе газеты и не зарождается ли у названной особы гнѣвнаго настроенія. Поль лавировалъ между опасностями и велъ газету долгое время. Будучи человѣкомъ разностороннимъ, Поль тогда проектировалъ особый приборъ для писанія; но проектъ его осуществленія не получилъ.

Я помню пріѣздъ въ Вильну братьевъ славянъ, ѣхавшихъ въ Москву на этнографическую выставку, въ 1868 году. Они у насъ были приняты съ большимъ радушіемъ. Особая депутація встрѣтила ихъ на вокзалѣ; для всѣхъ были приготовлены особыя помѣщенія; въ дворянскомъ клубѣ состоялся роскошный обѣдъ, за которомъ говорили рѣчи на разныхъ языкахъ. Во главѣ прибывшихъ были извѣстные ученые: Ригеръ и Палацкій. Въ маленькомъ кружкѣ разговаривающихъ гостей и хозяевъ случился курьезъ. Русскій докторъ, выражая пріѣзжимъ свои братственныя чувства, сдѣлалъ ошибку въ перечисленіи разныхъ славянскихъ народностей, упомянувъ между ними венгровъ. При этомъ словѣ слушающіе только переглянулись. Гости пробыли здѣсь короткое время, но успѣли кое-что осмотрѣть. Два священника, пріѣхавшіе на Антоколь, вошли въ Петропавловскій костелъ. Увидавъ прекрасныя лѣпныя украшенія въ храмѣ, посѣтители сказали: „вотъ іезуитское произведеніе". Одинъ изъ пріѣзжихъ, галичанинъ Главацкій перешелъ въ русское подданство, поступилъ на коронную службу и поселился въ Вильнѣ.—Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ не было въ Вильнѣ кредитныхъ учрежденій, кромѣ отдѣленія государственнаго банка. Не помню, въ которомъ году былъ основанъ земельный банкъ, организаторомъ котораго былъ чиновникъ Васильевъ, служившій въ отдѣленіи государственнаго банка. Одновременно съ земельнымъ банкомъ былъ основанъ коммерческій, имѣющій тѣсную связь съ первымъ. На земельный банкъ возлагалось тогда много надеждъ, которыя однако не сбылись; ссуды выдавались при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что послужили къ разоренію разныхъ лицъ. Даже сами поляки, въ интересахъ которыхъ было основано это кредитное учрежденіе, жалуются на земельный банкъ.

Не помню, когда было учреждено общество взаимнаго кредита (первое). Это общество организовалъ пріѣзжій русскій—очень способный человѣкъ, участвовавшій въ разныхъ коммер-

ческихъ предпріятіяхъ. Интересуясь новымъ обществомъ, я записался въ члены, сдѣлалъ условный взносъ, но никакихъ денегъ въ заемъ не бралъ. Былъ я на одномъ общемъ собраніи и удивился, съ какимъ согласіемъ подавали свои голоса евреи. Надо было выбрать кандидата на какую-то должность. На общемъ собраніи, насъ, христіанъ, было человѣкъ 20; евреевъ— вчетверо больше. Мы, христіане, подавали голоса за разныхъ лицъ, чуть не за 10 человѣкъ; евреи же, поголовно, какъ по командѣ, подали свои голоса за одно лицо. Такое соглашеніе меня очень удивило; тогда я еще не зналъ, какъ велика дисциплина у евреевъ. Первое виленское общество взаимнаго кредита потерпѣло крахъ, вслѣдствіе злоупотребленій. Привлечены были къ суду три директора и бухгалтеръ. Одинъ директоръ и бухгалтеръ понесли наказаніе, а 2 директора какимъ-то образомъ спаслись отъ судебной отвѣтственности и скрыли свое имущество. Крахъ былъ для всѣхъ такъ неожиданъ, что одинъ генералъ, за нѣсколько дней до катастрофы, внесъ въ общество что-то тысячъ двадцать. Разумѣется, большую часть взноса довѣрчивый человѣкъ потерялъ.

Наше правительство обращало особое вниманіе на состояніе русскаго театра въ Вильнѣ и отпускало на сей предметъ значительную сумму. Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ нашъ театръ процвѣталъ: на сценѣ были выдающіеся таланты; зрителей всегда было довольно, хотя польское общество сторонилось русскаго театра. Между артистами занималъ въ то время выдающееся положеніе полякъ Домбровскій. Русская публика всегда привѣтливо встрѣчала выходъ этого артиста. Въ январѣ 1871 г., когда справляли бенифисъ Домбровскаго, вниманіе публики не ограничилось поднесеніемъ обычнаго подарка, но и были написаны по сему случаю стихи, получившіе общую извѣстность въ то время. Вотъ текстъ этихъ стиховъ.

Прими сей скромный даръ не по
цѣнѣ—по чувству,
Съ которымъ онъ тебѣ предложенъ
отъ души;
То чувство: дань любви къ таланту
и искусству.
Ты съ гордостью его на сердцѣ запиши.
Ты многіе года стоишь главою сцены,
Какъ вѣрный жрецъ, храня любимый
храмъ;

Предъ нами каждый годъ мелькаютъ перемѣны.
Но ты неизмѣнимъ—на утѣшенье
намъ.
Не измѣни и впредь привѣтливому кругу,
Какъ былъ ты будешь здѣсь любимцемъ
завсегда.
И публикѣ скажи, какъ искреннему другу
Да.

Изъ числа моихъ знакомыхъ, бывшихъ педагоговъ, особенно симпатичны были два преподавателя: Пермскій и Полозовъ. Оба опп сердечно относились къ учащейся молодежи; были любимы ею, много трудились и не ограничивались одною классною дѣятельностью, и временами читали публичныя безплатныя лекціи. Пермскій жилъ одно время въ казенномъ домѣ и самую большую комнату занялъ своимъ кабинетомъ, въ коемъ производилъ химическія изслѣдованія. Огромный столъ былъ весь заставленъ банками, склянками, ретортами и другими предметами; словомъ, кабинетъ его представлялъ цѣлую лабораторію.

Пермскій занимался также въ музеѣ и составилъ его описаніе. Впослѣдствіи Пермскій переѣхалъ въ Петербургъ. О его трудахъ въ столицѣ я ничего не знаю; но я твердо увѣренъ, что и тамъ онъ продолжалъ учебныя занятія и былъ любимъ учениками. Большіе труды, при слабомъ здоровьѣ, свели его въ могилу. На Митрофаньевскомъ кладбищѣ красуется изящный бѣлый памятникъ на могилѣ Пермскаго, со знаменательною надписью: „Незабвенному учителю отъ друзей, товарищей и учениковъ". Не много людей, не имѣющихъ богатства и чины, заслужатъ послѣ смерти такую сердечную память отъ чужихъ лицъ. Что касается Полозова, то бывшіе ученики и почитатели его трудовъ собрали денежный капиталъ, на который учредили стипендію въ Виленскомъ реальномъ училищѣ въ память дорогого педагога.

Въ Вильнѣ, какъ въ центрѣ гражданскаго и военнаго управленія, служитъ много чиновниковъ, большинство коихъ получаетъ скудное содержаніе. Неудивительно, что многіе прибѣгаютъ къ денежнымъ займамъ. Помню, мой пріятель, молодой человѣкъ, нуждаясь въ деньгахъ, обратился къ еврейкѣ дать ему на короткое время 50 руб. Та согласилась и принесла ему на квартиру деньги. Случилось мнѣ быть въ это время у моего пріятеля. Пришедшая женщина держала въ рукахъ 100 руб.—

кредитный билетъ и вексельный бланкъ. Оказалось, что 50 руб. опа дать не согласна, а предлагала взять 100 руб., но на этотъ разъ заемъ не состоялся. Не такъ легко отдѣлался отъ займа другой мой пріятель, педагогъ. Онъ имѣлъ неосторожность занять подъ вексель деньги и не могъ въ срокъ уплатить. Произошло горячее объясненіе, и учитель нанесъ оскорбленіе кредитору, должно быть, его ударилъ. Пострадавшій жаловался, и судъ приговорилъ учителя къ аресту. Идти подъ арестъ показалось моему знакомому унизительнымъ, и онъ помирился съ обиженнымъ, заплативъ деньги за оскорбленіе. Прошло нѣкоторое время, опять учитель вгорячахъ побилъ еврея и опять былъ приговоренъ къ аресту. На этотъ разъ приняли участіе въ горячемъ человѣкѣ его друзья и уговорили его сѣсть подъ арестъ, но не платить снова деньги за обиду. Было лѣто, классныхъ занятій нигдѣ не было, такъ что отбыть арестъ было легко. Помню, что въ то время, по случаю ремонта, войсковой караулъ помѣщался въ пустой казармѣ. Вотъ въ эту-то казарму и сѣлъ мой пріятель. Узнавъ объ этомъ приключеніи, я пришелъ въ казарму навѣстить арестованнаго. Когда мы сидѣли и бесѣдовали, неожиданно появился въ комнатѣ еврей-кредиторъ, и льстивымъ и униженнымъ голосомъ началъ высказывать свое сожалѣніе о случившемся. Учитель вскипѣлъ негодованіемъ и чуть было снова не поколотилъ вошедшаго. Не получая долга, еврей представилъ векселя ко взысканію. Начался вычетъ изъ жалованія. Жить на уменьшенное жалованье, и при томъ женатому человѣку, не представлялось возможнымъ. Учитель вышелъ въ отставку. Продали его движимое имущество, но долга не покрыли. Тогда мой пріятель взялъ мѣсто въ глуши, въ Пермской губерніи, куда потихоньку и уѣхалъ. Въ Вильнѣ осталась его жена, которая черезъ нѣкоторое время уѣхала къ мужу. Какъ ни скрывали, какъ ни хитрили мои знакомые, однако кредиторъ узналъ мѣсто ихъ пребыванія и направилъ туда свое взысканіе. Чѣмъ дѣло кончилось, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Другой солидный чиновникъ признался мнѣ, что одинъ бойкій еврей, имѣвшій постоянныя дѣла въ ихъ вѣдомствѣ, предложилъ ему сдѣлать въ служебной бумагѣ подлогъ за вознагражденіе въ 800 рублей. Чиновникъ пришелъ въ ужасъ отъ подобнаго предложенія и указалъ еврею, что за подобное преступленіе ссылаютъ въ Сибирь. Еврей возразилъ, что подлогъ можно скрыть и никто не узнаетъ про фальшь. Такъ они и разошлись. Впослѣдствіи этотъ честный служака окончилъ жизнь самоубійствомъ. Такія испытанія

трудно переносить молодымъ неопытнымъ людямъ. Былъ подобный другой случай. Пріѣхалъ въ городъ на службу молодой архитекторъ. Извѣстно, какъ мало казенное содержаніе. Привилигированный подрядчикъ вѣдомства, куда поступилъ молодой человѣкъ, познакомился со вновь пріѣзжимъ и въ разговорѣ сдѣлалъ наглое предложеніе: получать другое жалованье отъ него, подрядчика. Подобная дерзкая выходка, обидѣвшая архитектора, была конечно отвергнута. Должно быть предстоящія занятія не понравились вновь пріѣзжему, и онъ перешелъ на службу въ контрольную палату, куда охотно принимали образованныхъ людей. Тамъ онъ и оставался до конца жизни.

Лица, служащія въ канцеляріи генералъ-губернатора, пользуются особою привилегіею. Въ вѣдѣніи этихъ лицъ находится дворцовое имущество, состоящее изъ домовъ и земель. Вѣроятно, изъ доходовъ этого имущества идутъ наградныя деньги служащимъ. Случилось мнѣ однажды встрѣтиться съ чиновникомъ. Этотъ господинъ разсказывалъ про обнаруженную имъ передачу содержанія секретной бумаги и что онъ подвергнулъ аресту причастное къ этому дѣлу постороннее лицо. Тогда были уже введены новые судебные уставы, почему я и спросилъ чиновника: развѣ можно лишать свободы человѣка, безъ суда и слѣдствія. Вопрошаемый мнѣ возразилъ, что не всѣ поступки могутъ быть преслѣдуемы закономъ, что встрѣчаются такія дѣла, которыя не поддаются карѣ закона, и что въ такихъ случаяхъ достаточно нравственнаго убѣжденія въ виновности, дабы посадить подозрѣваемаго въ тюрьму. Тогда я подумалъ, что бы ты заговорилъ, если бы тебя самого посадили въ тюрьму по нравственному убѣжденію.

Не всѣ чиновники ограничиваютъ свою дѣятельность писаніемъ бумагъ, веденіемъ разныхъ книгъ и составленіемъ вѣдомостей. Встрѣчаются лица, коихъ труды имѣютъ ученый характеръ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Г., усердно занимался порученнымъ ему дѣломъ и былъ оцѣненъ своимъ начальствомъ, по представленію котораго онъ получилъ орденъ Св. Станислава въ петлицу. Не гоняясь за наградою, Г. не пошелъ благодарить начальника за это украшеніе. Вскорѣ послѣ того, этому труженику пришлось быть съ личнымъ докладомъ у своего начальника. Этотъ послѣдній, не видя ордена на подчиненномъ, сказалъ ему: „вы, кажется, получили какой-то орденъ“? Спрошенный вспомнилъ о наградѣ, зналъ, что пожалованный орденъ носилъ какое-то польское имя, отвѣчалъ: да, Ваше Превосхо-

дительство, имѣю орденъ Св. Сигизмунда. Подобный отвѣтъ былъ очень непріятенъ начальнику, большому формалисту. Прошло не много времени, какъ Г. оставилъ Вильну и перешелъ на службу въ Петербургъ.

Служба чиновниковъ въ Западномъ краѣ поощрялась награжденіемъ конфискованными имѣніями, которыя чиновники могли покупать по дешевой цѣнѣ съ разсрочкою уплаты денегъ на 20 и болѣе лѣтъ. Подобная привилегія не касалась лицъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ. Кромѣ конфискованныхъ имѣній, поступали въ продажу имѣнія польскихъ помѣщиковъ, коихъ правительство обязано продавать земли рускимъ людямъ. Впослѣдствіи означенный суровый законъ былъ отмѣненъ. Для покупки имѣнія надо было имѣть разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора. Выдачею подобныхъ разрѣшеній завѣдывалъ важный чиновникъ. Въ то время можно было купить землю, не имѣя вовсе денегъ, если въ имѣніи былъ лѣсъ. Для такой операціи надо было войти въ соглашеніе съ евреемъ, занимавшимся лѣсною торговлею. Заручившись нужнымъ документомъ, еврей давалъ заимообразно деньги для первыхъ уплатъ. Когда купчая на землю была совершена, тогда новый помѣщикъ продавалъ лѣсъ на срубъ и такимъ образомъ освобождался отъ долга. Конечно, съ потерею лѣса, имѣніе обезцѣнивалось. Что евреи вообще зорко слѣдили за продажею лѣса, я убѣдился изъ случайнаго знакомства. Мнѣ пришлось какъ-то ѣхать въ одномъ вагонѣ съ лѣсопромышленникомъ, старикомъ лѣтъ семидесяти. Спутникъ увѣрялъ меня, что одно время онъ имѣлъ на каждой станціи своего агента по продажѣ лѣса и что онъ зналъ о всякой лѣсной продажѣ въ цѣлой губерніи. Этотъ промышленникъ имѣлъ при жизни многочисленное потомство и считалъ у себя 12 взрослыхъ внуковъ. Желая провѣрить слова еврея, я спросилъ его о продажѣ въ одномъ уѣздѣ извѣстнаго мнѣ земельнаго участка. Оказалось, что мой собесѣдникъ зналъ объ этой операціи.—Поощренія чиновниковъ продажею имъ земель иногда оказывались очень щедрыми. Одинъ жандармскій офицеръ купилъ за 5 тысячъ конфискованное имѣніе съ разсрочкою уплаты лѣтъ на 20. Года черезъ два, этотъ офицеръ продалъ въ казну часть пріобрѣтенной земли за 30 тысячъ рублей. Служба этого офицера была хорошо вознаграждена! Покупка имѣнія русскими людьми, безъ пособія правительства, была сопряжена съ большими неудобствами. Одинъ мой знакомый, проживавшій въ Вильнѣ и имѣвшій небольшой свободный капиталъ, задумалъ купить

имѣніе, которое могъ бы оставить своимъ дѣтямъ. Скоро былъ найденъ факторъ, выразившій готовность устроить покупку, при соблюденіи строгой тайны. Мой знакомый согласился и скрывалъ отъ всѣхъ затѣянное дѣло. Имѣніе было указано въ Могилевской губерніи, значительно запущенное, но имѣвшее хорошій барскій домъ. Покупщикъ осмотрѣлъ землю, купилъ за условную сумму и переселился туда со своею семьею. Года два спустя, мнѣ случилось быть въ этомъ имѣніи. Хозяйка мнѣ призналась, что дѣло вести очень трудно и что она едва-едва сводитъ концы съ концами. При отъѣздѣ моемъ въ Вильну, новый помѣщикъ просилъ меня навести какую-то справку у названнаго фактора. Когда я отыскалъ въ Вильнѣ этого еврея, то съ первыхъ словъ я услышалъ изъ устъ плутоватаго фактора слова сожалѣнія о сдѣланной покупкѣ и о тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказался покупщикъ. Я не подавалъ вида, что знаю виновника втянувшаго русскаго человѣка въ невыгодную сдѣлку. Черезъ нѣсколько лѣтъ новый помѣщикъ вынужденъ былъ продать часть земли мѣстнымъ крестьянамъ, чтобы поправить свое хозяйство.

Скажу нѣсколько словъ про врачей. Медицинская наука весьма обширна, и обладатели ея приносятъ огромную пользу человѣчеству: каждый докторъ, врачуя человѣческое тѣло, можетъ сдѣлать добро, неоцѣнимое на деньги. И наоборотъ, каждый врачъ можетъ причинить вредъ, который нельзя исправить деньгами. Поэтому нравственныя качества врача имѣютъ особо важное значеніе въ жизни. Есть врачи, не занимающіеся практикой и не стремящіеся нажить себѣ капитала, такіе люди трудятся на общественное благо и приносятъ огромную пользу населенію. У меня былъ большой кругъ знакомства среди докторовъ, и я узналъ бытъ медицинскаго міра. Въ средѣ практическихъ врачей соперничество развито весьма сильно и порою доходитъ до вражды. Одинъ докторъ говорилъ мнѣ про своего врага, который, прибывъ къ его паціенту, тотчасъ же отбрасывалъ всѣ имѣющія лѣкарства и прописывалъ особыя. Конечно, эти новыя средства, по существу, оставались тѣми же самыми, но имѣли другой видъ. Называли одного врача, который, прописывая лѣкарства, всегда указывалъ аптеку, откуда надо ихъ брать. Однажды, войдя къ своему паціенту, этотъ врачъ замѣтилъ лѣкарства изъ другой аптеки. Не обнаруживая своей примѣты, онъ обратился къ больному и изслѣдовалъ его организмъ. Не признавая нужнаго улучшенія, врачъ выразилъ удивленіе въ бездѣйствіи лѣкарства. Затѣмъ взявъ

сигнатурку и прочитавъ названіе аптеки, онъ торжественно заявлялъ, что лѣкарство потому худо дѣйствовало, что заготовлено не въ указанной аптекѣ. А часто лѣкарства бываютъ очень дорогія: одинъ докторъ мнѣ называлъ своего паціента, которому онъ прописывалъ пилюли изъ золота вмѣсто пилюль меркуріальныхъ. Различіе въ воззрѣніяхъ врачей на способы лѣченія происходитъ отъ несовершенства медицинской науки, и тутъ врачей винить нельзя. Одинъ мой знакомый собирался ѣхать лѣчиться на минеральныя воды. Здѣшніе врачи выступили противъ этой поѣздки и высказали грозную филиппику противъ врачей минеральныхъ водъ. А когда больной пріѣхалъ на воды, тамошніе доктора жестоко бранили нашихъ докторовъ, утверждая, что эти послѣдніе не имѣютъ понятія о тамошнихъ средствахъ и объ условіяхъ лѣченія на минеральныхъ водахъ.

Для пріобрѣтенія званія врача каждый молодой человѣкъ проходитъ огромный курсъ наукъ. Хотя съ годами пріобрѣтается опытъ, но за то теряются теоретическія познанія. До какой степени доходитъ эта потеря, могутъ показать сужденія одного кавказскаго врача. Шла рѣчь объ условіяхъ сохраненія здоровья солдата во время похода. Возникъ вопросъ: какъ снабжать солдата чистымъ бѣльемъ, гдѣ сушить выстиранное бѣлье. На этотъ вопросъ названный врачъ отвѣтилъ: мокрое бѣлье солдатъ долженъ сушить на своемъ тѣлѣ. Такой неожиданный отвѣтъ меня очень удивилъ, тѣмъ болѣе, что врачъ занималъ высокое положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Вѣроятно, подобныя сужденія появлялись только на Кавказѣ, гдѣ доктора находили же возможнымъ прививать сифилисъ здоровымъ солдатамъ съ научною цѣлію. По моему мнѣнію, подобныя прививки граничатъ съ преступленіемъ.

Вспоминая знакомыхъ врачей, я долженъ назвать Бравчинскаго и Соколова, какъ прекрасныхъ людей, обладавшихъ высокими нравственными качествами. Эти дѣятели были чужды наживѣ и оказывали медицинскую помощь по чувству гуманности. Какъ жаль, что оба они покинули земную жизнь раньше времени.

Въ общественной жизни иногда встрѣчаются непримиримыя противорѣчія, особенно часто они бываютъ, когда рѣшаются вопросы медицинскіе или техническіе. Разскажу про два случая. Помню, какъ городская санитарная комиссія, подъ предсѣдательствомъ доктора Радушкевича, выбирала лучшее мѣсто для купанія въ рѣкѣ и указала правый берегъ р. Виліи, у перевоза.

Этотъ берегъ принадлежитъ казнѣ, и здѣсь постоянно устанавливались общественныя купальни, коими и пользовались городскіе жители. Прошли годы. Въ настоящее время мнѣніе той же санитарной комиссіи по сему предмету измѣнилось, и то мѣсто, которое прежде было ею указано какъ наилучшее, теперь признано было вреднымъ и было запрещено устанавливать купальни у казеннаго берега. Такое противорѣчіе въ сужденіи не объяснимо, такъ какъ въ рѣкѣ Виліи никакихъ перемѣнъ не произошло.

Подобная же перемѣна произошла въ сужденіяхъ о прочности бывшаго на рѣкѣ Виліи деревяннаго моста, называвшагося Зеленымъ. Надо сказать, что этотъ мостъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе начальства каждый разъ, когда ожидался пріѣздъ Государя въ Вильну. Въ каждый пріѣздъ царь дѣлалъ смотръ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ, а потому Государю приходилось переѣзжать по Зеленому мосту. Въ какой-то годъ, не помню, инженеры и архитекторы осматривали мостъ и признали его совершенно негоднымъ, потому рѣшили къ царскому пріѣзду выстроить другой мостъ, плавучій. Это рѣшеніе было приведено въ исполненіе: построили плавучій мостъ изъ бревенъ, а проѣздъ экипажей по существующему деревянному мосту закрыли. Къ концу лѣта прибылъ въ Вильну новый инженеръ, который не согласился съ мнѣніемъ комиссіи о чрезвычайной опасности Зеленаго моста и нашелъ возможнымъ ремонтировать это старое сооруженіе. Поставивъ подъ мостъ разныя балки и брусья, сдѣлавъ другую настилку досокъ, новый инженеръ открылъ для движенія экипажей старый мостъ. Вотъ какія бываютъ разногласія во мнѣніяхъ присяжныхъ техниковъ! Съ возобновленіемъ стараго моста плавучій мостъ оказался лишнимъ, а какъ наступало зимнее время, то эту плавучую постройку надо было разобрать. Но изъ экономіи нужной разборки не сдѣлали, и новый мостъ разбило и разнесло текучею водою.

Возвращаясь къ Зеленому мосту, надо сказать, что этотъ мостъ, построенный изъ дерева, причинялъ много хлопотъ инженерамъ. Мостъ ветшаетъ и нужно его возобновить: требуется отпускъ денегъ. По закону, на каждую строительную работу необходимо предварительно составить смѣту. Чтобы удовлетворить это требованіе, надо подробно осмотрѣть скрытыя части возобновляемаго сооруженія, чего нельзя исполнить безъ разборки моста. А по мосту постоянно идетъ движеніе. Обращались къ губернатору Стеблинъ-Каменскому съ просьбою разрѣшить начать ремонтировать мостъ безъ предварительной смѣты, то получили отказъ, въ виду имѣющагося закона. Тогда архи-

текторъ составилъ смѣту на разборку и постройку вновь одной половины моста. Губернаторъ далъ разрѣшеніе, и мостъ былъ перестроенъ. По окончаніи работы, послѣдовалъ доносъ на злоупотребленія, при чемъ доносители были плотники, участвовавшіе въ перестройкѣ моста. Но обнаружить злоупотребленія было весьма трудно, потому что смѣта была составлена приблизительно и при выполненіи дѣла были сдѣланы значительныя перемѣны, однѣ части моста, предназначенныя къ замѣнѣ новыми и оказавшіяся хорошими, остались на своихъ мѣстахъ, другія же части, вовсе не вошедшія въ смѣту и оказавшіяся при разборкѣ гнилыми, были замѣнены новыми. Такимъ образомъ полное и точное описаніе исполненныхъ работъ могло значиться въ техническомъ отчетѣ. А этотъ отчетъ не былъ еще составленъ. Очевидно, что плотники не могли доказать сдѣланныхъ злоупотребленій. Поэтому назначенная генералъ-губернаторомъ комиссія для разборки сего дѣла никакихъ злоупотребленій не открыла.

Другая рѣка Вилейка причинила городу гораздо больше хлопотъ, чѣмъ Вилія: въ низменной части Зарѣчья, въ Сафьяникахъ, Вилейка производила ежегодныя наводненія, такъ что значительное число семействъ было выселено изъ Сафьяникъ. Подобно горнымъ рѣкамъ, Вилейка отличается непостоянствомъ дна, вызываетъ засореніе русла, обрываетъ берега, дѣлаетъ ледяные зажоры. Часть праваго берега этой рѣки у лѣтняго помѣщенія дворянскаго клуба была укрѣплена каменною стѣною, еще въ 1865 году, и эта стѣна стояла лѣтъ десять, а затѣмъ была подмыта водою. Для устраненія періодическихъ наводненій, уширили почти вдвое русло рѣки противъ Пречистенскаго собора въ 1881 году и построили гранитную набережную на лѣвомъ берегу. При обсужденіи проекта этой набережной, православное духовенство высказывало опасеніе за цѣлость собора отъ потрясеній грунта, при забивкѣ свай тяжелыми бабами. Однако подобныя опасенія оказались напрасными: на стѣны собора никакого вліянія не оказали тяжелые удары нѣсколькихъ копровъ. Помню я, какъ пробовали укрѣплять правый берегъ Вилейки, противъ Бернардинскаго сада, особыми выступающими въ рѣку ивовыми загражденіями, но таковыя держались не долго и были смыты водою, такъ что отъ нихъ не осталось и слѣда.

Инженеры и архитекторы, состоящіе на казенной службѣ, получали вообще малое жалованье, что и побуждало ихъ принимать на себя веденіе частныхъ работъ. При большихъ заня-

тіяхъ, они не успѣвали имѣть вездѣ должный надзоръ. Былъ такой случай. На Большой улицѣ перестраивался домъ вблизи собора. Работы велъ какой-то нѣмецъ, каменщикъ. При возведеніи новой лѣстницы, мастеровые повели сводъ безъ должной предосторожности: сводъ обрушился и задавилъ человѣка. Стали искать виновнаго. Мастеръ каменнаго дѣла, виновный въ недосмотрѣ, бѣжалъ, какъ говорятъ, за границу. Другихъ виновныхъ не нашлось, и подобное упущеніе осталось безнаказаннымъ. Другой случай. Въ казенномъ зданіи устраивали домашнюю церковь. Возвели уже потолокъ, очень красивый, какъ замѣтили, что потолочныя балки прогибаются и грозятъ обрушеніемъ. Составили комиссію, которая обнаружила, что балки были положены тонкія, а не толстыя, какъ значилось въ смѣтѣ. Пришлось измѣнить проектъ и поставить дополнительныя подпоры. Конечно, послѣ сдѣланныхъ добавленій, церковь уже не стала такою красивою, какъ предполагалось первоначально. Помню еще случай обрушенія въ казенной обозной мастерской на Антоколѣ большого деревяннаго сарая, только-что возведеннаго. Подулъ сильный вѣтеръ, и сарай повалило на землю. Къ счастію, никто изъ людей при этомъ не пострадалъ. Оказалось, что деревянные столбы вовсе не были врыты въ землю. Съ постройкою Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, центральное управленіе коихъ было помѣщено въ Вильнѣ, въ нашемъ городѣ увеличилось число инженеровъ. А какъ въ техникѣ вообще и въ строительномъ дѣлѣ въ частности появилось много разныхъ нововведеній и изобрѣтеній, то обнаружилась потребность въ обмѣнѣ сужденій по разнымъ предметамъ. Для удовлетворенія этой потребности образовался кружокъ изъ инженеровъ и архитекторовъ. Собранія кружка были разъ въ недѣлю по вечерамъ. Тамъ разсматривались чертежи разныхъ сооруженій, исполненныхъ и проектируемыхъ. Помню интересное сообщеніе о выстроенной въ Минскѣ пекарнѣ и мукомольнѣ, гдѣ были установлены паровые котлы новой системы. Такъ какъ въ то время нефть получила обширное примѣненіе на югѣ Россіи къ отопленію пароходовъ и паровозовъ, то въ кружкѣ былъ сдѣланъ докладъ о нефтяномъ и керосиновомъ производствѣ. Этотъ докладъ былъ своевременно напечатанъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ. Возникшій въ городскомъ управленіи вопросъ объ употребленіи высушеннаго торфа при очисткѣ отхожихъ мѣстъ служилъ предметомъ обсужденія въ кружкѣ и вызвалъ продолжительныя пренія. Такъ какъ употребленіе новаго средства возбуждало сомнѣніе въ его безвредности, то

были приглашены врачи къ участію въ дебатахъ. Одинъ инженеръ написалъ даже письмо въ Берлинъ къ доктору Коху съ вопросомъ по сему предмету. Знаменитый нѣмецкій ученый отвѣтилъ, что торфъ не можетъ служить дезинфицерующимъ средствомъ. Нѣсколько вечеровъ въ кружкѣ было посвящено обсужденію употребленія торфа при очисткѣ, много было высказано мнѣній въ пользу и противъ этого нововведенія, и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Обширный протоколъ по сему предмету былъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ газетѣ Военно-Санитарное Дѣло. Организаторомъ означенныхъ бесѣдъ былъ инженеръ Бѣльцовъ, съ выбытіемъ котораго изъ Вильны кружокъ прекратилъ свое существованіе. Бѣльцовъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ людей, высокой честности, обладавшій добрымъ сердцемъ.

Въ половинѣ 60-хъ годовъ было установлено въ Россіи единство кассы и были введены новыя правила расходованія казенныхъ денежныхъ суммъ. На первыхъ порахъ произошло столкновеніе генерала-губернатора Кауфмана съ контрольною палатою. По кассовымъ правиламъ, чиновникъ, получившій авансомъ деньги, можетъ получить второй разъ деньги на ту же потребность не ранѣе, какъ по представленіи отчета въ израсходованіи перваго аванса. Генералъ-губернаторъ командировалъ куда-то чиновника; для сей поѣздки чиновнику были отпущены авансомъ деньги. Затѣмъ тотъ же чиновникъ получилъ вторичную командировку, почему и потребовалъ себѣ другія деньги на эту новую поѣздку. Такъ какъ отчетъ въ израсходованіи перваго аванса не былъ представленъ, то контрольная палата отказала въ выдачѣ вторыхъ денегъ. Дошло дѣло до генералъ-губернатора. Кауфманъ приказывалъ выдать деньги. Гюббенетъ, управляющій палатою, отказалъ въ выдачѣ, ссылаясь на законъ. Генералъ-губернаторъ разсердился, вызвалъ къ себѣ управляющаго и грозилъ ему высылкою изъ края. Какъ окончилось это столкновеніе, не знаю; но Гюббенетъ остался на своемъ мѣстѣ. Впослѣдствіи Гюббенетъ былъ министромъ путей сообщенія.

Алексѣй Гене.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6-го по 27-е марта 1914 г.

Аѳанасьевъ, А. Н. Русскія народныя сказки. Т. IV и V. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Съ картинами И. М. Орлова и А. Комарова (въ 5-ти томахъ. М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 8° (19 × 27). 288 + 11 + 276 стр. съ рис. по 1 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 23 л. по 5.000 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи. Вып. II-й. Спб. 1914. Изд. издат. Шиповникъ. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10), 4° (24 × 30). 96 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 7.300 экз.

Біографическій очеркъ Генералъ-Фельдмаршала Свѣтлѣйшаго Князя Петра Михайловича Волконскаго (1776—1852). Спб. 1914. Тип. А. Ф. Штольценбурга (Моховая, 37), 8° (17 × 26). 136 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 350 экз.

Бородкинъ, М. Вѣнчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 116 стр. Вѣсъ 10 л. 400 экз.

Бѣлинскій. Письма. Томъ III. (1873—1848). Редакція и примѣчанія Е. А. Ляцкаго. Спб. 1914. Изд. Огни (Фонтанка, 38). Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 5 л., 28). 8° (16 × 24). 476 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 3.500 экз.

Верещагинъ, В. А. Русская и иностранная книга. XV—XIX вѣка. Спб. 1914. Изд. Кружка Любителей изящныхъ изданій. Тип. Тов. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (17 × 24). 129 стр. съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 600 экз.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ V-й. Подъ ред. Б. А. Лезина I. Теорія творчество. II. Миѳотворчество. Харьковъ. 1913 Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 566 + XVI стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 5.000 экз.

Воронежская старина. Выпускъ 12-й. Воронежъ, 1914. Изд. Воронеж. Церковнаго Историко-Археолоч. Комитета. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К° (Б. Двор. д. Сомова). 8° (17 × 26). 532 + 4 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 800 экз.

Врангель, Г. В. Бар. Балтійскіе офицеры въ походѣ 1812 года. Ревель. 1913. Изд. Ф. Клуге. Тип. Ревельскій Наблюдатель. 8° (14 × 21). 70 стр. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Глинка (Библіографія. Харьковъ. 1914). Тип. М. Дрейшпуль и с-вей (Плетневскій пер., 14). 8° (12 × 25). 8 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Годуновъ, В. И. Памятка Енисейца (94-го пѣх. Енисейскаго полка). Къ 100-лѣтнему юбилею. Ревель. 1913. Тип. Миквицъ. 8° (17 × 24) 48 стр. Съ рис. портр. + 7 лист. портр. Вѣсъ 10 л. 2.800 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія русскаго искусства. Вып. 21 и 22 Спб. 1914. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 313—534 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 ф. 4 л. по 15.000 экз.

Грабарь, Игорь. Русскіе художники. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. 3. Валентинъ Александровичъ Сѣровъ, жизнь и творчество. Спб. 1914. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×32). 299 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 ф. 16 л. 18.000 экз.

Дульскій, П. М. Памятники Казанской старины. Казань. 1914 Изд. С. В. Соломина (Проломная, с. д.) Тип. Центральная (Домбровская). 8° (15×23). 231 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 1.040 экз.

Дунаевъ, Б. И. Сѣверно-русское Гражданское и Церковное Зодчество. Городъ Вологда (Отд. от. изъ Трудовъ по сохран. древн. памятниковъ. Т. V). М. 1914. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 3° (26×34). 33 стр. + IX—XVIII лист. рис. Вѣсъ 26 л. 500 экз.

Идея католичества въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. Религіозно-философская библіотека. Вып. XXXV. М. Сергіевъ посадъ. 1914. Тип. И. Иванова. 16° (12×18). 45 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 2.400 экз.

Каталогъ библіотеки покойнаго редактора „Новаго Времени“ Ѳ. И. Булгакова, состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ: Беллетристика; Исторія; Литература; Общая Исторія; Русская Литература; Искусство и Театръ; Справочныя изданія и проч. Спб. 1914. Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофскій, 87). 8° (16×23). 72 стр. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Кранихфельдъ, Вл. Т. Г. Шевченко пѣвецъ Украйны. Критико-біографическій очеркъ. Библіотека нашихъ читателей. Спб. 1914. Изд. Книгоизд. Жизнь и знаніе (Фонтанка, 38), 3-е. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (12×19). 104 + 32 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 6.200 экз.

Охотинъ, И. К. Краткій очеркъ дѣятельности Каргопольскаго уѣзднаго земства за время существованія 1867—1913 г. г. Вологда 1914. Тип. Н-въ Гудкова-Бѣлякова. 8° (17×25). 103 стр. Вѣсъ 10 л. 1.000 экз.

Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808 г. г.). (По архивнымъ даннымъ). Полтава. 1913. Изд. Полтав. Ученой Архивной Комиссіи. Тип. Т-ва Печатнаго Дѣла. 8° (17×25). 8 + 131 стр. Съ рис. Вѣсъ 19 л. 1.100 экз.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1914 годъ. Съ приложеніемъ адресъ-календаря губерніи. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Губерн. Статистическ. Комитета. Тип. Губ. Правленія (Соф. пл., зд. Присутст. мѣстъ). 8° (15×23). 96 + XXI + 296 + 295 + 74 + 13 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 2.000 экз.

Петровскій, Д. Врачебная старина и быть врачей временъ перваго государя изъ дома Романовыхъ царя Михаила Ѳеодоровича. Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (17×25). XXIX + 82 стр. Вѣсъ 12 л. 200 экз.

Потебня, Ал. Аф. І. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія съ дополненіемъ изъ черновыхъ рукописей „О Задонщинѣ“ Харьковъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17×25). 238 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 26 л. 200 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Общій курсъ русской литературы. Листы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15. Высшіе женскіе курсы. Спб.

1914. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 4° (19 × 30). 222 стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 200 экз.

150 лѣтъ Никольско-Бахметевскаго хрустальнаго завода князя А. Д. Оболенскаго. Описаніе исторіи завода и краткій очеркъ о развитіи стекольнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1914. Изд. Постояннаго бюро съѣздовъ стеклозаводчиковъ. Тип. Спріусъ (Рыночная, 10). 4° (24 × 30). LII+258 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 ф. 15 л. 1.000 экз.

Твердохлѣбовъ, А. Д. Ахтырскій уѣздъ наканунѣ XIX вѣка. (Матеріалы для исторіи Ахтырщины). Харьковъ. 1913. Тип. Печатное дѣло (Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 25). 35 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. проф. Ѳ. К. Волкова, М. С. Грушевскаго, М. М. Ковалевскаго, Ѳ. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго и А. А. Шахматова. Томъ I. Спб. 1914. Изд. М. А. Славинскаго (Моховая, 37). Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (19 × 23). 360 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 3.500 экз.

Филипповъ, Гурій. Мордва—христіане. Изъ жизни села „Мордовскіе Каратаи" и деревни „Менситово" Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи. (Историко-этнографическій очеркъ). Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24). 10 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Чуковскій, К. Книга о современныхъ писателяхъ. Исправленное изданіе „Критическихъ разсказовъ". Спб. 1914. Изд. Издат. Шиповникъ (Николаевская, 31). Тип. бр. В. и И. Линникъ (Гончарная, 7). 8° (16 × 22). 236 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 1.600 экз.

Шалыгинъ, А. Дополнительный курсъ теоріи словесности. Очерки и разборы произведеній всемірной литературы. Спб. 1914. Изд. 2-е. Тип. А. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8° (16 × 24). IV + 392 стр. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Авраменко, И. Историческій очеркъ Золотоношскаго Красногорскаго Богословскаго женскаго монастыря Полтавской епархіи. Полтава. 1914. Тип. Г. И. Маркевича. 8° (17 × 25). 172 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 20 л. 1.000 экз.

Автономовъ, Н. Страничка изъ исторіи библіотеки Нѣжинскаго Александровскаго греческаго училища и института кн. Безбородко. Нѣжинъ. 1913. Тип. Наслѣдн. В. К. Меленевскаго. 8°. (18 × 27). 25 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Блиновъ, Н. Н. Земство за полвѣка. 1864—1914 г. Сарапуль. 1914. Тип. Н. Я. Улыбина. 8° (15 × 22). 27 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Бурцевъ, А. Е. Мой журналъ для немногихъ. Вып. 9. А. Ф. Афанасьевъ и его художественное творчество. Спб. 1914. Тип. Р. Вейерманъ и К° (Благовѣщенская пл., 3), 4° (23 × 25). 43 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 125 экз.

Временникъ Пушкинскаго Дома. Спб. 1914. Тип. А. Дресслера (Б. Подъяческая 8° 22). (18 × 26). XVII + 77 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 650 экз.

Григоровичъ, А. Историческій очеркъ Финляндскаго драгунскаго полка 1806—1860 гг. Спб. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (27 × 37). VIII + 69 + III. стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 150 экз.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. 23. Вып. 2-й. Подъ ред. В. К. Трутовскаго. М. 1914.

Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (28×36). IV+450 стр съ рис.+1 листъ рис. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 625 экз.

Древняя русская словесность. Лекціи. Кіевъ. 1914. Изд. Слуш. Кіевск Высш. Женск. Курс. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8° (18 × 28). 176 стр. Вѣсъ 29 л. 300 экз.

Записки классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ VIII. Спб. 1914. Изд. Имп. Русск. Археол. Общ. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 4° (20 × 28). VII + II + 363 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 525 экз.

Ильинскій, В. П. Адмиралъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ въ Средиземномъ морѣ (1799 г.). Изд. Ком. по завѣдыв. капиталомъ имени гр. С. А. Строганова. Тип. т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (18 × 26). 63 стр. Съ рис. Вѣсъ 19 л. 3.000 экз.

Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи. Редакція проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1914. Изд. гр. М. Н. Толстой. Тип. А. Р. Дресслера (Б. Подъяческая, 22). 8° (16×21) XIV+133 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 17 л. 1.500 экз.

Кіево-Печерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1914. Тип. Кіево-Печерской Успенской Лавры. 8° (15×22). 154+XV стр. Вѣсъ 14 л. 1.500 экз.

Князевъ, А. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ первый русскій естествоиспытатель. Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15×23). 110 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 13 л. 1.200 экз.

Котовичъ, А. Къ судьбѣ проекта духовно-судебной реформы въ 70-е годы. Спб. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8° (17 × 24). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Кубаловъ, Б. Систематическій курсъ русской исторіи. Часть I. Иркутскъ. 1914. Тип. Макушина и Посохина. 8° (16 × 24). 169 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 18 л. 1.000 экз.

Методологія исторіи. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. Высшихъ Жен. Курсовъ. Тип. Трудъ, М. В Елькина (Караваевская, 4). 8° (19×29). 118 стр. Вѣсъ 21 л. 150 экз.

Миндалевъ, П. Моленіе Даніила Заточника и связанные съ нимъ памятники. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. Казань. 1914. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 346 + XXX стр. Вѣсъ 30 л. 500 экз.

Общій курсъ русской литературы. Листы: 16—32. Спб. 1914. Тип. Богданова (Эртелевъ, 7). 4° (18 × 30). 239—510 стр. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 200 экз.

Общій курсъ русской литературы. Листы: 34—57. Спб. 1914. Тип. Богданова (Эртелевъ пер., 7). 4° (19×30). 527—900 стр. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 200 экз.

Остроуховъ, П. А. Англо-русскій торговый договоръ 1734 г Очеркъ по исторіи русской торговой политики (на основаніи архивныхъ источниковъ). Съ предисловіемъ П. Б. Струве. Труды студентовъ экономическаго отдѣленія Спб. Политехническаго Института Императора Петра Великаго. № 13. Спб. 1914. Изд. Спб. Полит. Инст. Имп. Петра Вел. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16×24). X+204 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 21 л. 400 экз.

Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Толстовскій Музей. Т. II. Спб. 1914. Изд. Об-ва Толстовскаго Музея. Тип. В. М. Вольфа (Невскій пр., 126). 8° (17 + 26). 478 стр. и 2 портр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по исторіи древне-русской литературы. Часть I. Древнѣйшій періодъ (XI—XIII в.в.). По лекціямъ проф. составилъ студ. Ал. Б. Кіевъ. 1914. Изд. 2-е. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Каравaевская, 4). 8° (18×27). 326 + 2 нен. стр. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 250 экз.

Прохоровъ, Ф. Ф. и Николаевъ, А. С. Акты и документы, относящіеся къ исторіи Спб. Городского Управленія и города С.-Петербурга въ эпоху Отечественной войны. Матеріалы изъ архивовъ: Спб. Городского, Спб. Купеческой Управы и Общаго Архива Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, собранные и изданные подъ ред. К. А. Военскаго. Томъ I. Спб. 1914. Изд. Городской Думы. Тип. Городская (Садовая, 55). 8° (19×28). LVI + 573 стр. Вѣсъ 4 ф. 12 л. 1.140 экз.

Старина и новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга 18. Спб. 1914. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 62+64+2+160—237+II+188—281+100+2 стр. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 1.000 экз.

Бродскій, Н. Л. Мендельсонъ, Н. М. и Сидоровъ, Н. П. Историко-литературная хрестоматія. Ч. I. Устная народная словесность съ историческими и этнографическими комментаріями. М. 1914. Изд. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной). Тип. Г. Лесснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8° (17×25). IV+288 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 5.100 экз.

Георгій, епископъ. Первый пріѣздъ въ Россію восточнаго патріарха. Калуга. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (15×22). 12 стр. Вѣсъ 4 л. 65 экз.

Гершензонъ, М. Грибоѣдовская Москва. М. 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (15×22). IV + 120 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 2.050 экз.

Делекторскій, Ѳ. Христіанскій лейтъ-мотивъ русской литературы эпохи крѣпостного права. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 7° (17×25). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Томъ I и II. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8° (16×23). XVI+407+XVIII+507 стр. Ц. 3 р. за оба тома. Вѣсъ 2 ф. 17 л. По 3.000 экз.

Исторія нашего времени (Современная культура и ея проблема). Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 20-й. Спб. 1914. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. Тип. Мин. Путей Сообщенія. 8° (19×28). 81—160 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.200 экз.

Исторія русской арміи и флота. Т. XV. М. 1913. Изд. Книг. изд. т-ва „Образованіе". Тип. Русск. Товар. (Чист. пр., Мыльн. пер., с. д.). 8° (18×27). 154 стр. Съ 7 рис.+1 карта. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 4.000 экз.

Исторія Ѳеодоровскаго Городского монастыря (Нижегородской губ.) и построеніе въ Спб. храма въ память 300-лѣтняго юбилея царствованія Императорскаго Дома Романовыхъ. Спб. 1914. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (12×18). 148 стр. Съ рис. Вѣсъ 16 л. 50.000 экз.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I. Спб. 1914. Тип. А. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (17×25). 22 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Описаніе русско-турецкой войны 1877—78 г.г. На Балканскомъ полуостровѣ. Томъ IX. Дѣйствіе съ 1-го января 1878 г. до окончанія войны. Дѣйствія въ тыловыхъ районахъ театра войны. Часть II. Подъ ред.

Геруа I. Спб. 1913. Тип. Имп. уч. глухонѣмыхъ (Мойка, 54). 8° (19×28). XVIII + 346 + 183 стр. Вѣсъ 3 ф. 18 л. 2.010 экз.

П. М. Воспоминаніе о пребываніи Аѳонской чудотворной иконы Богоматери въ Слободскомъ женскомъ монастырѣ въ 1863 г. Слободской 1914. Тип. Мясникова. 8° (13 × 19). 120 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1914 годъ. Вятка. 1913. Изд. Губ. Статистическаго Комитета. Тип. Губернская. 8° (16×24). VII + 21 + XVIII + 206 + 347 стр. Ц. 1 р. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 900 экз.

Полонская, Н. Д. Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ. Подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Вып. III. Кіевъ. 1914. Изд. и тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 4° (27×36). 54 + IV стр. + XXXVIII табл. рис. Складъ: у автора (Московская, 30). Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 3.000 экз.

I. 50-лѣтіе села Старыхъ Зятцей, Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ. 14-го іюля 1913 г. II. 50-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ протоіерея села Старыхъ Зятцей, Малмыжскаго уѣзда, Вятской губ. М. I. Шерстенникова. Вятка. Тип. Шкляевой. 8° (15 × 23). 19 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Селихановичъ, А. Религіозная проблема у Достоевскаго. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (17 × 25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 55.000 экз.

Слово. Сборникъ второй къ десятилѣтію смерти А. П. Чехова. Неиздан. драм. и беллетр. произведенія, отрывки, замѣтки, публицист. статьи А. П. Чехова. Письма къ нему Д. В. Григоровича, Н. А. Михайловскаго, А. П. Плещеева и др. Подъ ред. М. П. Чеховой. Съ портретомъ А. П. Чехова. М. 1914. Изд. Книгоизд. писателей въ Москвѣ (Никитск. б., 10). Тип. А. Левенсонъ (Трехпруд. п., с. д.). 8° (16 × 22). 289 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 30 л. 10.000 экз.

Соболевъ, Алексѣй, свящ. Въ чемъ были погребены наши предки-христіане. (Отд. от. изъ XV кн. „Труды Владим. Учен. Арх. Ком.“. Владиміръ. 1914. Тип. Губ. прав. 8° (17 × 25). 35 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз

Тельбергъ, Георгій, проф. Правительствующій Сенатъ и Самодержавная Власть въ началѣ XIX вѣка (Очеркъ изъ исторіи консервативныхъ политическихъ идей въ Россіи на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ). Изъ записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II. М. 1914. Тип. А. И. Снѣгиревой. 8° (18 × 27). 80 + 1 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 300 экз.

Толстовскій ежегодникъ 1913 года. Спб. 1914. Изд. Общ. Толстовскаго музея въ Спб. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (17 × 26). VIII+152+79+79+104 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 4.200 экз.

Толь-фонъ, В. Г. 145-й пѣхотный Новочеркасскій Императора Александра III полкъ 1796 — 1863 — 1912 г. Историческій очеркъ. Спб. 1914. Тип. Сѣверная (В. О., 13 л., 2). 8° (17 × 25). 101 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

Шамуринъ, Юрій. Подмосковныя. Книга вторая. Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ девятый. М. 1914. Изд. Т-ва Образованіе. Тип. Русскаго Товар-ства (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 72+4 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 4.000.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

продавцемъ Глазуновымъ, и что „Россійскій Θеатръ", гдѣ онъ появился мѣсяца два-три спустя, воспользовался наборомъ приготовленнымъ для глазуновскаго изданія, чѣмъ опровергается утвержденіе Губерти, будто „наборъ отдѣльнаго оттиска трагедіи совершенно различенъ отъ того, которымъ она напечатана въ 39 томѣ Θеатра" (есть кое-какіе варіанты, но совершенно ничтожные). Такъ какъ первоисточникъ этого печатнаго текста неизвѣстенъ и „Вадимъ" былъ изданъ по смерти автора, то г. Саводникъ, перепечатывая трагедію, считался также съ одной старинной копіей, дающей немало измѣненій. „Почти всѣ они свидѣтельствуютъ о явномъ и сознательномъ стремленіи внести въ текстѣ трагедіи различныя исправленія, замѣнить неудачныя выраженія и обороты болѣе удачными, придать стиху большую легкость и правильность: такимъ образомъ, измѣненія эти касаются не столько смысла и содержанія трагедіи, сколько ея внѣшней формы,—языка и стиля, которые въ „Вадимѣ" значительно слабѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ того же автора... Мы рѣшились—говоритъ редакторъ—„внести значительную часть этихъ измѣненій въ самый текстъ трагедіи. Если они и не принадлежатъ перу самого автора, то все-таки за ними уже столѣтняя давность, сдѣланы умѣлою рукою и представляютъ собой дѣйствительныя исправленія текста,—да, наконецъ, и самъ Княжнинъ, конечно, не принадлежитъ къ числу такихъ писателей, каждая строка которыхъ должна быть для насъ священной и заповѣдной". Это такъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣлать этого не слѣдовало, не только изъ принципіальныхъ соображеній, но еще и потому, что, какъ видно изъ этихъ измѣненій (аккуратно отмѣченныхъ г. Саводникомъ), они принадлежатъ не времени Княжнина, а первой четверти XIX вѣка и направлены въ сторону модернизаціи языка и стиля. Къ тому же, они не всегда удачны: „затменные" глаза смущеннаго героя замѣнены „померкшими", что совсѣмъ не то же; „явити всѣ ему опасности его" передѣлано въ „открыть сей заговоръ и всѣ опасности его", при чемъ размѣръ стиха испорченъ лишней стопою и т. под. Въ предисловіи г. Саводникъ хорошо выясняетъ политическое значеніе трагедіи и зависимость ея отъ французской драмы.

Князь Θедоръ Долгорукой. Родословный сборникъ. Выпускъ I. Спб. 1913.—Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Часть II. Спб. 1913.—Извлеченіе изъ генеалогіи царственной персидской династіи.

Составленные кн. Θ. Долгорукимъ генеалогическіе списки отличаются несистематичностью содержанія, случайностью сообщенныхъ въ нихъ свѣдѣній, отражаютъ родословные предразсудки, повторяютъ легенды (напр., представляется сомнительною связь армянскихъ Долгорукихъ-Аргутинскихъ съ русскими Долгорукими) и не внушаютъ довѣрія изъ-за неразборчивости составителя въ матеріалахъ. Нельзя же говорить серьезно о такихъ источникахъ, какъ адресная книга „Весь Петербургъ" и... „Изъ пещеръ и дебрей Индостана" Блаватской. Изслѣдователь долженъ былъ бы оставить баснословныя времена и анекдотическую исторію и дать побольше мотивированныхъ справокъ, которыми безъ опаски могъ бы воспользоваться генеалогъ и историкъ. При нѣкоторыхъ родословныхъ приводятся особые списки „не вошедшихъ въ роспись"; этого тоже надо избѣгать и всѣ упоминаемыя лица должны быть связаны другъ съ другомъ.

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-е, изд—ства „Молодыя силы". Казань. 1914.

Несмотря на то, что первое изданіе книги Прыжова появилось около полвѣка назадъ, она до сихъ поръ не утратила научнаго значенія и, вѣроятно, еще долго сохранитъ его хотя бы въ качествѣ собранія драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго „народнаго бѣдствія". Она была выпущена въ свѣтъ, по выраженію самого автора, „во всемъ безобразіи черновой рукописи", мѣстами изложена съ конспективной бѣглостью и все-таки читается легко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1914 г.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **„Новое Время"**, Невскій, д. 40. **Вольфъ,** Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1913 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.

